

ПАРМЕНИДЪ.

ПАРМЕНИДЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Діалогъ «Парменидъ» предлагается въ формѣ разсказа. Кефаль молча слушающимъ его друзьямъ излагаетъ содержаніе разговора. Потому діалогъ этотъ называется *διηγηματικός*, — пересказывательнымъ. Впрочемъ рѣчь разсказчика во многихъ мѣстахъ такъ прикрывается собесѣдованіемъ лицъ, что представляется какъ бы дѣйствительнымъ, къ настоящему времени относящимся разговоромъ. И такъ, Кефаль разсказываетъ, что нѣкогда онъ, съ друзьями, пришелъ изъ Клазомена въ Аеины и на аеинской площади случайно встрѣтился съ Адимантомъ и Главкономъ. При встрѣчѣ съ ними, просилъ онъ ихъ напомнить ему имя брата ихъ по матери, которое, по давности времени, вышло у него изъ памяти. Тѣ отвѣчали, что имя брата ихъ Антифонъ; а онъ объяснилъ, почему хотѣлось ему снова слышать о немъ. Друзья мои, говоритъ, — большіе любители философіи, — слышали, что этотъ Антифонъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ нѣкимъ Пиеодоромъ, пріятелемъ Зенона элейскаго, и чрезъ него зналъ о разговорѣ, происходившемъ когда-то между Зенономъ, Сократомъ и Парменидомъ. Такъ теперь они желали бы обстоятельно выслушать содержаніе этого разговора. Адимантъ и Главконъ подтвердили, что Антифонъ въ молодости дѣй-

ствительно много занимался такими разсужденіями, но теперь, предавшись удовольствіямъ, отсталъ отъ этихъ занятій. Однакожь пошли къ нему и, заставъ его дома, убѣдили пере сказать ту бесѣду великихъ философовъ.

Затѣмъ Кефалъ пересказываетъ, что говорилъ Антифонъ о содержаніи разговора, который такъ сильно желали знать глазоменяне. Нѣкогда на великія панаэинеи пришли, говорить, Парменидъ и Зенонъ. Первый изъ нихъ, не смотря на шестидесятилѣтній свой возрастъ, былъ красивъ и показенъ; второй былъ въ цвѣтущихъ лѣтахъ мужества и почитался бывшимъ любимцемъ Парменида. Пристанище имѣли они у Пиеодора. Слухъ о нихъ возбудилъ любопытство многихъ и между прочими заинтересовалъ Сократа,—и Сократъ, вмѣстѣ съ другими, пришелъ къ нимъ, чтобы выслушать, въ первый разъ принесенное тогда въ Аѣины, сочиненіе Зенона. Сынъ Софрониска въ то время былъ еще юноша, въ искусствѣ разсуждать довольно неопытный. Зенонъ самъ сталъ читать имъ свою книгу; и когда чтеніе приближалось уже къ концу, прибыли Пиеодоръ, Парменидъ и Аристотель, впоследствии одинъ изъ «тридцати». Но содержаніе книги было имъ уже извѣстно (р. 126—127 D). Изложеніе этихъ обстоятельствъ бесѣды составляетъ приступъ ея.

Когда Зенонъ кончилъ чтеніе своей книги, Сократъ обращаетъ вниманіе на ея цѣль и намѣреніе, замѣтивъ, что въ ней, съ самаго перваго положенія, Зенону хочется придти къ отрицанію всякой множественности. Этотъ элеецъ утверждалъ, что если того, что есть, много, то вещи тѣ же будутъ подобны и не подобны однѣ другимъ; а такъ какъ здѣсь явное противорѣчіе, то мнѣніе людей, допускающихъ множественность, и не можетъ быть принято. Зенонъ признаетъ вѣрнымъ замѣчаніе Сократа и подаетъ Сократу поводъ затронуть его самолюбіе тою мыслию, что Зеноново ученіе отличается отъ Парменидова только словами, а не содержаніемъ; ибо Парменидъ училъ, что *все есть одно*, а Зенонъ полагаетъ, что *все есть не многое*: существенной

разницы между этими учениями нѣтъ, и философъ думаетъ только обмануть слушателей игрою словъ. Но Зенонъ защищаетъ противъ такого обиднаго обвиненія: онъ написалъ это сочиненіе, говоритъ, лишь съ цѣлю помочь мнѣнію Парменида, что все есть одно, доказавъ, что изъ положенія тѣхъ, которые принимаютъ, наоборотъ, бытіе множественности, вытекаютъ слѣдствія болѣе нелѣпыя. Притомъ эта книга, по его словамъ, написана не съ тѣмъ, чтобы выпустить ее въ свѣтъ: онъ писалъ ее еще въ молодости, а теперь только возстановилъ первоначальный, кѣмъ-то украденный текстъ (р. 127 C—128 D).

Разсмотримъ теперь, какой смыслъ заключаетъ въ себѣ положеніе Зенона: сущее не есть многое, *τὰ ὄντα οὐκ εἶναι πολλά*, и, прежде всего, чтò разумѣетъ онъ подъ словомъ *τὰ ὄντα*. Надобно, главное, остерегаться, чтобы, по обычной терминологіи самого Платона, причастію *τὰ ὄντα* не приписать того, чтò не подлежитъ чувственному усмотрѣнію и доступно только мышленію. Изъ исторіи философіи должно быть извѣстно, что здѣсь *τὰ ὄντα* означаетъ, напротивъ, вещи чувствопостигаемыя; это ясно и изъ словъ Сократа въ Парменидѣ (р. 129 E): «Если бы кто, говоритъ онъ, то же недомнѣніе, — какъ вы усматриваете его завитымъ въ вещахъ видимыхъ, — могъ показать и въ тѣхъ, которыя подлежатъ разсудку, — различнымъ образомъ завитое въ самыхъ видахъ....» и, далѣе, изъ относящихся къ этому словъ Парменида (р. 135 E), который говоритъ: «Тому-то я очень обрадовался, чтò ты сказалъ ему: что, то есть, не позволяешь себѣ держаться въ *видимомъ* и здѣсь искать обмана, но восходишь къ тому, чтò схватываетъ кто нибудь особенно умомъ и почитаетъ видами». И такъ, самый текстъ Платона ясно показываетъ, что Зенонъ старался устранить *τὰ ὄντα физическое*, чтобы вмѣстѣ отвергнуть и многообразіе сущности. *τὰ ὄντα* у іонійцевъ было не иное что, какъ подлежація чувствамъ стихіи и начала вещей, изъ которыхъ образовалось все. Это именно передаетъ намъ о нихъ и

Аристотель (De gener. et corr. I, 1): «Изъ древнихъ, говоритъ онъ, одни такъ называемое простое рожденіе (ἀπλήν γένεσι) именуютъ переименованіемъ, другіе—и переименованіемъ и рожденіемъ. Принимающіе многое за одно и производящіе все изъ одного рожденіе называютъ переименованіемъ; такъ что все въ собственномъ смыслѣ происходящее, по ихъ мнѣнію, переименовывается. А тѣ, что въ матеріи одного видятъ большее,—какъ Эмпедокль, Анаксагоръ, Левкиппъ,—полагаютъ иначе. Эмпедокль говоритъ, что огонь, вода, воздухъ и земля суть четыре стихіи, болѣе простыя, нежели плоть и кости, и подобныя имъ оміомеріи. Напротивъ, Анаксагоръ оміомеріи называетъ стихіями простыми, а землю, огонь, воздухъ—веществами сложными. Стихій, подобно другимъ, принимаетъ онъ много. У Эмпедокла четыре тѣлесныхъ стихіи, а всѣхъ, вмѣстѣ съ движителями (разумѣеть φιλίαν и νεῖχος), шесть. Напротивъ, у Анаксагора, Левкиппа и Демокрита онъ безчисленны». То есть, древнѣйшіе іонійскіе философы происхожденіе вещей изъясняли такъ, что все образовалось изъ какой нибудь одной стихіи, какъ бы изъ источника, чрезъ измѣненіе, ἀλλοίωσι. Потомъ явились другіе мыслители, которые, отвергнувъ первый способъ изъясненія, предположили много стихій и все производили чрезъ смѣшеніе и раздѣленіе ихъ, что у грековъ называлось σύχυσις и διάχυσις. Къ числу послѣднихъ принадлежали Эмпедокль, Анаксагоръ, Левкиппъ и Демокритъ. Эмпедокль, говорятъ, первый различилъ тѣ четыре стихіи, въ составѣ всѣхъ сложныхъ тѣлъ, и, признавъ ихъ за начала вещей, присоединилъ къ нимъ двѣ дѣйствующія причины—φιλίαν (дружбу) и νεῖχος (вражду), силою которыхъ, по его мнѣнію, произведено все. Потомъ Анаксагоръ полагалъ, что есть безконечное множество отдѣльныхъ частицъ, которыя первоначально составляли одну массу, и изъ которыхъ затѣмъ силою ума образовано все существующее. А Левкиппъ и Демокритъ учили, что вещи состоятъ изъ атомовъ, совершенно отдѣльныхъ одинъ отъ другаго, которые, различнымъ образомъ соединяясь и скучиваясь, даютъ начало всѣмъ явленіямъ. Всѣ эти

философы, стало быть, допускали *πολλά εἶναι τὰ ὄντα*, хотя учение каждаго изъ нихъ имѣло свои оттънки. Такъ, по Эмпедоклу и Анаксагору, основныя стихіи сперва находились въ состояніи смѣшенія; а по Левкиппу и Демокриту, онѣ имѣютъ бытіе раздѣльное и лишены въ своихъ недѣлимыхъ всякихъ опредѣленныхъ качествъ. Посему тѣ полагали, въ нѣкоторомъ смыслѣ, *ἐν καὶ πολλά*, а эти—только *πολλά*. Притомъ не безъ особыхъ также оттънковъ были и мнѣнія Анаксагора и Эмпедокла: первый въ смѣшанной массѣ матеріи видѣлъ безконечное множество оміомерій, а послѣдній находилъ въ ней только четыре стихіи.

Взгляду этихъ физиковъ діаметрально противна была идея элейцевъ. Послѣ того какъ іонійцы пытались причины и начала всѣхъ вещей открыть въ нѣкоторыхъ стихіяхъ тѣль, явились новыя попытки философіи—какъ бы инстинктивно предполагать и опредѣлять то, что находится за чертою чувствовостигаемаго. Какъ возникло это стремленіе, ясно показываетъ самое свойство дѣла. Кто изслѣдываетъ начало вещей, отъ котораго все произошло, тотъ естественно приходитъ къ мысли о томъ, что не подлежало бы никакимъ перемѣнамъ и заключало бы въ себѣ постоянное основаніе всякаго знанія; ибо всѣ очень легко чувствуютъ, что несостоятельное само для себя не можетъ быть причиною прочихъ вещей. Вещи же чувствовостигаемыя такъ измѣнчивы и непостоянны, что въ своемъ теченіи не останавливаются ни на минуту; и человѣческое чувство притомъ до того слабо, что тѣ же люди въ разныя времена, или различныя въ то же время, воспринимаютъ извѣстный предметъ совсѣмъ не одинаково. Стало быть, нѣтъ ничего удивительнаго, если и самыя стихіи вещей, какъ матеріальныя, не свободны отъ такого непостоянства; и потому начала вещей надобно искать не въ матеріи, а за предѣлами чувствовостигаемаго. Разумѣется, впрочемъ, что стремленіе вступить въ эту область не веществественности все-таки не могло бы возбуждаться и поддерживаться однимъ анализомъ вещества, если бы род-

ника метафизическихъ своихъ стремленій философiя не имѣла въ самой идеѣ истины, которая неудержимо влечетъ чело-вѣка отъ измѣняющагося къ постоянному, отъ конечнаго къ безконечному, отъ временнаго къ вѣчному. И такъ, скоро, особенно между дорянами, нашлись такіе мыслители, кото-рые, изслѣдывая причины вещей, оставили чувственную сторону бытія и въ видимомъ стали созерцать невидимое, — презрѣвъ свидѣтельство чувствъ, дали полную свободу дѣя-тельности ума. Первые, вступившіе на это поприще, были пифагорейцы, которые, поставляя на передній планъ фило-софскаго созерцанія гармонію всемірныхъ явленій, старались причину ея открыть въ гармоніи чиселъ. Потомъ, за пифа-горейцами, слѣдовали такъ называемые элейцы, не только выступившіе за предѣлы чувствопостигаемаго, но уже не удов-летворявшіеся, для познанія истины бытія, однѣми математи-ческими пропорціями. Областію ихъ было бытіе въ чистомъ его отвлеченіи; предметомъ своей мудрости поставили они *οὐσία νοητή*. Корифеемъ такихъ философовъ исторiя по-читаетъ Парменида, именемъ котораго Платонъ озаглавилъ разсматриваемый теперь діалогъ.

Какъ понимали элейцы *мыслимую сущность*?—Не отвергая разнообразнаго матеріальнаго бытія вещей, которое, въ значеніи міра явленій, подлежало особому разсмотрѣнію, они принимали также бытіе единое, доступное лишь уму, представляемое только мысленно. Однакожь эта сущность, доступная одному уму, по ихъ взгляду, не есть произведеніе или внутреннее достояніе исключительно ума, но есть также рытіе само по себѣ, имѣющее внѣшнюю или подлежательную беальность. Оно-то и служитъ началомъ всѣхъ вещей: И такъ, тонко разсмотрѣвъ со всѣхъ сторонъ то, что разумѣлось у элейцевъ подъ именемъ бытія, Парменидъ измыслилъ и даль ему названіе сущности, *οὐσία*, и эту сущность почиталъ бытіемъ простѣйшимъ, безкачественнымъ, не заключающимъ въ себѣ никакой сложности, ничего разнообразнаго. Что таково именно было мнѣніе Парменида о сущемъ, свидѣ-

тельствуютъ собственные его стихи: Ταῦτόν δ' ἐστὶ νοεῖν τε καὶ οὐνεχὲν ἐστὶ νόημα. Οὐ γὰρ ἄνευ τοῦ ἔοντος, ἐν ᾧ πεφασισμένον ἐστίν, Εὐρήσεις τὸ νοεῖν· οὐδὲν γὰρ ἐστὶν ἢ ἔσται ἄλλο πάρεξ τοῦ ἔοντος (мышленіе и то, о чемъ является мысль,—одно и то же; ибо безъ сущаго, въ которомъ выразилось мышленіе, ты не найдешь его; такъ какъ нѣтъ и не будетъ ничего, кромѣ сущаго). Изъ этого видно также, что мышленіе и бытіе у Парменида безразличны: χρῆ τὸ λέγειν τε νοεῖν τ' ἐὸν ἔμμεναι, ἐστὶ γὰρ εἶναι (слово и мышленіе пребываютъ сущностию; ибо здѣсь бытіе). Онъ полагалъ, то есть, что его сущее простирается на все и такъ соединено со всякимъ мышленіемъ, что безъ сущаго нельзя ни сказать что нибудь, ни помыслить. Видя же, что понятіе о сущности можетъ быть получено только умомъ и никакъ не поддается чувствамъ,—познаніе того, чтò дѣйствительно существуетъ, приписалъ онъ лишь уму, а чувствамъ отказалъ въ ощущеніи истины и на ихъ долю оставилъ просто видъ или тѣнь мнѣнія. Отсюда произошли у него два рода познанія: одинъ—относящійся исключительно къ существованію абсолютному, а другой—къ чувствовостигаемому и доставляющему мнѣніе. Отсюда также и стихотвореніе его Περὶ φύσεως, въ которомъ изложилъ онъ все свое ученіе, дѣлится на двѣ части: первая часть говоритъ о природѣ и познаніи того, чтò по истинѣ существуетъ, а вторая разсуждаетъ о знаніи, проистекающемъ изъ мнѣнія, чрезъ чувства, путемъ правдоподобія¹.

Мы, для своей цѣли, сперва обратимъ вниманіе особенно на первую часть. Здѣсь Парменидъ учитъ, что тò дѣйствительно существуетъ, къ чему должно быть приложено слово *есть*, и что *быть ничему* никакъ невозможно, ибо чего не было бы, того нельзя было бы ни понять, ни помыслить; затѣмъ описываетъ силу и природу истинно сущаго: что оно не произошло и не исчезнетъ, не ограничивается никакимъ временемъ и не размежевывается никакимъ простран-

¹ См. Brandis, Commentatt. Eleatt. p. 103—113.

ствомъ, но есть непрерывное одно, *ἓν συνεχές*; что это сущее есть бытіе простое, однообразное, всегда состоятельное и себѣ равное, ибо *οὐδὲ διαίρετόν ἐστιν, ἐπεὶ πᾶν ἐστὶν ὁμοῖον, οὐδὲ τί πῆ μᾶλλον τό κεν εἴργοι μιν συνεχέσθαι, οὐδὲ τι χειρότερον*. Посему многіе полагали, что у Парменида все есть одно. Такъ думали, между прочими, Платонъ (*Theaet.* p. 180 D, E; *Sophist.* p. 242 D) и Аристотель (*Met.* III, 4); и мнѣніе это, въ болѣе тонкомъ его значеніи, дѣйствительно, не чуждо Парменидову взгляду. Надо впрочемъ замѣтить, что подъ своимъ *τὸ δὴ* Парменидъ не разумѣлъ ни неба, ни боговъ, ни Платоновыхъ идей, ни начала видимыхъ вещей, — даже не разумѣлъ, думаемъ, и такъ называемой субстанціи, разлитой по всему міру, въ значеніи и матеріи и божественной силы, чтò хотѣлъ видѣть въ его ученіи Брандисъ (*Commentt. Eleatt.* p. 176 и 181). Мнѣ представляется болѣе вѣроятнымъ мнѣніе тѣхъ, которые въ Парменидовомъ *τὰ δὴτα* угадывали природу его *οὐσίας*, отображающуюся въ душѣ, и въ то же время, въ силу объективнаго ея бытія, разлитую во всѣхъ явленіяхъ; это терминъ, которымъ Парменидъ тонко отличалъ отъ природы вещей измѣняющихся то, чтò составляетъ основаніе ихъ бытія. Такой именно смыслъ приписывалъ Парменидову ученію о сущемъ еще древній толкователь Аристотеля Симплицій (*Commentar. ad Phys.* fol. 5, p. 2; fol. 9, 1; fol. 17, 2; fol. 15, 1 et al.) Принявъ это мнѣніе за вѣрное, мы легче поймемъ и прочіе пункты философіи Парменида. Не смотря на то, что сущее представлялось ему безконечнымъ, не ограниченнымъ никакими предѣлами мѣста и времени, онъ мыслилъ его однакожъ тождественнымъ, слѣдовательно связаннымъ нѣкоторою формою (v. 90 sqq.): *Ταὐτόν τ' ἐν ταυτῷ τε μένον καθ' ἑαυτὸ τε κεῖται. Οὕτως ἐμπέδον αὐθι μένει· κρατερῆ γάρ ἀνάγκη Πείρατος ἐν δεσμοῖσιν ἔχει, τὸ μιν ἀμφὶς ἐέρχει. Οὐνεχεν οὐκ ἀτελεύτητον τὸ ἐὸν θέμις εἶναι. Ἔστι γάρ οὐκ ἐπίδευες· μὴ εἶόν δέ κε (т. е. οὐκ ἀτελεύτητον) παντὸς ἐδεῖτο*. Быть не можетъ, говоритъ онъ, чтобы сущему, свободному отъ всѣхъ временныхъ и мѣстныхъ ограниченій, не былъ свойственъ ника-

кой предѣль; потому что иначе оно не имѣло бы совершенной полноты, было бы ἀτελεύτητον. Сюда же, безъ сомнѣнія, относится и то, что сущее у Парменида почитается шаровиднымъ, поколику, то есть, оно само въ себѣ совершенно (v. 103 sq.): Αὐτὰρ ἐπεὶ πείρας πύματον τετελεσμένον ἐστίν, Πάντοθεν εὐκύκλου σφαιρῆς ἐναλίγκιον ὄγκῳ, Μεσσόθεν ἰσοπαλές πάντη τὸ γὰρ οὔτε τι μείζον, Οὔτε τι βαιότερον πελέμεν χρεῶν ἐστὶν τῇ ἢ τῇ. Οὔτε γὰρ οὐκ ἐόν ἐστίν, τό κεν παῦοι μιν ἰκεῖσθαι εἰς ὁμόν, οὔτ' ἐόν ἐστὶν ὅπως εἴη κεν ἐόντος Τῆ μᾶλλον, τῇ δ' ἤσσον· ἐπεὶ πᾶν ἐστὶν ἄσυλον, ἢ γὰρ παντόθεν ἴσον ὁμῶς ἐν πείρασι κυρεῖ. Это мѣсто можно понимать не иначе, какъ такъ, что Парменидъ представлялъ себѣ мѣръ въ шаровидной формѣ. А что свое сущее почиталъ онъ конечнымъ и ограниченнымъ, то эта мысль, можно думать, образовалась у него подъ влiяніемъ пифагорейской идеи о безпредѣльномъ, опредѣляющемъ и смѣшанномъ. Догадка наша тѣмъ вѣроятнѣе, что въ отрывкахъ стихотвореній элейскаго философа нѣтъ ничего, противорѣчающаго этой мысли, и что Аристотель ясно приписываетъ ему τὸ ὄν, какъ ἀπειρον и πεπερασμένον: «Парменидъ говорить, что все—одно и безродно (ἀγέννητον), хотя и ограничено (Phys. I, 2, p. 8). По Мелиссу, оно безпредѣльно, а по Пармениду, ограничено» (Phys. III, 16, p. 57). Къ тому же Страбонъ (libr. VI in.) Парменида и Зенона называетъ ἀνδρας Πυθαγορείους, и Парменидъ, по свидѣтельству Сотіона, у Діог. Лаэртiя (IX, 21), былъ въ дружеской связи съ пифагорейцами Аминіемъ и Дрохесомъ. То же самое подтверждаетъ и Проклъ (Comm. in Parmenid. T. IV, p. 5): «На этотъ праздникъ, говорить онъ, Парменидъ и Зенонъ отправились въ Аѣины. Парменидъ былъ учитель, Зенонъ—ученикъ,—оба элейцы; мало того, оба держались пифагорейской школы, какъ рассказываетъ, кажется, и Каллимахъ»¹.

¹ Разумѣется Каллимахъ киринейскій, знаменитый грамматикъ, многими и прекрасными сочиненіями пролившій не мало свѣта на исторію философіи. I o n s i u s, De scriptis Phil. II, c. V, p. 133 sqq.

Все это приводит насъ къ той догадкѣ, что Парменидъ, если въ какой части своей науки, то, конечно, въ этой близко слѣдовалъ пифагорейцамъ: ибо какъ послѣдніе все производили изъ сочетанія безконечнаго и конечнаго, такъ и первый называлъ свое сущее отовсюду совершеннымъ, сферовиднымъ и до того опредѣленнымъ, что оно ни съ которой стороны не можетъ представляться недостаточнымъ. Такимъ образомъ, что пифагорейцы утверждали о цѣломъ мірѣ, то Парменидъ говорилъ о своей *οὐσία*, доступной одному только уму и мышленію. Онъ представлялъ себѣ подъ этимъ именемъ родъ бытія, обнимающаго все, что можно назвать дѣйствительно существующимъ, которое надобно почитать единымъ, простымъ и не преходящимъ, и до котораго усмотрѣніе чувственное никогда не достигаетъ.

Во второй части своего сочиненія Парменидъ обращаетъ вниманіе на измѣняющуюся или чувствопостигаемую сторону природы и говоритъ, что отсюда, чрезъ чувства, путемъ правдоподобія, возникаютъ мнѣнія, *τὰ πρὸς δόξαν*. Очень жаль, что до насъ дошло немного стиховъ Парменида, относящихся къ этой части его ученія,—такъ что, для раскрытія содержащихся въ ней мыслей, настоятъ необходимость обращаться къ авторитету Аристотеля и другихъ писателей. По свидѣтельству ихъ, элейскій философъ полагалъ два начала вещей, подлежащихъ чувствамъ: свѣтъ и тьму; а другіе говорятъ, что теплоту и холодъ, или огонь и землю. Если допустимъ, что онъ въ своемъ ученіи давалъ мѣсто всѣмъ этимъ тремъ парамъ началъ, то можно думать, что первый членъ каждой пары онъ понималъ какъ причину дѣйствующую, а вторымъ соединялъ значеніе причины матеріальной, и на взаимное отношеніе ихъ смотрѣлъ такъ же, какъ въ метафизической части своей науки представлялъ отношеніе между *ἄπειρον* и *πέρας ἕχον*, то есть, тьму, или, по другимъ, холодъ, а по Аристотелю, землю принималъ за начало безпредѣльное, въ нѣдрѣ котораго зародились всѣ вещи; подъ огнемъ же, теплою и свѣтомъ разумѣлъ то, что дало порядокъ всѣмъ

вещамъ, то есть опредѣлило ихъ формами и каждой въ мірѣ явленій назначило свое мѣсто. Впрочемъ мы не видимъ особенной надобности для своей цѣли входить въ дальнѣйшее изслѣдованіе содержанія второй части Парменидова ученія; потому что въ Платоновомъ Парменидѣ имѣется въ виду и разсматривается главнымъ образомъ не міръ явленій, а одно сущее, о которомъ разсуждаетъ часть первая. И такъ, возвращаемся къ разбору слѣдующаго далѣе текста въ діалогѣ.

Когда Зенонъ сказалъ, что предположеніе многаго ведетъ къ бѣльшимъ нелѣпостямъ, чѣмъ предположеніе одного, Сократъ тотчасъ обращаетъ вниманіе на различіе между чувствопостигаемыми вещами и идеями и замѣчаетъ, что недѣлимымъ-то не трудно приписывать свойства противныя,—гораздо важнѣе и достойнѣе діалектики вопросъ о томъ, возможно ли приписывать различныя и многія свойства идеямъ. Мы совершенно увѣрены, говоритъ онъ, что есть нѣкоторый видъ подобія и неподобія самого въ себѣ,—такой видъ, которому причастны бываютъ недѣлимые; такъ что причастныя подобія называются подобными, а причастныя неподобія—не подобными. Можетъ быть и то, что одна и та же вещь оказывается причастною столько же подобія, какъ и неподобія; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что мы въ одно и то же время будемъ называть ее и подобною и не подобною, и человѣкъ умный не найдетъ въ этомъ никакого затрудненія. Гораздо удивительнѣе было бы то, если бы кто могъ показать и доказать, что самый видъ подобія не подобенъ, или что само въ себѣ неподобіе подобно. То же надобно сказать, говорить, объ одномъ и многомъ. Что недѣлимые, причастныя одного и многаго, заключаютъ въ себѣ свойства того и другаго,—это нисколько не странно: напротивъ, очень странно было бы то, если бы само единство было множествомъ, или само множество—единствомъ. Такъ надобно судить и о прочихъ идеяхъ. Стало быть, кто сперва надлежащимъ образомъ различилъ бы именно идеи, разсматриваемыя сами по себѣ, какъ-то: подобіе и неподобіе, мно-

жество и единство, движеніе и покой, и другія такія же, а потомъ показаль, что онѣ могутъ смѣшиваться между собою и снова раздѣляться, тотъ въ моихъ глазахъ дѣйствительно стоилъ бы удивленія и получилъ бы право на мое уваженіе (р. 128 E—129 E).

Возраженіе Сократа поставлено такъ, что обращаетъ вниманіе и на относительную природу вещей, и выдвигаетъ впередъ Платоново ученіе объ идеяхъ. Положеніе Зенона, что вещи чувствопостигаемыя никакъ не могутъ имѣть многихъ и различныхъ свойствъ, Сократу кажется страннымъ потому, что одна и та же вещь можетъ быть причастна вмѣстѣ многихъ идей; слѣдовательно, въ ней необходимо видѣть *ἐν καὶ πολλά* (сравн. Phedon. p. 102 A sqq.). Но это, какъ извѣстно, есть ученіе Платона, который въ словахъ философовъ, отказывавшихъ вещамъ въ многообразіи свойствъ; не видѣлъ ничего, кромѣ ребяческой болтовни; и замѣчанія этого рода направлялъ онъ именно противъ элейцевъ (сравн. Phileb. p. 14 C sqq.). Въ указанномъ мѣстѣ Филеба прекрасно объясняется, какимъ образомъ возможны *ἐν καὶ πολλά*. Тамъ Сократъ говоритъ: «Многое, видишь, есть одно, а одно—и сказать чудно—есть многое; но положи (только) то, либо другое изъ этого, легко впадеши въ недоумѣніе». А собеседникъ его замѣчаетъ на это: «Неужели скажешь, что кто назваль бы меня Протархомъ, который по природѣ одинъ, тотъ нашелъ бы во мнѣ многихъ, и даже взаимно противныхъ; одного и того же призналъ бы большимъ и малымъ, тяжелымъ и легкимъ,—и такъ безъ числа?» Выслушавъ это, Сократъ отвѣчаетъ: «Ты, Протархъ, высказаль все, что распространено въ народѣ чудеснаго объ одномъ и многомъ, и относительно чего, почитай, вообще принято—не касаться этого предмета, такъ какъ онъ—дѣтская забава, пища легкомыслію, и представляетъ важныя затрудненія въ собесѣдованіи», и т. д. Сюда же относятся эти слова элейскаго иностранца (Sophist. p. 259 D): «Тождественное какимъ нибудь образомъ провозглашать отличнымъ, отличное—тождествен-

нымъ, великое—малымъ, подобное—не подобнымъ, и радоваться, что всегда противорѣчишь на словахъ—это не есть какое нибудь истинное обличеніе; тутъ виденъ новичокъ, только еще начинающій знакомиться съ чѣмъ либо существующимъ». Здѣсь послѣднія слова особенно замѣчательны. Отвергнувъ подобные недостойные извороты, Сократъ думаетъ, что полезно было бы рассмотреть, входятъ или нѣтъ противныя свойства въ самыя идеи; ибо этотъ вопросъ такъ труденъ, что для рѣшенія его требуется умъ почти божественный. Основанія такого о немъ мнѣнія очевидны. Такъ какъ идеи, по Платону, просты и постоянны, то онѣ должны быть чужды измѣнчивости и въ своихъ свойствахъ. Это хорошо видно изъ описанія идеи прекраснаго, въ Симпосіонѣ (р. 211 А, В): «Прекрасное по природѣ, говоритъ Платонъ, во первыхъ, всегда существуетъ и ни раждается, ни погибаетъ, ни увеличивается, ни оскудѣваетъ; потомъ, оно не таково, что по этому прекрасно, а по тому безобразно, либо иногда прекрасно, а иногда нѣтъ, либо для одного прекрасно, а для другаго безобразно, либо тамъ прекрасно, а здѣсь безобразно, либо однимъ прекрасно, а другимъ безобразно. Это прекрасное не будетъ представляться опять какъ бы какое лицо, или руки, или что другое причастное тѣлу, ни какъ мысль или знаніе, ни какъ сущее въ чемъ нибудь другомъ,—но какъ сущее само по себѣ, всегда съ собою одновидное». Такъ надобно судить и о прочихъ идеяхъ (Phaedon. р. 78, 79, 80 А, В; Tim. р. 28 А). Поэтому не удивительно, что Сократу казалось дѣломъ чудовищнымъ, если бы кто αὐτὰ τὰ ὁμοία ἀπέφαίνεν ἀνόμοια γιγνόμενα ἢ τὰ ἀνόμοια ὁμοία, или, если бы кто въ единство либо множество, разсматриваемое само по себѣ, вводилъ противныя свойства. Это-то недоумѣніе въ отношеніи идей, когда вносятъ въ нихъ свойства противныя, или одной идеѣ, взятой по себѣ, приписываютъ εἰ καὶ πολλά, выражаетъ онъ въ словахъ: «Если объявляютъ, что самыя роды и виды заключаютъ въ себѣ противныя свойства,—тутъ есть чему удивиться». Впрочемъ

нельзя думать, будто бы Сократъ имѣлъ въ мысли отказывать идеямъ во всякомъ разнообразіи и измѣняемости. Не смотря на то, что идеи сами по себѣ вѣчны, неизмѣнны и постоянны, онѣ ограничиваются отношеніями одна къ другой, а слѣдовательно и къ предметамъ чувствовостигаемымъ,—то есть, имѣютъ значеніе τῶν πρὸς τι. Природа идей въ томъ и другомъ значеніи ихъ хорошо объясняется въ Софистѣ (р. 253 В sqq.), гдѣ элейскій иностранецъ говоритъ такъ: «Что же? такъ какъ мы согласились, что въ такомъ же смѣшеніи между собою находятся и роды (въ какомъ буквы), то не съ знаніемъ ли какимъ нибудь необходимо идти въ своихъ разсужденіяхъ тому, кто намѣренъ правильно показать, которые изъ родовъ съ которыми согласуются и которые одинъ другаго не принимаютъ? Притомъ всею ли своею природою они взаимно держатся, чтобы имѣть возможность смѣшиваться между собою? И опять, при раздѣленіи, дѣйствуютъ ли чрезъ все цѣлое другія причины дѣленія?—Какое же такое знаніе назовемъ опять? Или,—ради Зевса,—не натолкнулись ли мы невзначай на знаніе людей свободныхъ и, ища софиста, сперва, должно быть, нашли философа?—Дѣлать предметъ на роды и какъ того же вида не почитать другимъ, такъ и другаго—тѣмъ же,—не есть ли, скажемъ, дѣло знанія діалектическаго?» Исслѣдованія этого содержанія встрѣчаются во многихъ мѣстахъ,—напр. Phaedr. р. 273 E, 266 B, 265 D. И такъ, Сократу хотѣлось слышать отъ Зенона, что идеи, не смотря на абсолютность своей природы, принимаютъ различныя и противныя свойства, которыя можно опять разобщать и выдѣлять. Напримѣръ, если идеѣ единства мы приписываемъ также и множество, то соединяемъ этимъ оба понятія,—говоримъ, что одно есть многое. Если же такъ, то Сократъ желалъ двухъ вещей: во первыхъ, чтобы идеи полагаемы были какъ сущности, сами по себѣ постоянныя и абсолютныя; во вторыхъ, чтобы показано было, какимъ образомъ различныя свойства вещей, по роду отношеній ихъ, могутъ соединяться и различаться въ одной и той же идеѣ.

Выслушавъ это, Парменидъ самъ находитъ нужнымъ поставить сперва на видъ все, что могутъ говорить вообще противъ ученія объ идеяхъ. Изложенныя имъ недоумѣнія относительно идей, вѣроятно, не выдуманы Платономъ, а дѣйствительно высказывались въ то время противниками его положеній. По крайней мѣрѣ многія изъ упомянутыхъ здѣсь возраженій мы встрѣчаемъ у Аристотеля и Секста Эмпирика. Парменидъ, заступающій теперь мѣсто Зенона, представляетъ особенно три рода недоумѣній и сильно колеблеть ими Платонову идеологию. По его словамъ, можно сомнѣваться, во первыхъ, въ томъ, въ отношеніи къ какимъ вещамъ есть идеи; во вторыхъ, въ томъ, какая находится связь между вещами чувствопостигаемыми и идеями; и, наконецъ, въ томъ, какимъ образомъ возможны идеи, когда человѣчскій умъ не въ состояніи ни понять, ни сознать ихъ. Посмотримъ, какъ раскрываетъ Парменидъ каждое изъ этихъ недоумѣній.

Когда Сократъ кончилъ свою рѣчь, элонецъ хитро спрашиваетъ его: такъ ли думаетъ онъ, что если есть абсолютные виды вещей, то надобно принимать и вѣчные образцы тѣлесныхъ недѣлимыхъ, напримѣръ, огня, воды? На такой вопросъ юноша отвѣчаетъ признаніемъ, что въ этомъ отношеніи онъ часто недоумѣваетъ, какъ бы не допустить вѣчныхъ образцовъ, напримѣръ, волоса, грязи, пыли и другихъ мелочей, несомѣстимыхъ съ достоинствомъ вещей божественныхъ. Выслушавъ это, Парменидъ снисходительно извиняетъ Сократа его молодостью; онъ обѣщаетъ ему успѣхи въ философіи, только совѣтуетъ не слишкомъ поддаваться мнѣніямъ толпы и не пренебрегать внушеніями ума (р. 130 А—Е). Впрочемъ высказанному Сократомъ недоумѣнію, надобно ли принимать идеи вещей низкихъ и презрѣнныхъ, придавали большое значеніе и позднѣйшіе платоники, и вопросъ объ этомъ рѣшали надвое. Свидѣтеля изслѣдованій его мы видимъ въ *Прокль* (*Comment. in Parm. t. V, p. 63, ed. Cous.*), который, излагая напередъ собственное мнѣніе объ этомъ

предметъ, прибавляетъ: «Если положимъ такъ, то и не внесемъ идей зла, подобно нѣкоторымъ платоникамъ, и, вмѣстѣ съ другими, не скажемъ, что умъ познаетъ одно только лучшее; но, держась середины между сими крайностями, мы допустимъ знаніе зла, прообразы же зла, какъ его начала, отвергнемъ». О томъ же свидѣтельствуетъ и *Алкиной* (De Plat. dogm. с. IX): «Идею опредѣляютъ какъ вѣчный образецъ положительныхъ явленій природы (τῶν κατὰ φύσιν); ибо многимъ послѣдователямъ Платона не нравится мысль, будто есть идеи предметовъ искусственныхъ, напр.: цита., лиры, также противоестественныхъ, какъ-то: горячки, холеры, или единичныхъ, напр.: Сократа и Платона, будто есть даже идеи вещей ничтожныхъ, каковы: грязь, соломенка, равно какъ идеи отношеній, напр.: бѣльшаго объема и силы; идеи, говорятъ они, суть вѣчныя и самосовершенныя мысли Бога». Что же касается самого Платона, то онъ нисколько не затруднялся допускать идеи всѣхъ вещей, подлежащихъ чувствамъ. Такъ, на примѣръ, въ своемъ Государствѣ говоритъ онъ объ идеяхъ стола и скамьи (X, р. 596 В), въ Филебѣ—объ идеѣ вола (р. 15 А). Впрочемъ вотъ собственныя его слова (Tim. р. 51 В): «Лучше будетъ разсмотрѣть эти стихіи, установивъ понятіе о слѣдующемъ. Существуетъ ли огонь самъ въ себѣ, да и все, къ чему ни прилагаемъ мы это выраженіе: «быть отдѣльно, самому по себѣ»; или только то, что мы видимъ, и вообще чувствуемъ посредствомъ тѣла, имѣетъ эту истинность, иного же, кромѣ этого, ничего нѣтъ, и мы напрасно для каждаго явленія полагаемъ всегда отдѣльный мыслимый видъ,—это одно пустое слово?—Самъ-то я сужу такъ: если умъ и истинное мнѣніе—два отдѣльные рода, то существуютъ непременно сами по себѣ и эти виды, не подлежащіе нашимъ чувствамъ, но только мыслимые; когда же истинное мнѣніе ничѣмъ не различается отъ ума,—все, что воспринимаемъ мы чрезъ тѣло, надо почитать достовѣрнымъ». Эти слова не оставляютъ мѣста сомнѣнію, должно ли принимать идеи тѣлъ, или нѣтъ. Но въ такомъ слу-

чаѣ зачѣмъ Платонъ въ этомъ мѣстѣ заставляеть Сократа не только сомнѣваться относительно идей всего чувствовопостагаемаго, но еще стыдиться, что допускаеть виды вещей презрѣнныхъ и ничтожныхъ? Это вопросъ, отвѣчать на который можно однѣми догадками. Во первыхъ, очень можетъ быть, что Платонъ, устами юнаго Сократа, высказываетъ здѣсь сомнѣнія собственной своей молодости, которыя естественно вызывало въ немъ трудное ученіе объ идеяхъ. Затѣмъ, весьма вѣроятно, что современники Платона, между прочими возраженіями противъ ученія объ идеяхъ, выставляли на видъ и это; и вотъ Платонъ, заставляя Сократа колебаться въ виду этого довода, хочеть, можетъ быть, показать, что такія недоумѣнія могутъ возникать лишь въ умѣ человѣка, еще недостаточно вошедшаго въ основанія науки, не освоившагося съ нею, неопытнаго,—что тотъ, напротивъ, не затруднится подобнаго рода представленіями, кто отсталъ отъ понятій толпы и умомъ своимъ глубже проникаеть въ предметъ. На это самое, по видимому, мѣтитъ и Парменидъ, дѣлая замѣчаніе Сократу. Такъ объясняетъ это мѣсто и *Прокль* (1. с. р. 65): «Парменидъ, говоритъ онъ, поправляетъ эту мысль Сократа, никакъ не допуская безпричинности. Все происходящее необходимо должно происходить отъ какой нибудь причины; такъ говоритъ и Тимей; ибо безъ причины нельзя произойти ничему. И такъ, нѣтъ ничего столь ничтожнаго и низкаго, что было бы не причастно доброй причины (т. е. идеи) и не происходило отъ нея». Но, ослабивъ немногими словами силу этого возраженія, Парменидъ далѣе, по отношенію къ идеямъ, излагаетъ болѣе важныя сомнѣнія.

По словамъ Парменида, никакъ нельзя объяснить, какимъ образомъ вещи, подлежащія чувствамъ, соединены съ тѣми вѣчными образцами вещей и потому причастны имъ. Можно полагать, что идея или вся всецѣло заключается въ каждомъ недѣлимомъ,—но это значило бы, что существующее само по себѣ, какъ одно, будетъ находиться одновре-

менно во многихъ, притомъ отдѣльныхъ одна отъ другой вещахъ; или съ образовавшимися по ней недѣлимыми сочетается только частями самой себя,—но такимъ образомъ идеи, изъ которыхъ каждая, по природѣ, есть нѣчто одно и составляетъ цѣлое, окажутся явлениями уже не цѣлыми, а до безконечности раздробленными. Нелѣпость этого послѣдняго заключенія видна, говоритъ, и изъ слѣдующаго. Если вещи великія существуютъ идеею великости, но такъ, что идея въ нихъ раздроблена, то выйдетъ, что великое будетъ велико, поколику заключаетъ въ себѣ нѣчто, по великости меньшее. Много сомнѣнія возбуждаетъ также и равенство. Быть не можетъ, чтобы надѣленное лишь нѣкоторою частію равенности было равно другой вещи, когда часть равенности меньше самой равенности. Столь же трудно объяснить силу и природу малости (р. 131 А—Е). Эти возраженія Парменида касательно связи идей съ чувствовостигаемыми вещами, безъ сомнѣнія, дѣлались и Платону его современниками. Философъ въ своемъ *Филебѣ* (р. 15) самъ указываетъ на это. О томъ же упоминаетъ *Аристотель* (*Metaph.* XII, р. 269, ed. Brand.): «Можетъ казаться невозможнымъ, говоритъ онъ, бытіе сущности—отдѣльное отъ того, чего она сущность; какимъ же образомъ въ самомъ дѣлѣ идеи, будучи сущностями вещей, существовали бы отдѣльно?» Этого вопроса не прошелъ молчаніемъ и *Секстъ Эмпирикъ* (*Purghon. Nurotyros.* II, 20): «Если бы можно было сказать, рассуждаетъ онъ, что во всѣхъ видахъ—одинъ родъ, то каждый видъ былъ бы причастенъ или цѣлаго его, или его части. Но быть причастнымъ цѣлаго никакъ нельзя; ибо невозможно одному чему либо, находясь и въ томъ и въ этомъ одинаково, переходить по явлениямъ, такъ, чтобы сохранять для насъ видъ цѣлаго въ каждомъ предметѣ, въ которомъ оно, по предположенію, находится. Если же видъ причастенъ части, то, во первыхъ, за нимъ не послѣдуетъ, какъ полагаютъ, весь родъ, и человѣкъ будетъ не животнымъ, а частію животнаго», и т. д. Отсюда видно, что это сомнѣ-

ніе и самому Платону, и другимъ философамъ казалось не маловажнымъ; иначе они не считали бы нужнымъ распространяться о немъ. Изложивъ это, Парменидъ выставляетъ еще на видъ слѣдующее затрудненіе. Онъ говоритъ, что если великое существуетъ великостію, то быть не можетъ, чтобы и самая великость не должна была причисляться къ тому, что велико. А при этомъ понадобится еще высшій видъ великости, котораго силою и причастіемъ становится велико все прочее. Но отсюда произойдетъ безконечный рядъ идей, ограничить который какимъ либо числомъ человѣку невозможно. Вообще, чтобы опредѣлить природу какой либо идеи, взятой особо въ себѣ самой, нужно постановить нѣчто иное, отъ чего бы эта идея какъ бы зависѣла и происходила (р. 132 А, В). Это высказанное Парменидомъ соображеніе находимъ и у Аристотеля, который (Metaph. XII р. 269, ed. Brandis.) говоритъ такъ: «Виды—не только еще образцы вещей чувствопостигаемыхъ, но и самыхъ видовъ, какъ бы родъ рода; такъ что одно и то же будетъ и образецъ *παράδειγμα*) и образъ (*εἶκόν*)». Значить, и это также сомнѣніе въ вѣкъ Платона, надобно полагать, имѣло свою важность, и очень естественно должно было возникать въ умахъ, не входившихъ достаточно близко въ представленія Платона.—Противъ этого довода Парменида Сократъ замѣчаетъ: идеи не суть ли чисто *νόηματα*, доступныя одному мышленію ума и внѣ души не имѣющія ничего, что соотвѣтствовало бы имъ?—Но элеецъ, опираясь на начала своей науки, отвергаетъ это мнѣніе Сократа, ибо онъ учитъ, что *ταῦτόν δ' ἐστὶ νοεῖν τε καὶ οὐ βυεχέν ἐστι νόημα οὐ γὰρ ἄνευ τοῦ βούτος, ἐν ᾧ πεφασισμένον ἐστίν, εὐρήσεις τὸ νοεῖν*. И такъ, на мнѣніе Сократа онъ возражаетъ, что всякому мышленію подлежитъ нѣчто такое, что дѣйствительно существуетъ, и что, слѣдовательно, съ идеею будетъ составлять одно и то же. Если идеи почитать видами и формами ума, говорить онъ далѣе, и если притомъ отъ самага мышленія онѣ отдѣляются, какъ формы самостоятельныя; то есте-

ственно, что прочія вещи, причастныя идей, либо состоятъ изъ мыслей и потому одарены способностію мыслить, либо, не смотря на свое соединеніе съ мыслями, вовсе лишены силы мышленія. Но то и другое, очевидно, нелѣпо (р. 132 С).—Запутанный такими умствованіями, Сократъ пробуетъ новый путь для защиты идей. Идеи, говоритъ онъ, можетъ быть, суть образцы вещей, по подобію которыхъ отпечатлѣно и образовано все, подлежащее чувствамъ. Въ этомъ состоитъ связь и родство ихъ съ недѣлимыми. Но Парменидъ не соглашается и съ этимъ положеніемъ Сократа и очень тонко и послѣдовательно опровергаетъ его. Чтò составлено примѣнительно къ какой нибудь формѣ, по подобію, говоритъ онъ, тому необходимо подобна и самая форма. А отсюда слѣдуетъ, что и самый видъ, и вещи, составленныя по виду, должны быть подчинены одному и тому же роду. Если же это заключеніе вѣрно, то вытекаетъ, что число формъ и родовъ безконечно. Но понятно, сколько это представить затрудненій тому, кто будетъ допускать идеи самостоятельныя и отъ прочихъ вещей отдѣльныя. Посему Парменидъ сильно настаиваетъ, что вещи чувствопостигаемыя не могутъ быть причастны идей по подобію (р. 132—133 А). И Сократъ не отражаетъ этого провозглашаемаго элейцемъ мнѣнія,—чтò, безъ сомнѣнія, удивить тѣхъ, которымъ извѣстно, что идеи Платонъ самъ почиталъ вѣчными образцами вещей, и что чрезъ причастіе этимъ идеямъ произошло, по своей силѣ и природѣ, все недѣлимо существующее. Кто не знаетъ, что идеи у Платона назывались *παδείγματα* (Tim. р. 28 А, 38 А et al.), а вещи, по нимъ образовавшіяся,—*ὁμοίωματα*, *ἄφομοίωματα*, *μιμήματα*, *ἄφομοιοῦμενα* (Tim. р. 50 D, 51 А, 75, al.)? Въ этомъ удостоверяетъ и *Аристотель* (Metaph. I, 7, сн. XII, р. 269, ed. Brand.): «Говорить, что онѣ (*τὰ εἶδη*) суть образцы (*παδείγματα*) и что имъ причастно все другое, это значить пустословить и строить поэтическія метафоры». Посему иной подумаетъ, будто Платонъ оставилъ теперь прежнее

мнѣніе и принимаетъ сужденіе своихъ противниковъ. Между тѣмъ это и само по себѣ невѣроятно, и не можетъ быть соглашено съ содержаніемъ всей книги. Приведа мимоходомъ этотъ доводъ,—какъ бы насмѣшку надъ ученіемъ объ идеяхъ, которою Парменидъ легко могъ запутать юнаго Сократа,—Платонъ тутъ же далѣе, равно какъ и въ другихъ книгахъ, допускаетъ бытіе идей въ томъ самомъ смыслѣ, какой сейчасъ выведенъ нами изъ собственныхъ его словъ.

Но сомнѣніямъ Парменида здѣсь еще не конецъ: онъ полагаетъ, что тѣ самостоятельные виды вещей, какіе предполагаются Сократомъ, не могутъ быть доступны для человеческого ума и пониманія, и старается доказать это слѣдующимъ образомъ. Кто полагаетъ, что идеи существуютъ особо, сами по себѣ, такъ что отъ прочихъ вещей отдѣлены, тому необходимо допустить, что онѣ находятся не здѣсь—у насъ, а гдѣ-то въ иномъ мѣстѣ. Если же такъ, то, очевидно, сколько ихъ ни есть, существующихъ во взаимномъ отношеніи и связи, познавать ихъ и судить о нихъ надобно не въ земныхъ вещахъ, а въ нихъ самихъ; равно и земныя вещи относятся только однѣ къ другимъ, а не къ тѣмъ видамъ, отъ которыхъ существуютъ отдѣльно. Видя, напримѣръ, слугу и господина, мы обыкновенно судимъ о слугѣ не по тому господину, котораго идею имѣемъ въ душѣ, и о господинѣ не по тому слугѣ, котораго представляемъ мысленно: мы идею слуги относимъ къ идеѣ господина, поколику общія понятія о томъ и другомъ находятся во взаимной связи; господинъ же, видимый чувственно, имѣетъ, говоримъ, какого либо, тоже чувственного слугу; потому что недѣлимые всегда стоятъ въ отношеніи къ недѣлимымъ. Если это сужденіе вѣрно, то такъ же можно судить и о знаніи: вѣдь въ такомъ случаѣ знаніе безусловное, рассматриваемое въ себѣ, будетъ относиться только къ истинѣ безусловной, и каждая изъ наукъ абсолютныхъ направится къ познанію тѣхъ вещей, которыя вѣчны и существуютъ

сами по себѣ, особо; наша же наука будетъ имѣть въ виду единственно истину вещей насъ окружающихъ. А отсюда выходитъ, что наше познаніе никогда не въ состояніи достигнуть тѣхъ видовъ, существующихъ особо, самихъ по себѣ, и отъ насъ совершенно отдѣльныхъ. Посему нельзя намъ получить ни идеи красоты, ни идеи добра, ни идеи честности, вообще никакой собственно такъ называемой идеи, понимаемой въ смыслѣ абсолютномъ. Но какъ чело-вѣческому уму отказывается такимъ образомъ во всякомъ знаніи абсолютной истины: такъ и у божества отнимается знаніе вещей земныхъ и управленіе ими. Вѣдь если есть совершенный и абсолютный видъ знанія, то онъ не можетъ быть вѣрнѣе приписанъ никому, кромѣ Бога. А когда между видами вещей человѣческими и божественными нѣтъ никакой связи и соприкосновенія, то очевидно, что божественное существо не знаетъ вещей человѣческихъ и никакъ не можетъ промышлять о нихъ (р. 133 В—134 Е).

Окончивъ это разсужденіе, Парменидъ кратко замѣчаетъ, что всѣ подобные доводы чрезвычайно сильны; такъ что для разрѣшенія ихъ и для утвержденія того положенія, что абсолютные виды дѣйствительно существуютъ, нужна прозорливость ума истинно божественная. Только съ помощію такой умственной прозорливости человѣкъ могъ бы и самъ понять этотъ предметъ, и преподать его другимъ, устраняя всякій поводъ къ сомнѣнію. Не смотря однакожь на столь безутѣшное состояніе философіи относительно идей, Парменидъ уступаетъ Сократу въ томъ, что, отвергнувъ идеи, необходимо отказаться отъ самой возможности философскихъ изслѣдованій. Поэтому дѣло философа, говорить, разсмотрѣть, какимъ бы образомъ можно поддержать ученіе объ идеяхъ (р. 135 А—С).

Совѣтъ Парменида, клонящійся къ поддержанію этого ученія, состоитъ въ томъ, чтобы, не занявшись напередъ искусствомъ діалектическимъ, не стараться опредѣлять природу идей,—что такое доброе, честное, прекрасное,—но прежде

всего сколько можно лучше изучить діалектику, не опасаясь сужденій народа, который такого рода занятіе почитаетъ пустою болтовнею; ибо лишь при этомъ условіи не ускользнетъ отъ насъ познаніе истины (р. 135 D). Этими словами Парменидъ высказываетъ, очевидно, мнѣніе самого Платона, который діалектику почиталъ крайне необходимою для познанія истины. Посему и Сократъ весьма охотно хватается за эту мысль элейскаго мудреца и спрашиваетъ его, какъ лучше—правильнѣе и благоразумнѣе—устанавливать такіа діалектическія разсужденія. А тотъ указываетъ ему на примѣръ Зенона, и въ то же время находитъ весьма справедливымъ его замѣчаніе, что употребленіе діалектики должно состоять не въ изслѣдованіи отношеній тѣлесныхъ предметовъ, но скорѣе въ приложеніи ея къ тому, что постигается особенно умомъ и мышленіемъ и признается за бытіе истинное. Впрочемъ это одно, говоритъ онъ, Зенонова способа не дѣлаетъ еще совершеннымъ. Очень важень еще такой пріемъ, чтобы не только что нибудь полагалось и потомъ внимательно выводимы были изъ того слѣдствія, но и отрицалось прежде положенное, и также разсмотрѣно было, что оттуда вытекаетъ (р. 136 A). Стало быть, для изслѣдованія истины Парменидъ признаетъ весьма полезнымъ способъ разсужденія гипотетическій,—хочетъ, то есть, чтобы одно и то же предположеніе и утверждалось и отрицалось, и чрезъ то открывалось со всею ясностію, гдѣ истина и гдѣ ложь. Это правило діалектической методы элейскій философъ объясняетъ примѣромъ. Пусть бы кто нибудь, говоритъ, захотѣлъ тонко опровергнуть Зеноново предположеніе, которымъ допускается многое: онъ, во первыхъ, долженъ бы былъ изслѣдовать, допустивши многое, что надлежало бы думать не только о многомъ, разсматриваемомъ и въ себѣ, и въ отношеніи къ одному, но и объ одномъ, разсматриваемомъ также и въ себѣ, и въ отношеніи ко многому; потомъ долженъ бы былъ смотрѣть еще на то, что стало бы со многимъ и съ однимъ, если бы положено

было, что многого нѣтъ,—и притомъ такъ, чтобы то и другое разсматриваемо было опять какъ само по себѣ, такъ и въ связи одно съ другимъ. Такой способъ изслѣдованія, дѣлящійся относительно извѣстнаго предмета, очевидно, на восемь частей, приложимъ, говоритъ, ко всякому вопросу, когда кому хочется дойти до познанія истины (р. 136 А—D). Такъ какъ высказанное правило діалектическаго искусства для слушателей Парменида казалось новымъ и труднымъ, то всѣ они, начиная съ Сократа, стали просить его, чтобы онъ взялъ какое нибудь положеніе и, для объясненія своей методы, раскрылъ его показаннымъ способомъ. Парменидъ обѣщаетъ выполнить эту діалектическую игру и предметомъ разсужденія беретъ положеніе, что «есть одно» (р. 136 D—137 В). Здѣсь надобно особенно замѣтить, въ чемъ состоитъ сходство или несходство между сочиненіемъ, которое прочиталъ Зенонъ, и этимъ разсужденіемъ Парменида; ибо отсюда легко будетъ усмотрѣть, въ чемъ состоятъ задача и цѣль разсматриваемаго Платонова діалога. Зенонъ сперва полагаетъ, что есть многое, а Парменидъ отыскиваетъ, что будетъ слѣдовать, если положить, что есть одно. Поэтому, разсужденіе Зенона направлялось къ разсмотрѣнію того, что подлежитъ чувствамъ; ибо онъ обличалъ тѣхъ, которые утверждали бытіе многихъ и притомъ тѣлесныхъ стихій; напротивъ, разсужденіе Парменида все идетъ къ тому, что содержится въ одномъ умѣ и совершенно чуждо матеріальной сложности. Далѣе, намѣреніе Зенона было опровергнуть мнѣніе тѣхъ, которые допускаютъ многое; а Парменидъ стремится не къ отрицанію и опроверженію одного, а къ проясненію его и къ тому, чтобы указать ему законное мѣсто и значеніе въ ученіи объ идеяхъ. Наконецъ, Парменидъ гипотезу свою раскрываетъ такъ, что не только полагаетъ ее и изъ положенной выводитъ слѣдствія, какъ дѣлаетъ это Зенонъ, но потомъ еще отрицаетъ прежде положенную, и тоже разсматриваетъ, что изъ того слѣдуетъ. Такъ что разсужденіе Парменида естественно дѣлится на двѣ

главныя части: въ первой (р. 137 С—160 В) полагается, что *есть одно*, и объясняются отношенія этого предположенія; во второй изслѣдывается, что́ будетъ вытекать, если положить, что *есть не одно* (р. 160 В—166). Но та и другая часть опять подраздѣляются надвое: въ первой части сначала идетъ рѣчь объ *одномъ*, поколику оно разсматривается само въ себѣ (р. 137 С—157 В); потомъ объ *одномъ*, поколику оно относится къ иному, кромѣ одного (р. 157 С—160 В). Таково же и второе подраздѣленіе: здѣсь *то, что не одно*, берется, во первыхъ, само въ себѣ (р. 160 В—164 В), а потомъ то же самое поставляется въ отношеніе къ прочимъ вещамъ (р. 164 В—166 С). Такимъ образомъ все разсужденіе Парменида состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ, изъ которыхъ каждый снова дѣлится надвое, такъ какъ понятіе *единства* философъ сперва разсматриваетъ абсолютно, а потомъ къ нему присоединяетъ отношеніе, такъ сказать, *сущности*. Для большей наглядности, мы считаемъ небезполезнымъ весь трактатъ Парменида представить въ слѣдующей таблицѣ:

А. Положимъ, что есть одно. При этомъ сперва необходимо было разсмотрѣть самое *одно*, и притомъ двояко: или само по себѣ, особо, или въ соединеніи съ сущностію, откуда—два тезиса:

1. Если *есть одно*, то нѣтъ ничего (р. 137 С—142 В).
2. Если *одно есть*, то *есть все* (р. 142 В—157 В).

Затѣмъ разсматривается *иное*, кромѣ одного, въ отношеніи къ чему, поколику разумѣется *одно*, представляются опять два тезиса:

1. Если *одно есть*, то *иное все есть* (р. 157 В—159 В).
2. Если *есть одно*, то *иного ничего нѣтъ* (р. 159 В—160 В).

В. Положимъ, что есть не одно. И во первыхъ: что *есть не одно* само по себѣ,—откуда опять два тезиса:

1. Если *есть не одно* (относительно), то оно *есть все* (р. 160 В—163 В).

2. Если одно *не есть*, то оно есть ничто (р. 163 В—164 В).

Во вторыхъ, касательно *иного*:

1. Если есть *не одно*, то иное есть все (р. 164 В—165 Е).

2. Если не одно *есть*, то иное есть ничто (р. 165 Е sq.).

Хотя планъ Парменидова разсужденія изъ этой таблицы усматривается ясно, но въ содержаніи его заключается много столь темнаго, что безъ значительныхъ объясненій Платоновъ Парменидъ вполнѣ понять быть не можетъ. Въ древности было до шести различныхъ мнѣній объ этомъ діалогѣ, а у новѣйшихъ филологовъ насчиташь ихъ еще болѣе. Разсѣять такую темноту его можно не иначе, какъ подвергая критическому разбору каждый отдѣлъ заключающихся въ немъ изслѣдованій. Притомъ многія мѣста его таковы, что получаютъ нѣкоторый свѣтъ только изъ характера рѣчи; поэтому необходимо со всѣмъ вниманіемъ изслѣдовать и самую рѣчь Платона. Все это заставляетъ насъ прослѣдить Платонова Парменида шагъ за шагомъ.

И такъ, приступимъ къ изложенію перваго отдѣла первой его части. Здѣсь разсматривается, что надобно разумѣть подъ единствомъ, самимъ по себѣ, если полагается одно. Если есть одно, говоритъ Парменидъ, разумѣя его внѣ всякихъ отношеній, къ себѣ ли то, или къ другимъ вещамъ,—то многого нѣтъ. Поэтому въ одномъ нельзя ни различать частей, ни видѣть цѣлое, ни замѣчать начало, средину и конецъ. А если такъ, то нельзя мыслить въ немъ ни предѣловъ, ни формы или фигуры. Стало быть, оно нигдѣ не существуетъ, потому что не можетъ быть ни въ себѣ, ни въ иномъ чемъ либо. Если бы оно заключалось въ иномъ, то было бы имъ обнимаемо со всѣхъ сторонъ, слѣдовательно имѣло бы много частей, что невозможно. А когда бы содержалось въ самомъ себѣ, то, ни въ чемъ не отступая отъ своей природы, окружало бы однако себя, что нелѣпо. Если же одно не есть нигдѣ, то оно не можетъ ни стоять, ни двигаться; потому что всякое движеніе есть или перемѣна, когда что либо измѣняетъ свою природу, или передвиженіе,

когда что либо изъ одного мѣста переходитъ въ другое. Перемѣна одному никакъ не свойственна; ибо, измѣняясь, оно отступило бы отъ самого себя и потому было бы отъ себя отлично,—стало быть, уже не одно. Одному не менѣе чуждо и передвиженіе; ибо двигалось бы оно либо вокругъ, либо изъ мѣста въ мѣсто; но ни то, ни другое одному не свойственно. Какъ двигаться вокругъ тому, что не имѣетъ ни середины, ни частей? И можно ли протекать извѣстное мѣсто тому, что и ни въ чемъ не заключается, и не состоитъ изъ частей?—И такъ одно недвижимо. Но не имѣя движенія, оно однакожь и не стоитъ, или не находится въ покоѣ; потому что, если бы надлежало приписать ему покой, оно постоянно находилось бы въ чемъ либо иномъ, что, какъ доказано, не идетъ къ его природѣ. Кромѣ того, одному и то не свойственно, чтобы оно было тѣмъ же, что иное, или совершенно согласнымъ съ самимъ собою; не смотря однакожь на то, оно не отлично ни отъ себя самого, ни отъ иного; потому что если бы отличалось отъ себя, то, конечно, не было бы одно, а отличаясь отъ инаго, заставляло бы полагать иное кромѣ одного. Затѣмъ, если бы одно было то же, что иное, то оказалось бы существующимъ уже не одно, но что-то иное; и если бы оно было то же, что и само,—а *быть тѣмъ же* и *быть однимъ* мы понимаемъ въ различномъ смыслѣ,—то тѣмъ, что называется у насъ «то же», уничтожилось бы одно. Отсюда само собою слѣдуетъ, что одному не можетъ быть приписано ни подобіе, ни неподобіе; такъ какъ то отношеніе, по которому что либо бываетъ или тѣмъ же или отличнымъ, чуждо его природы. По той же причинѣ, одного нельзя назвать ни равнымъ, ни неравнымъ, ни ббльшимъ, ни меньшимъ—въ сравненіи ли то съ нимъ самимъ, или съ чѣмъ либо инымъ. Также и во времени одно не подлежитъ сравненію ни съ самимъ собою, ни съ иною вещію; потому что если бы оно было въ тѣхъ же отношеніяхъ времени, въ какихъ бываетъ само или иная вещь, то имѣло бы равенство или подобіе во времени, а это,

какъ мы видѣли, ему чуждо; и напротивъ, если бы оно возрастомъ превосходило или себя, или иную вещь, либо уступало ей въ этомъ отношеніи, то надлежало бы приписать ему различіе, чтò совершенно противорѣчитъ выше сказанному. А когда такъ, то одному не свойственно и время, и оно, по природѣ, ни возрастаетъ, ни умалется. Поэтому одно не можетъ находиться и въ какомъ нибудь продолженіи времени; а иначе въ этомъ отношеніи вышло бы подобнымъ или не подобнымъ какъ себѣ, такъ и другимъ вещамъ, невозможность чего уже прежде доказана. Но изъ этого слѣдуетъ, что одно и не было—въ прошедшемъ, и не будетъ—въ будущемъ. Даже надобно сказать, что оно не можетъ и быть; ибо «быть» значитъ находиться въ какихъ нибудь отношеніяхъ времени. А когда это правильно, то нѣтъ и одного; потому что если бы было *одно*, то надлежало бы думать, что оно *есть*: но объ одномъ нельзя сказать ни того, что оно *одно*, ни того, что оно *есть*. Но что не есть, тò ни само не имѣетъ ничего собственнаго, ни для иныхъ не представляетъ чего либо, что можно было бы приписать ему словомъ или сужденіемъ. А изъ этого явно, что къ тому, чтò названо однимъ, нельзя приложить ни имени, ни мнѣнія, ни познанія, ни ощущенія (р. 137 С—142 А).

Таково сужденіе Парменида объ «одномъ» абсолютномъ, поколику оно разсматривается само въ себѣ. Чтобы эту діалектику философа понять въ ея тонкостяхъ, надобно вникнуть въ природу изслѣдуемаго имъ одного. Многіе какъ изъ древнихъ, такъ и изъ новѣйшихъ критиковъ высказываютъ далеко не вѣрныя понятія о Парменидовомъ одномъ. Нѣкоторые полагаютъ, что тò *ἓν* въ разсматриваемомъ діалогѣ относится ко всей реальной полнотѣ міра. Ошибочнѣе такого понятія и несогласнѣе со взглядомъ Платона и представить ничего нельзя. Эти ученые совершенно забываютъ о томъ обстоятельстве, что Парменидъ, по желанію Сократа, хочетъ діалектическое искусство отъ вещей видимыхъ перевести къ изслѣдованію того, чтò постигается од-

нимъ умомъ и мышленіемъ. Не менѣе ошибочно, хотя и характерно, мнѣніе о Парменидовомъ одномъ, высказанное позднѣйшими платониками, которые подь «однимъ» разумѣли вещество божественное, какъ высочайшее начало вещей, что пространно излагаетъ Прокль (t. VI, p. 34 sqq.). Мы нигдѣ не видимъ, чтобы Парменидъ, или Платонъ, раскрываемое въ этомъ діалогѣ одно называлъ богомъ, или по крайней мѣрѣ подалъ поводъ думать, что такова была его мысль. И если бы надлежало принять это мнѣніе, то напрасно старались бы мы согласить его съ содержаніемъ всей разсматриваемой книги Платона. Третье невѣрное понятіе о Парменидовомъ одномъ встрѣчается у Теннемана (Syst. Phil. Plat. t. II, p. 350 sqq.), Тидемана (Argum. Diall. Pl. p. 350 sqq.) и многихъ другихъ, которые говорятъ, что Платонъ заставилъ Парменида разсуждать по обычаю школъ мегарской и элейской, то есть, сближать софистически положеніе съ положеніемъ и вытягивать изъ нихъ заключенія, съ цѣлію опутать ими человѣка, незнакомаго съ тонкостями діалектики, и поколебать его въ истинѣ самой очевидной. Но во всемъ Парменидѣ нѣтъ ни намека, ни слѣда, наводящаго на ту мысль, что Платонъ имѣлъ въ виду такую цѣль. Извѣстно, что онъ очень уважалъ этого элейскаго философа, и потому вовсе невѣроятно, чтобы захотѣлъ сдѣлать его предметомъ шутокъ и насмѣшекъ. Притомъ, прежде чѣмъ Парменидъ началъ разсуждать объ одномъ, Платонъ влагааетъ ему въ уста положеніе, что, отвергнувъ ученіе объ идеяхъ, необходимо отвергнуть всякую возможность познанія истины; а эта мысль, безспорно, принадлежитъ самому Платону. И такъ, одному въ разсужденіи Парменидовомъ мы должны дать такое значеніе, какое соотвѣтствовало бы и духу философіи Платона, и всему содержанію діалога. Наше мнѣніе таково, что Платонъ въ этой части своего Парменида описалъ высочайшее начало всего, что истинно существуетъ (τὸν ὄντως ὄντων),— то есть, безконечную сущность, чуждую разнообразія всякихъ формъ, отношеній и условій. Можно также сказать,

что онъ прояснилъ абсолютную причину истинной сущности; только надобно помнить, что эта причина представляется у него не какъ отвлеченный выводъ одного ума, но имѣть и внѣшнюю истинность; потому что идеи, будучи формами и видами истинной сущности, необходимо должны имѣть высочайшій источникъ, изъ котораго произошли, слѣдовательно понимаются, такъ сказать, объективно. Платонъ охотно соглашался съ элейцами въ томъ, что Высочайшее Существо слѣдуетъ мыслить какъ одно, чуждое всякаго различія формъ и отношеній, и потому ввелъ Парменида въ свой діалогъ въ качествѣ мыслителя, раскрывающаго эту истину,—ввелъ предпочтительно его, такъ какъ другіе элейцы примѣшали къ этому ученію иныя понятія, несогласныя съ воззрѣніемъ Платона. Но, соглашаясь съ Парменидомъ въ общемъ взглядѣ на одно, онъ отступалъ отъ его мнѣній касательно нѣкоторыхъ частныхъ, и либо поправлялъ ихъ и доводилъ до бѣльшаго правдоподобія, либо благоразумно принаровлялъ къ собственнымъ своимъ основаніямъ. Такъ, на примѣръ, Парменидъ училъ: τὸ δὲ πάντοθεν εὐλόχου σφαιρῆς ἐναλίχκιον δῦχοφ, μεσσόθεν ἰσοπαλὲς πάντη; а Платонъ въ своемъ діалогѣ заставляетъ его вывести отсюда заключеніе, что если сущему принадлежитъ круговое движеніе, то оно должно имѣть средину и оконечности, слѣдовательно части. Равнымъ образомъ Парменидъ училъ: τὸ δὲ οὐδέ ποτ' ἦν οὐδ' ἔσται, ἐπεὶ οὐκ ἔστιν ὁμοῦ πᾶν, ἐν συνεχῆς· τίνα γὰρ γέννην διζήσαι αὐτοῦ; а Платонъ, замѣтивъ, что онъ освободилъ свое сущее отъ необходимости раждаться и погибать, и однакожъ вмѣстѣ съ тѣмъ оставилъ при немъ время, нашелъ это несообразнымъ и заставилъ его отвергнуть самое оубъ, чтобы сущее не имѣло никакихъ временныхъ отношеній. Парменидъ, по видимому, полагалъ, что одно, для своего совершенства, должно быть вмѣстѣ конечнымъ и безконечнымъ; а Платонъ отвергъ это и пошелъ инымъ путемъ, стараясь положенія элейцевъ соединить съ пифагорейскими. Пифагорейцы производили все изъ конечнаго и безконечнаго; и

это ученіе ихъ онъ примѣнилъ къ своему такъ, что всеобщему началу истинной сущности, какъ бы ея матеріи, приписалъ безконечность, тому же, что оттуда родилось и получило многоразличныя формы,—конечность. И такъ, одно, описанное Парменидомъ въ этой части разговора, по понятію Платона, было не что иное, какъ безконечное начало сущности, и названо, въ смыслѣ безразличномъ и неопредѣленномъ, сущностію (*οὐσία*), поколику отвлечено отъ всякой формы, отъ всѣхъ отношеній и условій.

Такимъ понятіемъ о Парменидовомъ одномъ очень удобно объясняется и значеніе Платоновыхъ идей. Въ своихъ введеніяхъ въ діалоги Платона (см. введ. къ Филеб., стр. 21—25) мы уже имѣли случай замѣчать, что ученіе Платона объ идеяхъ находилось въ тѣсной связи съ міровоззрѣніемъ пифагорейцевъ. Знаменитѣйшіе изъ послѣдователей Пифагора, особенно Филолай и Архитъ, полагали, что міръ состоитъ изъ различныхъ началъ, одного—безконечнаго, другаго—ограниченнаго; начало же и творецъ міра есть *причина*, господствующая надъ тѣмъ и другимъ и соединяющая эти противоположности,—есть Богъ. Замѣтивъ превосходство этой пифагорейской мысли, Платонъ воспользовался ею для объясненія важнѣйшихъ мѣстъ своей философіи и говорилъ, что конечное (*τὸ πεπερασμένον, πέρας ἔχον* и *περαῖον*) есть то, что и само имѣетъ нѣкоторую форму, и другимъ вещамъ сообщаетъ ее (Phileb. p. 25 D), а къ безконечному отнесъ то, что чуждо опредѣленной законами формы и есть какъ бы безвидная матерія, не имѣющая никакого качества, но могущая воспринимать всѣ качества и различнымъ образомъ измѣняться (Phileb. p. 25 C). Къ этимъ двумъ началамъ присоединилъ онъ еще третье, смѣшанное изъ обоихъ и объемлющее собою все прекрасное въ природѣ вещей и совершенное (Phileb. p. 26 A). Кромѣ того, допущенъ имъ и четвертый родъ—причины, которымъ должна управляться смѣсь конечнаго съ безконечнымъ; потому что соединеніе той и другой природы должно происходить

по известнымъ законамъ, а этого безъ премудрой причины быть не можетъ (Phileb. p. 27 B; Arist. Metaph. p. 25 sqq., ed. Brand.). Такъ, примѣняясь къ пифагорейскому учению, Платонъ установилъ свой взглядъ на міръ, и этотъ же самый взглядъ, по нашему мнѣнію, имѣлъ въ виду при изложеніи своего Парменида, хотя въ означенномъ діалогѣ онъ прямо и не высказываетъ этого. Наше мнѣніе подтверждаетъ и Аристотель, и многіе древніе его толкователи. Они говорятъ, что идеи и вещи Платонъ производилъ *отъ великаго и малаго*,—изъ неопредѣленной двоицы, какъ изъ общаго нѣкаго источника. А великое и малое у нихъ есть, конечно, не иное что, какъ τὸ ἄπειρον, заимствованное Платономъ у Филолая и иногда называвшееся другимъ именемъ—ἡ ἀόριστος διὰς. И такъ, если будетъ доказано, что Платонъ, въ школьныхъ своихъ, конечно, болѣе подробныхъ разсужденіяхъ объ идеяхъ, начало ихъ производилъ отъ великаго и малаго, или изъ неопредѣленной двоицы, то ясно откроется, что онъ полагалъ безконечную нѣкоторую природу или сущность, въ которой заключался бы, такъ сказать, источникъ ихъ или матерія. А отсюда будетъ видно, что τὸ εἶν, описываемое Парменидомъ, отъ самой этой сущности нисколько не отличается. Послушаемъ же, что говоритъ объ идеяхъ Платона Аристотель, слушавшій его ученіе. Вотъ слова его (Metaph. I, 6, p. 20, ed. Brand.): «Такъ какъ виды суть причины прочаго, то (Платонъ) полагалъ, что стихіи ихъ суть стихіи и всего сущаго. За матерію же сущаго *принималъ онъ начала—великое и малое*, а за сущность—одно. Изъ этихъ началъ, чрезъ причастіе одного, являются идеи, числа». Такимъ образомъ виды, по Аристотелю, произошли изъ безконечнаго рода вещей чрезъ причастіе одного, условливающее природу сущности конечной. Но безконечный родъ вещей, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Аристотель (Phys. Auscult. III, с. 4, p. 48, ed. Sylb.), у пифагорейцевъ есть τὸ ἄπειρον, понимаемое ими какъ четь, ограниченный нечетомъ и доставляющій сущему неопредѣленность; а у Платона—

δύο τὰ ἀπειρα, τὸ μέγα καὶ τὸ μικρόν (ibid. III, 6). Онъ допустилъ δύο ἀπειρα потому, что, и при увеличеніи и при умаленіи, τὸ ἀπειρον идетъ равно въ безпредѣльность. И такъ, Платонъ, чтобы точнѣе опредѣлить природу безконечнаго, назвалъ ее именемъ великаго и малаго; ибо видѣлъ въ ней то, что, не имѣя никакихъ предѣловъ, она можетъ и возрастать и умаляться безъ конца, слѣдовательно исключаетъ всякій законъ, всякую форму или отношеніе: это—безконечная необразованная матерія. Если же, по Платону, такова безконечная сущность идей, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что и одно, которое описалъ Парменидъ въ первой части своего разсужденія, представляетъ собою, какъ мы сказали, безконечное начало тѣхъ же идей, въ значеніи безформеннаго матеріала, ничѣмъ не опредѣленнаго и не подчиненнаго никакимъ законамъ. Вѣдь никакъ нельзя сказать, что свои идеи Платонъ заключилъ только въ умѣ божественномъ или человѣческомъ, не давая имъ мѣста въ природѣ объективной. Онъ отъ природы ихъ только отвлекъ всякую мысль о земной матеріальности и представлялъ ихъ какъ бы видами понятій, принятыми умомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ положенными по себѣ, такъ что онѣ весьма подобны природѣ ума и, какъ подобныя, познаются подобнымъ. По ученію Платона, человѣческіе умы причастны божества (см. Tim., Phileb., Phaedr., Phaed.); посему они отъ вѣчности были созерцателями идей божественныхъ и познаніе ихъ перенесли съ собою въ эту жизнь. Если же такъ, то ясно, что, полагая идеи сами по себѣ, Платонъ созерцалъ ихъ какъ бы въ отдѣльности отъ вещей чувствовостигаемыхъ; и слова Аристотеля очень вѣрны (Metaph. I, 6, p. 20, ed. Brand.), Πλάτωνα τὰς ἰδέας χωρῖσαι, или χωρῖστὰς ποιῆσαι, также, что онъ представлялъ ихъ παρὰ τὰ αἰσθητά (ibid. II, 2; VI, 2; XII, 4, p. 266). А еще яснѣе высказываетъ ту же мысль Тертуллианъ (De anima, с. 18): Vult Plato esse quasdam substantias invisibiles, incorporeas, supermundiales, divinas et aeternas, quas appellat ideas. Скажемъ коротко: идеи суть не что

иное, какъ понятія, не въ умѣ только заключающіяся, но и дѣйствительно (объективно) существующія,—то есть, происшедшія отъ самого Божества.

Переходимъ теперь ко второму отдѣлу первой части Парменидова разсужденія объ одномъ. Если одно *есть*, говоритъ Парменидъ, то оно не можетъ не соединяться съ сущностію (ибо гдѣ есть *ἔστι*, или *τὸ ὄν*, тамъ необходимо должна быть и *οὐσία*). А когда соединяется въ немъ природа единства и сущности, тогда оно, очевидно, состоитъ изъ частей; состоя же изъ частей, называется уже цѣлымъ. И такъ, поколику одно есть, необходимо понимать его какъ цѣлое. Но, полагаемъ ли мы одно сущимъ, или сущее—однимъ, въ томъ и другомъ случаѣ можно будетъ конечное сущее принять за безчисленное множество. Обѣ части цѣлаго—единство и сущность—такъ тѣсно между собою связаны, что одна отъ другой никакимъ образомъ отдѣлены быть не могутъ. Изъ этого явно, что ничто не мѣшаетъ какъ единство, такъ и сущность опять разсматривать въ двухъ частяхъ, и такое раздѣленіе ихъ, по тѣсной связи между ними, возможно будетъ по отношенію къ каждой новой части; а отсюда произойдетъ безконечное множество частей, и одно, по множеству ихъ, окажется безконечнымъ. Притомъ, такъ какъ одно и соединенная съ нимъ сущность стоятъ сами по себѣ, то они между собою различны; слѣдовательно, различіе надобно приписать и первому, и послѣдней. А такимъ образомъ къ тѣмъ двумъ природамъ, къ единству и сущности, прибавится еще третья, называемая различіемъ; и въ единствѣ, поколику съ нимъ соединена сущность, будутъ содержаться числа—двоичное и троичное. Но изъ соединенія числа двоичнаго и троичнаго рождаются всѣ прочія числа; слѣдовательно, нѣтъ ни одного изъ нихъ, котораго нельзя было бы приписать тому *есть*. Далѣе: такъ какъ всѣ числа причастны сущности, каждое же изъ нихъ, разсматриваемое само по себѣ, можетъ представляться какъ простое одно; то къ каждой части сущности присоединяется

также и единство. А изъ этого выходитъ, что *одно, которое есть*, по числу, надобно почитать безконечнымъ; и потому *есть* имѣть значеніе *одного и многаго*. Но если такимъ образомъ и доказано, что одно, по частямъ, *безконечно*,—тѣмъ не менѣе однако слѣдуетъ представлять его какъ *ограниченное* и *конечное*; ибо частей можно искать только въ томъ, что называемъ мы цѣлымъ; цѣлымъ же объемлются и какъ бы очертываются отдѣльности. И такъ, одно должно быть *однимъ* и *многимъ*, имѣть *части* и *цѣлое*, также быть *конечнымъ* и, по числу, *безконечнымъ*. Слѣдовательно, въ немъ будутъ начало, середина и конецъ, да будетъ также и фигура (р. 143 А—145 А). Если же такъ, то оно должно находиться какъ въ самомъ себѣ, такъ и въ иномъ: ибо цѣлое, поколику есть, состоя изъ частей, содержится въ самомъ себѣ; а поколику оно цѣлое, вращается въ чемъ нибудь иномъ: вѣдь цѣлое не можетъ содержаться въ частяхъ—ни въ каждой порознь, ни во всѣхъ вмѣстѣ; стало быть, надобно полагать, что оно либо не находится нигдѣ, либо находится въ чемъ иномъ. А изъ этого слѣдуетъ, что одно и движется и покоится; потому что оно и существуетъ въ себѣ, и вращается въ иномъ. Содержась въ себѣ и пребывая всегда въ томъ же мѣстѣ, оно покоится; а существуя въ другомъ,—то въ томъ, то въ этомъ,—движется. Притомъ, одно также тождественно всегда и съ самимъ собою, и съ инымъ чѣмъ либо, равно какъ отлично и отъ себя, и отъ прочаго. Это доказывается такъ. Такъ какъ одно ни въ чемъ и нисколько не отличается отъ одного, то оно совершенно сходно съ самимъ собою. Но то же одно, вращаясь и въ иномъ, а не только въ себѣ самомъ, необходимо должно быть *отлично* отъ себя; потому что въ иномъ иначе находится оно, чѣмъ въ себѣ. А что отличается отъ инаго, то отличается именно отъ отличнаго. Если же то, что не есть одно, отличается отъ одного, и если, наоборотъ, то, что есть одно, отличается отъ того, что не одно; то одно будетъ отличаться отъ прочаго (р. 145 А—146 D). Между тѣмъ то и дру-

гое также и не отличны. Если называемое тождественнымъ въ себѣ и само отличное, по природѣ, противны, то быть не можетъ, чтобы то же было въ отличномъ, или въ томъ же—отличное. А отсюда слѣдуетъ, что нельзя найти ничего, въ чемъ отличное могло бы пребывать въ продолженіи нѣкотораго времени; слѣдовательно, оно не можетъ находиться ни въ одномъ, ни въ томъ, что не одно. А отсюда вытекаетъ, что одно и не одно не отличны между собою. За тѣмъ, если одно и не одно не имѣютъ взаимной связи,—а иначе то, что мы называемъ не однимъ, нѣкоторымъ образомъ было бы одно;—то необходимо, что не одно не есть ни число, ни часть или цѣлое того, что у насъ названо однимъ; и наоборотъ,—одно не можетъ быть принимаемо ни за часть, ни за цѣлое того, что мы называемъ не однимъ. А что не составляетъ ни части, ни цѣлаго какой нибудь иной вещи, и не отлично отъ нея, то есть одно и то же. Слѣдовательно, одно и не одно совершенно тождественны (р. 146 E—147 B). Такимъ образомъ одно оказывается и отличнымъ какъ отъ прочаго, такъ и отъ себя самого, и согласнымъ какъ само съ собою, такъ и съ прочимъ. Теперь надобно показать между ними отношеніе подобія и неподобія: намъ и здѣсь опять придется усмотрѣть, что одно и подобно, и не подобно какъ себѣ, такъ и иному. Если прочее отличается отъ одного, и одно отличается отъ прочаго, и притомъ въ равномъ отношеніи; то быть не можетъ, чтобы природа различія не отражалась въ прочемъ, какъ и въ одномъ; а отсюда слѣдуетъ, что и въ прочее, какъ въ одно, входитъ подобіе (р. 147 C—148 A). Не трудно также открыть между ними и неподобіе. То отношеніе, по которому что либо тождественно съ инымъ, прямо противорѣчитъ другому отношенію, по которому что либо отлично отъ прочаго. Но уже найдено было, что одно, поколику оно отлично, бываетъ подобно прочему. Стало быть то же, въ противномъ отношеніи, выйдетъ не подобно прочему. Это можно подтвердить и другимъ доказательствомъ. Поколику проче-

му и тому, что одно, прилучается то же, имъ не прилучается что либо различное; а гдѣ нѣтъ различнаго и чуждаго, тамъ нѣтъ и не подобнаго. Если же такъ, то то и другое будетъ не неподобно. Но когда, напротивъ, съ однимъ и прочимъ бываетъ что нибудь разнообразное, тогда дается мѣсто неподобию. То же сужденіе приложимо и къ одному, когда оно разсматривается по отношенію къ себѣ. И такъ, одно и подобно и не подобно—какъ себѣ самому, такъ и всему кромѣ одного. Далѣе: было уже доказано, что одно содержится и въ себѣ самомъ, и въ прочемъ; слѣдовательно, быть не можетъ, чтобы оно не касалось и себя самого, и прочаго. Но оно, съ другой стороны, и не касается ни себя самого, ни прочаго. Не прикоснется оно къ себѣ—по слѣдующей причинѣ. Что по природѣ таково, что касается чего либо иного, тому необходимо быть возлѣ того, чего оно касается. Но этимъ смежнымъ предметомъ никакъ не можетъ быть оно само; ибо если бы касалось оно самого себя, то находилось бы возлѣ себя. Да одно не касается и прочаго; ибо для прикосновенія требуется по крайности двѣ вещи: тамъ прикосновеніе невозможно, гдѣ находится только одно, а не два. Между тѣмъ мы прежде сказали, что иное относительно одного и не есть одно, и не заключаетъ въ себѣ никакой его части, если только оно дѣйствительно есть иное. Но такъ какъ отсюда вытекаетъ, что иное не заключаетъ въ себѣ и числа, котораго безъ единенія нѣтъ; то само собою разумѣется, что нѣтъ также и никакого прикосновенія, которое имѣло бы мѣсто между однимъ и прочимъ (р. 148 A—149 D). Кромѣ того, надо полагать, что одно и равно—какъ самому себѣ, такъ и прочему, и неравно,—по слѣдующей причинѣ. Что одно и прочее называются либо бѣльшимъ, либо меньшимъ, это бываетъ не потому, что одно есть одно, или что прочее—не одно, а скорѣе потому, что къ нимъ привзошла отвнѣ природа малости или природа великости, отношенія которыхъ взаимно себѣ противны. Такъ если въ одномъ есть малость,

то она будетъ содержаться или въ какой нибудь его части, или въ цѣломъ. Какъ скоро находится она въ цѣломъ, то будетъ либо равномерно разливаться по всему цѣлому, либо окружать его. Если будетъ равномерно разливаться по всему цѣлому, то выйдетъ равна тому, что мы называемъ однимъ, а окружая его,—безъ сомнѣнiя, окажется больше и обширнѣе, чѣмъ оно. Но такъ какъ малости, по силѣ ея природы, нельзя быть равною какой нибудь другой вещи, или больше ея; то слѣдуетъ, что въ цѣломъ она не содержится, а развѣ гдѣ нибудь въ его части. Но и это опять несообразно; ибо, содержась въ какой нибудь части, малость либо сравняется съ нею, либо своею великостію превзойдетъ ее. Если же она не можетъ содержаться ни въ цѣломъ, ни въ какой нибудь его части, то не будетъ содержаться и ни въ которой изъ вещей, называемыхъ существующими, и мы ничего не назовемъ малымъ, кромѣ самой малости. Совершенно такъ же надобно думать и о великомъ. Если бы, то есть, великость находилась въ какой нибудь вещи, то въ этой же вещи непременно открылось бы что либо больше ея; а это несообразно. Но отсюда ясно вытекаетъ, что и прочее не больше и не меньше одного, и одно не больше и не меньше прочаго. Если же это справедливо, то одно равно—какъ себѣ самому, такъ и прочему (р. 149 D—150 E). Не смотря однакожь на то, не лишено оно и природы неравенства; ибо, содержась въ себѣ самомъ, слѣдовательно окружая себя, оно не только больше, но и меньше самого себя. А изъ этого очевидно, что одно не равно самому себѣ. Не равно оно также и прочему. Кромѣ одного и прочаго, не найдемъ ничего и нигдѣ; однакожь то, что есть, необходимо должно быть въ чемъ нибудь. Но что находится въ чемъ нибудь, то, конечно, меньше того, въ чемъ находится; а отсюда естественно возникаетъ бытіе бѣльшаго и меньшаго. Сказавъ же, что кромѣ одного и прочаго нѣтъ ничего, мы должны допустить либо то, что одно содержится въ прочемъ, либо то, что прочее содержится въ одномъ.

Если одно будетъ содержаться въ прочемъ, то одно выйдетъ меньше, прочее больше; а когда прочее помѣстится въ одномъ,—одно окажется больше прочаго, прочее меньше одного. Такимъ образомъ придется заключить, что одно больше или меньше—какъ самого себя, такъ и прочаго. Но какъ скоро одно есть большее и меньшее, равное и неравное, то оно приметъ также различіе мѣры и чиселъ (р. 150 E—151 D). Далѣе: одно причастно будетъ и времени, притомъ такъ, что и въ отношеніи къ самому себѣ, и въ отношеніи къ прочему будетъ либо увеличиваться возрастомъ и у маляться, либо не увеличиваться и не у маляться. Вѣдь что *есть*, то является не инымъ чѣмъ, какъ нѣкоторымъ общеніемъ съ сущностію во времени настоящемъ, какъ *было* и *будетъ* приобщается сущности во времени прошедшемъ или будущемъ. Поэтому если одно соединяется съ сущностію, то необходимо ему приобщаться и времени. Но время никогда не стоитъ, а всегда бѣжитъ, подобно рѣкѣ; слѣдовательно, одно, какъ соединенное съ временемъ, бываетъ медленнѣе, или быстрѣе самого себя. А отсюда выходитъ, что и возрастомъ одно больше или меньше самого себя. Увлекаемое временемъ, оно, по возрасту, выше въ сравненіи съ собою: находясь въ точкѣ времени настоящаго, между прошедшимъ и будущимъ, и стоя въ этомъ моментѣ, оно, чтобы лѣтами подвинуться впередъ, какъ бы наклоняется и отступаетъ отъ себя, и въ этомъ случаѣ возрастомъ оказывается выше себя. Но что возрастомъ больше, то можетъ быть почитаемо такимъ, поколику сравнивается съ тѣмъ, что по возрасту меньше. И такъ, одно возрастомъ не только больше, но, когда, увлекаемое временемъ, является въ настоящемъ моментѣ *теперь*, оно и меньше; и этотъ моментъ никогда не оставляетъ его, потому что одно, въ какомъ бы времени оно ни было, всегда *есть теперь*. А изъ этого выходитъ, что одно то всегда *есть*, то *бываетъ* возрастомъ больше и меньше самого себя. Потому, такъ какъ одно, поколику одно, должно всегда сохранять тотъ же

возрасть,—стало быть, относительно времени, никогда не должно разногласить съ самимъ собою; то, по возрасту, оно, конечно, не можетъ быть ни больше, ни меньше самого себя (р. 151 D—152 C). Но что надлежало сказать объ одномъ, поколику оно разсматривалось само по себѣ, то же свойственно будетъ ему и тогда, когда мы поставимъ его въ отношеніе къ прочему. Вѣдь если прочее, кромѣ одного, не можетъ не быть числомъ больше,—а иначе оно имѣло бы природу единства,—и если число большее всегда происходитъ изъ меньшаго; то явно, что одно—старше всего прочаго, т. е. *возрастомъ предшествуетъ прочему*. Но съ другой стороны, то же одно, состоя изъ частей и имѣя начало, средину и конецъ, когда происходило, произошло такъ, что сперва получило начало, потомъ средину, затѣмъ конецъ. Все же прочее относится къ одному, какъ части его, отчего одно и называется цѣлымъ. А отсюда слѣдуетъ, что *одно, поколику цѣлое, произошло послѣ*, и потому *возрастомъ уступаетъ прочему*. Не смотря однако на то, сдѣланный выводъ не препятствуетъ полагать, что одно возрастомъ ни больше, ни меньше прежняго. Начало, середина и конецъ, разсматриваемые сами въ себѣ, необходимо составляютъ одно само по себѣ. Слѣдовательно, одно есть въ каждомъ изъ нихъ, и потому оно тѣсно связано съ первымъ, вторымъ и третьимъ. А изъ этого надобно заключать, что *одно имѣетъ тотъ же возрастъ, какой и прочее* (р. 152 E—154 A). Доселѣ говорено было о томъ, что одно возрастомъ *есть* или *также не есть* больше либо меньше прочаго, а теперь возникать вопросъ, *бываетъ* ли одно по возрасту больше либо меньше прочаго. И здѣсь равнымъ образомъ можно замѣчать между тѣмъ и другимъ величайшее различіе отношеній. Во первыхъ, одно, по времени, и не предшествуетъ прочему, и является не ниже его. Понятно, что если одно возрастомъ старше или моложе прочаго, то быть не можетъ, чтобы оно, сравнительно съ прочимъ, еще болѣе постарѣло или помолодѣло, чѣмъ было прежде; пото-

му что величины неравныя, по присоединеніи къ нимъ равныхъ, сохраняютъ все то же отношеніе взаимнаго неравенства. Но можно убѣдиться также и въ противномъ отношеніи между однимъ и прочимъ. Такъ какъ одно бываетъ, согласно сказанному, больше и меньше прочаго, то слѣдуетъ, что либо одно продолжительностію времени своего явленія преимуществуетъ предъ прочимъ, либо прочее — предъ однимъ. А если неравнымъ разстояніямъ времени мы придадимъ какое либо равное, то длиннѣйшее отъ менѣ длиннаго не будетъ уже отличаться въ той же пропорціи, какъ прежде, а скорѣе въ меньшей. Слѣдовательно, различіе возраста не только не останется всегда тѣмъ же, но еще будетъ постепенно уменьшаться и исчезать. А чтò отъ инаго чего либо возрастомъ отличается меньше, чѣмъ прежде, тò, по отношенію къ вещи, идущей впереди, лѣтами уменьшается; и наоборотъ, — чтò прежде было лѣтами ниже, тò, въ сравненіи съ другимъ, по видимому, получаетъ приращеніе времени. Отсюда легко замѣтить, чтò надобно заключить объ одномъ и прочемъ. Если одно, какъ мы сейчасъ показали, лѣтами можетъ и увеличиваться, и уменьшаться, то изъ этого необходимо заключить, что оно причастно времени и прошедшаго, и будущаго, и настоящаго. А если это справедливо, то къ одному идутъ всѣ вообще временныя отношенія. Послѣ сего то одно, тѣснѣйшимъ образомъ соединенное съ сущностію, очевидно, оказывается такимъ, что его можно и познавать, и постигать ощущеніемъ, и именовать, и описывать, и опредѣлять, и вообще ему свойственно все, чтò и инымъ вещамъ (р. 154 В—155 Е).

Таковъ второй отдѣлъ первой части Парменидова сужденія. Мы видимъ, что она до крайности темна и переплетена съ трудомъ понимаемыми діалектическими тонкостями. Поэтому съ нашей стороны необходимы особенныя усилія, чтобы пролить на нее наиболѣе свѣта. Но возможное объясненіе ея мы постараемся изложить подъ строками Платонова текста, а здѣсь предварительно изслѣдуемъ

значеніе главныхъ входящихъ въ нее понятій, — именно: что такое τὸ ἐν ὄν, и что такое τὰ ἄλλα, или τὰ ἕτερα. Самъ Платонъ нигдѣ точно не опредѣляетъ ихъ, и намъ придется доискиваться ихъ смысла чрезъ разсмотрѣніе всего содержанія Парменидовыхъ разсужденій.

При сравненіи настоящаго разсужденія объ одномъ, поколику оно *есть*, съ прежнимъ — то же объ одномъ, поколику оно разсматривается само по себѣ, *безъ соединенія съ сущностію*, ясно открывається различіе между тѣмъ и другимъ. Какъ тамъ одно не терпитъ ни формы, ни свойства, ни закона, ни условія, и потому не можетъ быть ни познаваемымъ, ни ощущаемымъ; такъ здѣсь, по соединеніи съ сущностію, оно принимаетъ безконечное разнообразіе формъ, условій, отношеній, даже взаимно себѣ противорѣчущихъ и взаимно себя исключаютыхъ. Такая особенность одного въ послѣднемъ случаѣ происходитъ, конечно, отъ того, что здѣсь оно необходимо поставляется въ различныя сравненія и ограниченія; ибо, какъ скоро мы созерцаемъ не одну безотносительно полагаемую сущность, а представляемъ множество идей, у насъ, по различію возникающихъ въ умѣ формъ, непременно рождаются вопросы объ отношеніяхъ между ними и подвергаются обсужденію сообразно логическимъ приемамъ разсудка, — такъ или иначе, смотря по тому, направляется ли онъ въ область метафизики, или держится въ сферѣ формальныхъ понятій. Такъ думаемъ мы объ одномъ, поколику оно *есть*, и такъ, вѣроятно, разумѣлъ его Парменидъ. Если вѣрно то, что одно, разсматриваемое само по себѣ, какъ безконечное, и у пифагорейцевъ называвшееся τὸ ἀπειρον, Платонъ, въ школьной своей теоріи идей, называлъ τὸ μέγα καὶ τὸ μικρόν, или τῆν ἀόριστον δυνάδα; то легко заключить, что τὸ ἐν ὄν, или τὸ ἐν εἰ ἔστι, у него было такое одно, какому пифагорейцы давали имя: τὸ πέραс ἔχον, или τὸ πεπερασμένον. Соединяясь съ сущностію, этому одному, безъ сомнѣнія, надлежало имѣть всѣ тѣ свойства, которыя прежде отняты были отъ одного безконечнаго; такъ что

послѣднее философъ понималъ, какъ совершенно противное первому. Слѣдовательно, если первое было безконечно, то послѣднему онъ долженъ былъ приписывать конечность. Что такое именно значеніе Платонъ соединялъ съ однимъ, поколику оно есть, — можно заключать изъ собственныхъ его словъ. Въ Парменидѣ далѣе (р. 158 D) говорится, что одно и прочее кромѣ одного, по природѣ, безконечны; но какъ скоро къ нимъ присоединяется нѣчто третіе, эти безконечныя тотчасъ становятся конечными. Чтò такое разумѣется здѣсь подъ третьимъ, — легко пойметъ всякій, если остановится своимъ вниманіемъ на силѣ и природѣ сущности. Эту сущность имѣлъ въ виду и Аристотель, разсуждая о подлежащей матеріи въ теоріи Платоновыхъ идей (Metaph. I, 6 A, р. 22): «Подлежащая матерія у Платона, говоритъ онъ, есть та, по которой называются виды въ чувственномъ и одно — въ видахъ». Смыслъ этихъ словъ такой: чувствопостигаемыми вещами какъ бы имманентно правятъ идеи, дающія имъ, по мнѣнію Платона, конечную форму, законъ, условіе; а въ самыхъ идеяхъ заключается единство, по которому они только и оказываются состоятельными и получаютъ конечную природу. Такимъ образомъ и отсюда усматривается, что Платонъ производилъ свои идеи изъ нѣкоего безконечнаго множества, чрезъ присоединеніе къ нему единства, или начала ограничивающаго. Если же это справедливо, то τὸ ἐν ὄν, очевидно, есть не иное что, какъ сила и природа міра мыслимаго, поколику онъ, оставивъ прежнюю безконечность, созерцаемую въ началѣ сущности (полагаемомъ неопредѣленно и абсолютно), чрезъ привхожденіе конечнаго, получилъ извѣстную форму, законъ, условіе, и потому вступилъ въ различныя и многообразныя отношенія, усматриваемыя въ самыхъ понятіяхъ нашего ума. Короче: это есть существо конечное и отдѣльное, воспринявшее качества, и потому сдѣлавшееся доступнымъ для понятій ума, — существо *идеально-бытное*. Впрочемъ этого одного не довольно для уразумѣнія выше приведеннаго Парменидова вопроса; надобно еще

точнѣе понять, въ какомъ смыслѣ принималъ философъ конечное свое существо. Вѣдь неясность этого и нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ разсматриваемаго діалога зависитъ главнымъ образомъ отъ того, что слово *единство* въ немъ, по различной связи мнѣній, надобно принимать въ различномъ смыслѣ, поколику оно по мѣстамъ имѣетъ значеніе то болѣе обширное, то болѣе тѣсное. И такъ, постараемся показать, чтò такое у Платона называется τὸ ἓν ὄν, и въ какихъ употребляется имъ смыслахъ. *Во первыхъ*, τὸ ἓν, очевидно, объемлетъ всю сферу разумѣваемой сущности, и притомъ такъ, что она представляется конечною, слѣдовательно для мышленія ума доступною. Такое одно есть представленіе Зеноново, или чисто элейское, полагавшее предѣлы конечной сущности: это—обширнѣйшая родовая идея, или всеобщая, мыслимая умомъ, сила и природа существа конечнаго. Но отъ этого перваго значенія τοῦ ὄντος ἐνός надобно строго отличать *второе*, которымъ означаются отдѣльныя формы всеобщаго существа конечнаго, т. е. идеи, какъ виды и части того родоваго существа. Предполагается, что высочайшее существо, сдѣлавшись конечнымъ, отъ того самаго восприняло необъятное разнообразіе формъ и частей, такъ какъ во взаимномъ сочетаніи τοῦ ἐνός и τοῦ ὄντος заключается источникъ и начало множества и различія ихъ. Къ этимъ значеніямъ τοῦ ἐνός присоединяется еще *третье* употребленіе его, въ которомъ оба первыя значенія соединяются между собою, такъ что полагаемое объ отдѣльныхъ идеяхъ относится и ко всеобщему конечному существу, и наоборотъ. Но и эти значенія слова τὸ ἓν не удовлетворяютъ еще тѣхъ, которые разсужденія Парменида хотятъ довести до совершенной ясности; потому что одно конечное можетъ быть понимаемо двоякимъ образомъ: дѣйствительно существующее или бытное разсматривается либо само въ себѣ, независимо отъ вѣшняго, либо сравнительно съ вѣшнимъ. Въ томъ и другомъ случаѣ естественно возникаютъ въ немъ разныя свойства.

Вѣшнее, поставляемое здѣсь въ отношеніе къ одному,

у Парменида есть τὰ ἄλλα—прочее: что разумѣть онъ подъ этимъ словомъ?—Отвѣчаемъ коротко: τὰ ἄλλα или τὰ ἕτερα,—ибо у Платона то и другое употребляется безразлично,—есть не иное что, какъ вещи тѣлесныя, подлежащія зрѣнію и, по своей природѣ, совершенно отличныя отъ идей. Такъ говорится объ этомъ и въ Парменидѣ, и въ другихъ мѣстахъ сочиненій Платона (Parm. p. 140 C; Phaedon. p. 102 B). Такъ понималъ это и Аристотель (Metaph. I, 6, p. 20, Brand.). Платонъ, что полагалъ объ одномъ,—находя, то есть, его конечнымъ и безконечнымъ,—то же думалъ и о матеріи тѣлѣ, или о прочемъ, περὶ τῶν ἄλλων; ибо и этотъ чувствовостигаемый міръ, по его мнѣнію, можетъ рождаться и происходить только чрезъ взаимное соединеніе конечнаго и безконечнаго. Чтобы не говорить много, ссылаемся здѣсь на свидѣтельства самого Платона и Аристотеля. Болѣе ясное относящееся сюда мѣсто находимъ въ Тимеѣ (p. 53 C—56 B). Здѣсь разсказывается, что матерія тѣлѣ, до созданія міра, была не образована и не устроена, и въ этой массѣ скрывались начала и стихіи всѣхъ вещей видимыхъ; ибо хотя она представлялась чуждою всякихъ качествъ и образовъ, однакожъ способна была принимать ихъ и упорядочиваться. Высочайшій Творецъ міра образовалъ и устроилъ ее такъ, что приложилъ къ ней идеи,—слѣдовательно, конечное соединилъ съ безконечнымъ. Идеи, или сущность конечная, не только сами въ себѣ абсолютны и существуютъ собственною силою, но еще имѣютъ свойство стремиться къ иному и искать себѣ въ немъ предмета. Такимъ образомъ матерія тѣлѣ, равно какъ и тотъ первобытный источникъ идей, бывъ безконечною, по принятіи въ себя ограниченной сущности конечной, приняла извѣстную форму, законъ, условіе и различныя отношенія. Эти мысли Платонова Тимея не менѣе ясно передаются и Аристотелемъ, который не въ одномъ мѣстѣ свидѣтельствуетъ, что τὸ ἀπειροὺν и τὸ πέρασ ἔχον, по мнѣнію Платона, сходятся не только въ идеяхъ, но и во всѣхъ чувствовостигаемыхъ вещахъ: «Всѣ, по видимому, серьезно

бравшіеся за эту философію, говоритъ онъ (Metaph. XIV, 3; Phys. III, 4, ed. Brand.), разсуждали о безпредѣльномъ и принимали его за нѣкоторое начало сущаго. Одни, какъ пиеагорейцы и Платонъ, безпредѣльное разсматривали само по себѣ,—не въ смыслѣ принадлежности чего другаго, а въ смыслѣ самобытной сущности; только пиеагорейцы предполагали его въ чувственномъ,—ибо числа не отдѣляли отъ вещей,—и давали ему мѣсто внѣ неба; а Платонъ внѣ неба не допускалъ ни тѣла, ни идей, не назначалъ имъ никакого мѣста, говоря, то есть, что *безпредѣльное заключается и въ чувственномъ, и въ идеяхъ*. Если же такъ, то не остается никакого сомнѣнія, что *τὰ ἄλλα* суть или безконечное, или конечное. По своей природѣ они безконечны, а по силѣ дѣйствующей въ нихъ сущности—конечны. Это довольно ясно высказываетъ и самъ Парменидъ (р. 158 С. D). И такъ, если бы спросили: какимъ образомъ необразная и неустроенная масса тѣлъ стала конечною?—мы отвѣчали бы, что, по Платону, это произошло дѣйствиємъ идей, которыя, имѣя свойство и силу вступать въ отношенія, никакъ не успокоиваются въ самихъ себѣ, но относятся однѣ къ другимъ и къ матеріи тѣлъ, сообщая имъ свою силу и природу. Впрочемъ между идеями, поколику онѣ сами въ себѣ абсолютны, и тѣлами оказывается прямая противоположность: иная природа идей, и иная—вещей. Первые всегда постоянны и, разсматриваемыя сами по себѣ, чужды всякой измѣняемости; напротивъ, формы недѣлимыхъ непрерывно измѣняются, никогда не остаются тѣ же. Посему Аристотель нѣсколько разъ замѣчаетъ, что Платонъ отдѣлялъ идеи отъ вещей и представлялъ внѣ ихъ (*παρὰ τὰ αἰσθητά*) (Ethic. ad Nicom. 1, 4; Magn. Mor. I, 1; ad Eudem. I, 8; Metaph. III, 2, р. 46; VII, 14, р. 157 etc.). И такому положенію не противорѣчитъ другое, что у Платона идеи не занимаютъ никакого мѣста, на подобіе тѣлъ (Arist. Physic. III, 4; IV, 2); ибо это—понятія ума и виды, представляемые, такъ сказать, объективно, всѣмъ управляющіе и никакъ не зависящіе и не происхо-

дѣяціе отъ всѣхъ рожденныхъ. Если же все доселѣ нами сказанное справедливо, то легко уже замѣтить, во сколькихъ значеніяхъ Парменидъ могъ употреблять свое *τὰ ἅλλα*. Во первыхъ, видно, что этимъ словомъ можетъ быть означена необразная и неустроенная матерія тѣлъ, какая была до созданія міра. Потомъ, ничто не мѣшаетъ понимать его, какъ названіе вещей рожденныхъ или конечныхъ, получившихъ формы по образцамъ идей,—слѣдовательно, кромѣ множества и различія, принявшихъ специфическій характеръ идеальнаго единства. Далѣе,—это послѣднее значеніе представляетъ два новыхъ вида: *τὰλλα* суть или имя собирательное, означающее совокупность всѣхъ вещей, или имя недѣлимыхъ, указывающее на части цѣлаго. Наконецъ, и то еще можно имѣть въ виду, отдѣльно ли берется видъ недѣлимыхъ, какъ нѣчто, имѣющее собственную свою природу, или рассматривается въ отношеніи къ чему другому, съ нимъ сродному. И такъ, для правильнаго пониманія Платонова Парменида, надобно пристально наблюдать, какое въ извѣстномъ мѣстѣ значеніе соединяетъ философъ съ своимъ *τὰλλα*. Это—первое и важнѣйшее условіе для выясненія темныхъ мѣстъ разбираемаго нами діалога. И никакъ нельзя думать, будто извѣстное слово принимая въ томъ или другомъ значеніи, философъ дѣлаетъ это произвольно, безъ всякой цѣли: напротивъ, внимательно всмотрѣвшись въ порядокъ и ходъ всего разсужденія, съ изумленіемъ убѣждаешься, что здѣсь все идетъ по требованію самаго тонкаго искусства и самой строгой расчетливости, что здѣсь съ точностію выполняется намѣреніе—раскрыть со всѣхъ сторонъ природу, состояніе, отношеніе и родство единства конечнаго.

Разсмотрѣвъ и опредѣливъ значеніе главныхъ предметовъ Парменидова разсужденія,—*τὸ ἐν ὄν* и *τὰ ἅλλα*,—приступимъ теперъ къ изложенію третьяго отдѣла его, гдѣ изслѣдывается какая-то какъ бы связь, которою держатся тѣ противныя принадлежности, свойственныя какъ безконечному единству, такъ и существу конечному. Одно, говорить

Парменидъ, въ тотъ моментъ никакъ не можетъ оставить сущности, когда бываетъ причастно ей; и наоборотъ,—никакъ не можетъ быть соединено съ нею, когда потеряна близость къ ней. Отсюда легко заключить, что сущности въ одномъ иногда можетъ не быть, а иногда она есть; ибо иначе какъ вышло бы, что одно и характеризуется тѣмъ же свойствомъ, и не имѣетъ его? Если же такъ, то должно быть какое нибудь время, въ которое то, что есть, воспринималось бы и оставлялось однимъ; ибо все, что мы имѣемъ, или чего не имѣемъ, было прежде либо принято нами, либо оставлено. Но принимать сущность есть не иное что, какъ *являться*, а оставлять ее—значить *погибать*. Откуда слѣдуетъ, что одно, поколику оно то воспринимаетъ сущность, то оставляетъ ее, должно и являться, и погибать (р. 155 D—156 A). Если одно можетъ дѣлаться многимъ и не избавляется ни отъ происхожденія, ни отъ уничтоженія; то, при рожденіи одного, естественно тотчасъ уничтожаться многому, равно какъ при рожденіи многого—уничтожаться одному; а это и есть переходъ отъ одного ко многому и отъ многого къ одному. То есть, общее понятіе сущаго, развиваясь путемъ анализа въ формы и раздѣляясь на части, является во множествѣ недѣлимыхъ, *διακρίνεται*, а когда отъ отдѣльныхъ понятій способомъ синтетическимъ дѣлается восхождение къ болѣе общимъ, пока не будетъ достигнуто высочайшее понятіе сущаго, тогда, очевидно, имѣетъ мѣсто сочетание, или *σύχρησις*. То же выходитъ и относительно другихъ, замѣчаемыхъ въ конечномъ одномъ, противорѣчущихъ моментовъ; и это Парменидъ объясняетъ примѣрами, говоря, что между подобіемъ и неподобіемъ внесено τὸ ὁμοιοῦσαι καὶ ἀνομοιοῦσαι, а между тѣмъ, что больше, меньше, или равно—τὸ ἀξάνεσθαι, καὶ φθίνεῖν, καὶ ἰσοῦσαι. Но изъ всего этого слѣдуетъ, что между моментами противными должно быть нѣчто среднее, посредствомъ чего совершается переходъ отъ одного къ другому (р. 156 B, C). Показавъ такимъ образомъ связь моментовъ, созерцаемыхъ въ одномъ, Парме-

нидъ потомъ объясняетъ самую смѣну, которую противное переходитъ въ противное. Объясненіе свое начинаетъ онъ разсмотрѣніемъ движенія и покоя. Одно, переходящее отъ покоя къ движенію и наоборотъ, говоритъ онъ, по видимому, не имѣетъ ничего общаго съ временемъ; ибо, дѣйствительно, нѣтъ никакаго времени, въ которомъ что либо не двигалось бы и не покоилось. Тѣмъ не менѣе однакожь долженъ быть какой нибудь переходъ одного изъ состоянія покоя въ состояніе движенія. Такъ какъ этотъ переходъ— внѣ времени, то надобно, по видимому, полагать, что стоящее между покоемъ и движеніемъ есть τὸ ἐξαιφνης, мгновеніе,—т. е. кака-то столь малая точка, что никакъ не можетъ быть названа временною, и что находящееся въ ней одно нельзя почестъ ни покоющимся, ни движущимся. Такъ же, по словамъ Парменида, надобно судить и о прочихъ свойствахъ одного. И во первыхъ, онъ прилагаетъ это сужденіе къ началамъ конечнаго и безконечнаго: то есть, когда одно переходитъ изъ безконечнаго къ конечному, или изъ конечнаго къ безконечному, тогда оно и есть и не есть, и не исчезаетъ и не происходитъ, ибо находится въ томъ мгновеніи, въ которомъ не можетъ назваться ни конечнымъ, ни безконечнымъ,—такъ какъ, оставивъ безконечность, оно еще не получило природы конечнаго. Подъ это же сужденіе подводитъ онъ и всѣ взаимно противныя свойства существа конечнаго, рассматриваемаго въ себѣ самомъ, погонику эти свойства смѣняются такъ, что одно въ тотъ моментъ—τὸ ἐξαιφνης—не имѣетъ никакихъ свойствъ: ни одно оно, ни многое, ни подобное, ни не подобное, ни малое, ни великое, ни равное, ни неравное, и т. д. (р. 156 D—157 B).

Въ слѣдующемъ по порядку разсужденіи τὸ ἐν есть конечное и имѣющее силу ограничивать. И такъ какъ оно, по этой причинѣ, дѣйствуетъ на прочее, то легко уже догадаться, что сдѣлается отъ того съ прочимъ. Прочее, не имѣя въ себѣ той силы, которою могло бы все распредѣлять и

приводить въ порядокъ по закону, совершенно подходитъ подъ норму и законъ существа конечнаго идеальнаго и какъ бы подражаетъ его природѣ. Поэтому не удивительно, что здѣсь все движеніе изслѣдованія почти нисколько не отличается отъ установленнаго во второмъ отдѣлѣ. А что теперь, по отношенію къ прочему, упоминается не о всемъ, о чемъ говорено было тогда относительно одного конечнаго,—причина заключается въ предположеніи, что это разумѣется само собою. Какъ тамъ прежде всего показано было, что одно есть также многое, и что конечное по числу безконечно: такъ и здѣсь сперва говорится, что *τὰ ἕτερα* и причастны одного, и по числу безконечны. Парменидъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: Если прочее, кромѣ одного, отличается отъ самого одного; то ни прочее не должно имѣть природы единства, ни единство—природы прочаго; а иначе между ними не было бы различія. Тѣмъ не менѣе однакожъ прочее не совсѣмъ лишено единства, но нѣкоторымъ образомъ находится въ общеніи съ нимъ. Чтò называемъ мы прочимъ, говоритъ Парменидъ, то, какъ состоящее изъ частей, отличается отъ одного, и безъ частей оно было бы одно. Но нигдѣ нѣтъ такихъ частей, которыя не относились бы къ цѣлому. Цѣлое же есть не иное что, какъ одно, состоящее изъ многаго. Слѣдовательно, прочее заключаетъ въ себѣ *одно*. А что части относятся къ цѣлому, не ко многому,—доказывается такъ. Чтò почитается частію многихъ вещей, къ числу которыхъ относится и та часть, тò будетъ частію какъ самого себя, такъ и всего прочаго множества недѣлимостей; а это крайне нелѣпо. Отсюда слѣдуетъ, что признаваемое частію относится къ одному нѣкоторому виду или формѣ, которую мы называемъ цѣлымъ и почитаемъ однимъ, состоящимъ изъ всего. Если же это справедливо, то прочее, имѣя части, составляетъ цѣлое и, стало быть, причастно единства. Но какъ судимъ мы о цѣломъ, такъ надобно судить и объ отдѣльныхъ частяхъ того, что называется прочимъ. Вѣдь если правильно носить имя части то,

что отдѣлено отъ прочаго и само въ себѣ абсолютно, то легко понять, что и въ части также есть одно. Впрочемъ часть имѣетъ въ себѣ одно такъ, что отличается отъ одного самого въ себѣ. А если бы она не отличалась, то и не заключала бы въ себѣ одного, но составляла бы самую природу единства. Изъ всего этого явно, что природы единства не лишены ни часть прочаго, ни цѣлый составъ его, но то и другое находится въ общеніи съ нимъ (р. 157 В—158 А). Пусть и такъ, что прочее не лишено единства; однакожь прежде, по видимому, правильно было положено, что оно отлично отъ одного. А если это справедливо, то прочее есть также и многое; ибо какъ скоро оно и не было бы одно, и не простиралось бы далѣе единства, то, очевидно, превращалось бы въ ничто. И такъ, когда прочее, заключая въ себѣ одно, содержащееся и въ цѣломъ, и въ частяхъ, простирается далѣе единства,—ему, по множеству и числу, необходимо быть безконечнымъ. Это объясняется слѣдующимъ доказательствомъ. Прочее, кромѣ одного, въ моментъ воспріятія единства и не производитъ одного, и не заключаетъ его въ себѣ; слѣдовательно, тогда оно есть нѣкоторое множество, совершенно чуждое единства. Пусть же отнимется отъ него хоть малѣйшая частица: чтò изъ этого произойдетъ? Отнятая эта частица, не имѣя единства, будетъ опять безконечнымъ множествомъ. Такимъ образомъ, при разсматриваніи природы того, что отлично отъ одного, быть не можетъ, чтобы оно не казалось всегда по числу безконечнымъ. Между тѣмъ всякая часть, поколику дѣйствительно есть часть, необходимо должна имѣть предѣлъ, которымъ отдѣлялась бы какъ отъ прочихъ частей, такъ и отъ цѣлаго. Посему съ тѣмъ, что отлично отъ одного, случится, надобно полагать, такъ, что оно, по своей природѣ будучи безконечнымъ и не имѣющимъ никакого предѣла, по вступленіи въ общеніе съ однимъ, приметъ въ себя его природу, которая дастъ ему предѣлъ и конечность. И такъ, разсмотрѣніе прочаго приводитъ къ заключенію, что оно съ

одной стороны конечно, потому что причастно единства, а съ другой—безконечно, потому что заключаетъ въ себѣ необъятное число частей и формъ (р. 158 А—D).

Переходимъ теперь къ послѣднему отдѣлу первой части Парменидова разсужденія, въ которомъ объясняется, какъ надобно думать о связи тѣлесной матеріи, которая по природѣ своей безконечна, съ однимъ тоже безконечнымъ. Слѣдовательно, отсюда начинается рѣчь объ отношеніи между двумя безконечными, изъ которыхъ одно есть τὸ εἷν, а другое—τὰ ἄλλα. Ἐν εἰ ἔστιν принимается здѣсь въ такомъ значеніи, что на слово ἔστιν надобно смотрѣть какъ на связь,—все равно, какъ если бы надлежало читать: εἷν εἰ εἷν ἔστιν. Изъ этого понятно, что вся сила ударенія въ этомъ выраженіи падаетъ на имя единства,—такъ что это не то единство, съ которымъ соединяется сущность, то есть, не конечное, а скорѣе то, въ которомъ нѣтъ природы сущности конечной. Вотъ содержаніе этого отдѣла. Если одно, говоритъ Парменидъ, берется само по себѣ, отдѣльно, безъ соединенія съ сущностію, то можно спросить, какъ тогда надобно судить о прочемъ кромѣ одного? Во первыхъ, легко понять, что въ такомъ случаѣ одно отъ прочаго и прочее отъ одного полагаются совершенно отдѣльно. Нѣтъ третьяго, отъ того и другаго отличнаго, чѣмъ соединялись бы они, какъ общео связію; ибо имъ недостаетъ τὸ δῦν, или силы и природы сущности, которая одна дѣлаетъ то, что начала по природѣ безконечныя не только снабжаются формою и закономъ, но и связуются между собою нѣкоторою общностію. И такъ, если кромѣ одного и прочаго нѣтъ ничего, въ чемъ усматривалась бы связь того и другаго, то надобно заключить, что они взаимно раздѣлены. А когда собственно такъ называемое одно, то есть, безконечное, въ которомъ нельзя различить ни формы, ни отношенія, ни условія, совершенно отдѣлено отъ прочаго, или отъ множества тѣлъ,—явно, что въ прочемъ нѣтъ и того цѣлаго, нѣтъ и какихъ либо частей. Принявъ же это за вѣрное, надобно положить, что

прочее, кромѣ одного, никакъ не можетъ ввести его въ себя, и потому остается вовсе безъ единства,—просто безконечнымъ множествомъ ($\tau\acute{\alpha} \pi\lambda\eta\theta\eta$). А отсюда выходитъ, что $\tau\acute{\alpha} \delta\acute{\iota}\lambda\lambda\alpha$ нельзя почитать и многимъ; ибо все, изъ чего слагается многое, представляетъ собою частицы чего-то цѣлаго ($\tau\omicron\upsilon\theta \delta\lambda\omicron\upsilon$), тогда какъ прочее, отдѣленное отъ одного, не заключая въ себѣ никакой его части, не можетъ имѣть ни одного, ни многого, ни цѣлаго, ни частей; притомъ многое есть понятіе относительное, имѣющее смыслъ въ отношеніи къ одному и цѣлому,—слѣдовательно, абсолютному, свободному отъ всякаго условія и отношенія, не свойственно. Но такъ какъ прочее чуждо единства, то не составляетъ оно, или не содержитъ въ себѣ, и никакого числа, ибо числу свойственна опредѣленность, никакъ не принадлежащая тому, что безконечно; для числа единица столь необходима, что безъ нея никакъ невозможно дальнѣйшее счисленіе, нельзя получить ни двоицы, ни тройцы, ни четверицы. А изъ этого слѣдуетъ, что прочему не должно приписывать ни подобія, ни неподобія: подобнымъ ли признаемъ его самому себѣ, или не подобнымъ,—положеніе наше будетъ несправедливо, потому что такимъ образомъ приписывалось бы ему два конечныхъ, и притомъ противныхъ качества, тогда какъ оно не имѣетъ никакихъ численныхъ отношеній. Нельзя также сказать, что прочее подобно или не подобно одному; потому что одно и прочее, какъ положено выше, находятся внѣ всякой связи одно съ другимъ. Нельзя, наконецъ, думать, что прочее тождественно или отлично, движется или покоится, равно или не равно, и т. д.; ибо если бы принадлежали ему эти качества, то оно содержало бы въ себѣ нѣкоторыя части чиселъ, но это, какъ мы видѣли, ему вовсе не свойственно (р. 159 В—160 В).

Обозрѣвъ первую часть Парменидова разсужденія во всѣхъ его отдѣлахъ, мы считаемъ полезнымъ поставить какъ бы предъ глаза содержаніе и отношеніе ихъ въ слѣдующей таблицѣ.

- Безконечное «одно».
- «Одно» сущее и конечное.
- Смѣшеніе противныхъ свойствъ.
- Свойства «прочаго» конечнаго.
- Свойства «прочаго» безконечнаго.
- Тὸ ἕν, одно безконечное (ἀπειρον), есть *ничто*, т. е., не имѣеть никакой формы, отношенія, условія, и потому не можетъ быть познаваемо (р. 137 С—142 В).
- Тὸ ἕν ὄν, одно конечное, есть *все*, т. е., имѣеть безконечныя части, подвергается разнымъ отношеніямъ, и потому находится въ тѣснѣйшей связи съ вещами чувствопостигаемыми; слѣдовательно, можетъ быть познаваемо (р. 142 В—155 Е).
- Не только само *конечное* и *безконечное*, но и *противныя свойства* *конечною* смѣшиваются и возникаютъ — въ какомъ-то отдѣльномъ, — неопредѣленномъ и неуловивомъ, — моментѣ времени (р. 155 Е—157 В).
- Матерія тльъ*, если испытываетъ дѣйствіе конечнаго начала идей, *есть все*, т. е., принимаетъ безчисленныя формы и отношенія и вся образуется по образцу идей, а потому можетъ быть познаваема (р. 157 В—159 В).
- Матерія тльъ*, совершенно отдѣленная отъ одного, безъ привожденія ограничивающей сущности, *есть ничто*, т. е., не имѣеть ни формы, ни закона, ни условія, и потому никакъ не познается (р. 159 В—160 А).

Теперь мы переходимъ ко второй части разсужденія, въ которой Парменидъ изслѣдываетъ, что надобно думать и о природѣ сущаго, и о томъ, чтò есть кромѣ его, если бы мы стали отрицать сущее. Онъ выше сказалъ, что кто хочетъ изслѣдовать предметъ точно, долженъ изслѣдовать не только то, что произойдетъ, когда что либо будетъ положено, но и то, что будетъ слѣдовать по отрицаніи положеннаго. Это самое правило прилагаетъ онъ теперь къ вопросу

объ одномъ и прочемъ,—то есть, старается дознать, какъ надобно судить о разсмотрѣнномъ выше положеніи, когда его подлежащее взято будетъ отрицательно, и рѣшаетъ этотъ вопросъ съ такою опредѣленностью, что не оставляетъ ничего болѣе желать. Здѣсь отрицаніе получаетъ какъ будто силу положенія, и многое, что прежде было темно, становится этимъ путемъ совершенно ясно. Все это рассужденіе состоитъ опять изъ двухъ главныхъ частей, изъ которыхъ въ первой, болѣе обширной и тонкой, изслѣдывается, что, по отрицаніи одного, произойдетъ съ нимъ самимъ (р. 160 В—164 В), а въ послѣдней кратко объясняется, что, по отнятіи одного, случится съ прочимъ (р. 164 В—166 С). Притомъ каждая изъ этихъ частей снова разсѣкается на два отдѣла, поколику, то есть, отрицаніе одного берется или абсолютно, или относительно, и рассматривается, что въ томъ и другомъ случаѣ должно произойти какъ съ однимъ, такъ и съ прочимъ.

Чтобы правильно понять содержаніе всей этой части, нужно напередъ обратить вниманіе на то, что разумѣетъ Платонъ подъ отрицаніемъ абсолютнымъ и относительнымъ. Иное дѣло, говоритъ онъ, полагать, что чего либо нѣтъ по отношенію къ какой нибудь другой вещи, и иное опять,—что этого просто и совершенно нѣтъ. Кто отрицаетъ вещь просто, тотъ отрицаетъ самую сущность ея. Когда, напримѣръ, говорятъ: нѣтъ Бога,—это можно понимать такъ, что его совершенно отвергаютъ. А можно съ этимъ соединять и такую мысль, что нѣтъ Бога такого или такого, отрицать, то есть, извѣстное его качество, а самого его не отрицать. На это именно указываетъ Аристотель (*Metaph. VI, p. 139, ed. Brand.*), говоря: *τῆς στερήσεως οὐσία ἐστὶν ἢ οὐσία ἢ ἀντιθεμένου*, то есть, какъ скоро такое отрицаніе есть относительное и зависитъ отъ сравненія,—причина его и какъ бы источникъ заключается въ противоположномъ утверженіи. Платонъ ясно представлялъ эту мысль, и подробно раскрылъ въ своемъ Софистѣ (р. 257 В), какъ надобно думать о выраже-

ніяхъ такъ называемыхъ ограничительныхъ. Тамъ элейскій иностранецъ, намѣреваясь опровергнуть положеніе Парменида, которымъ отрицалась возможность чего либо въ смыслѣ τὸ μὴ ὄντος, замѣчаетъ, что подѣ словомъ τὸ μὴ ὄν разумѣется не вовсе не существующее и противное τῷ ὄντι, а то, что надобно почитать отличнымъ отъ чего либо инаго, по отношенію къ извѣстнымъ свойствамъ. Изъ этого можно уже видѣть; въ какихъ значеніяхъ должно быть принимаемо выраженіе Парменида: εἰ μὴ ἔστι τὸ εἶν. Имъ означается или то, что *одно отрицается совершенно и просто, такъ что ему не приписываются никакія принадлежности*, или то, что *одно опредѣляется свойствами не положительными, а отрицательными*. И Парменидъ дѣйствительно разсматриваетъ его сперва въ одномъ, потомъ въ другомъ смыслѣ. Вотъ его разсужденіе. Одно, котораго нѣтъ, какъ скоро оно отлично отъ прочаго, имѣетъ свою особенность въ отличіи,—котораго если бы въ немъ не было, оно никакъ не различалось бы отъ прочаго. Но это самое различіе поставляетъ его въ многоразличныя отношенія, которыми связано оно съ прочимъ. Вѣдь хотя то одно *быть* и не можетъ, если мы полагаемъ, что его нѣтъ; однакожъ ничто не мѣшаетъ ему быть причастнымъ многихъ отношеній и свойствъ, поколику, при отрицаніи того одного, прочее допускается и полагается. Посему между имъ и прочимъ входитъ неподобіе: ибо прочее, поколику отъ одного отличное, должно быть не таково, какъ это послѣднее; когда же все то, что не таково, какъ иное, по необходимости различно,—а что различно, τὸ не подобно;—необходимо полагать, что и прочее, въ отношеніи къ тому, что мы называемъ однимъ, не подобно. А какъ скоро между однимъ и прочимъ является неподобіе,—первое само себѣ должно быть подобно; потому что если бы оно было не подобно самому себѣ, то неподобіе уничтожило бы природу единства, и оно сдѣлалось бы немислимымъ. Отсюда само собою слѣдуетъ, что одно, какъ скоро полагается, что его нѣтъ, правильно будетъ названо и не подобнымъ, поколику

оно отличается отъ прочаго, и подобнымъ, поколику не можетъ быть не подобно самому себѣ. Далѣе. Между однимъ и прочимъ умѣстно еще отношеніе неравности; потому что они взаимно себѣ не подобны. Но такъ какъ для произведе- нія неравенства требуются великость и малость; то одно, поколику его нѣтъ, не можетъ также не имѣть великости или малости, если только оно не равно прочему. Въ средину же великости и малости всегда входитъ равность. Поэтому все, чему мы приписываемъ великость и малость, непременно по природѣ содержитъ въ себѣ и равность. Стало быть, то одно, кромѣ великости и малости, причастно и равности; слѣдовательно, оно и не равно и равно. Отрицаемое одно нѣкоторымъ образомъ причастно даже и сущности; а иначе, говоря, что одного нѣтъ, мы утверждали бы что-то ложное: напротивъ теперь, полагая это правильно, можемъ совершенно естественно мыслить, что отрицаемое одно есть. И такъ, одно *есть*,—хотя бы и отрицалось, что оно есть; ибо если оно не будетъ $\mu\eta\ \delta\upsilon$, т. е. такимъ, что не есть, и сообщить хоть немного сущности своему $\mu\eta\ \epsilon\iota\upsilon\alpha\iota$, то выйдетъ уже такимъ, что необходимо *есть*: вѣдь, по удаленіи обѣихъ отрицательныхъ частицъ, окажется, что оно *будетъ бывающимъ*,—значить, выйдетъ изъ небытія. И такъ, есть какая нибудь общая связь, которою то, что признается существующимъ, соединяется съ тѣмъ, что мы полагаемъ какъ не существующее. Эта связь усматривается въ томъ, что нѣчто, и не существуя, имѣетъ однакожъ свойственную себѣ сущность, и наоборотъ,—существуя, тѣмъ не менѣе содержитъ въ себѣ силу и природу не существующаго. Такимъ соединеніемъ производится, по видимому, то, что нѣчто можетъ существовать и не существовать. Слѣдовательно, и одно надобно, по всей справедливости, почитать существующимъ и не существующимъ. Но такъ какъ всѣ эти свойства взаимно противны, а то, что находится въ опредѣленномъ состояніи, не можетъ измѣнять свойства, не перешедши изъ одного состоянія въ другое: то одно, полагаемое не существую-

щимъ, должно двигаться. Съ другой стороны, тому же одному, поколику оно отрицается, надобно отказать во всякомъ движеніи. Но что неподвижно, то стоитъ и покоится. Слѣдовательно, одно, почитаемое не существующимъ, не мѣнѣе стоитъ, какъ и движется. Если же одно движется, то и измѣняется; а когда стоитъ,—остается безъ измѣненія. Стало быть, одно, почитаемое не существующимъ, и измѣняется и не измѣняется. Кромѣ того, все измѣняющееся дѣлается не такимъ, какимъ было прежде, слѣдовательно погибаетъ: напротивъ, не измѣняющееся остается тѣмъ же и не подвержено уничтоженію. А отсюда слѣдуетъ, что отрицаемое одно, поколику подвержено переменамъ, и рождается, и погибаетъ; а поколику чуждо измѣняемости,—и не рождается, и не погибаетъ (р. 160 D—163 B).

Чтобы правильно понять эту труднѣйшую для пониманія перикопу Парменидова рзсужденія, надобно вникнуть въ значеніе нѣкоторыхъ употребляемыхъ въ ней словъ. И во первыхъ, требуетъ объясненія здѣсь понятіе τὸ εἶδος, принимаемое Парменидомъ, какъ мы видѣли, въ различныхъ смыслахъ. Здѣсь, конечно, не можетъ быть рѣчи объ одномъ безконечномъ; потому что Парменидъ приписываетъ ему различныя свойства, которыхъ безконечное одно, по прежнему понятію о немъ, не имѣетъ. Стало быть, въ этомъ отдѣлѣ говорится объ «одномъ» конечномъ. Но такъ какъ и одно конечное принимается въ двухъ смыслахъ, то есть, означаетъ либо всю область идей, либо отдѣльныя ихъ формы и виды; то можно недоумѣвать, которое изъ указанныхъ значеній надобно соединять съ нимъ въ настоящемъ случаѣ. Это недоумѣніе можетъ быть рѣшено чрезъ изслѣдованіе значенія формулы εἶναι ἐστίν. Выше было замѣчено, что въ ней надобно разумѣть идею, ограниченную отрицательными признаками. Если такое мнѣніе о ней справедливо, то уже нельзя сомнѣваться, въ какомъ значеніи полагается здѣсь τὸ εἶναι. Понятія этого рода возникаютъ только тогда, когда находятся въ отношеніи къ понятіямъ положительнымъ,

отъ которыхъ почитаются отличными: поэтому τὸ εἶναι, по-коликую оно разумѣется относительно не существующимъ, надобно думать, есть какая нибудь идея, взятая обширнѣе или тѣснѣе. Затѣмъ представляется вопросъ, въ какомъ значеніи берется здѣсь имя τῶν ἄλλων? Такъ какъ выше подъ этимъ именемъ разумѣлись тѣлесныя вещи, отъ идей далеко отличныя; то могутъ подумать, что въ такомъ же значеніи оно должно быть понимаемо и теперь. Но нѣтъ ничего неудачнѣе этого мнѣнія; потому что, принявъ его, пришлось бы перепутать все содержаніе рѣчи, и многіе частныя выводы оставить безъ рѣшенія. А изъ частныхъ-то мѣстъ и можно видѣть, чего требуетъ ходъ и порядокъ всего изслѣдованія. Предположивъ, что здѣсь дѣло идетъ о понятіяхъ отрицательно ограниченныхъ, мы убѣдимся, что подъ «прочимъ» можно разумѣть понятія утвердительныя, отъ того другаго рода, по природѣ своей, отличныя, хотя и поставленныя къ нему въ отношеніе. Сколь необходимо было философу обнаружить въ этомъ мѣстѣ связь идей отрицательныхъ съ положительными, легко пойметъ всякій. Открыть какимъ либо образомъ и объяснить силу и природу идеи, отличенной отрицательными признаками, было даже и невозможно, не изслѣдовавъ прежде всего, въ какомъ находится она отношеніи къ понятіямъ утвердительнымъ. По нашему мнѣнію, это—единственный путь, которымъ можно привести въ ясность какъ силу и значеніе отдѣльныхъ умозаключеній Парменида, такъ и все вообще содержаніе его разсужденія. Читатель оправдаетъ наше мнѣніе, внимательно входя въ смыслъ Платонова текста и понимая его подъ руководствомъ подстрочныхъ нашихъ примѣчаній.

Теперь на очереди та часть разсужденія, въ которой изслѣдуется вопросъ: что станетъ съ «прочимъ», если положить, что «одного» нѣтъ. А этотъ вопросъ дѣлится опять надвое; ибо сперва разсматривается, какъ надобно думать о прочемъ, если одно будетъ отрицаемо относительно, а потомъ тотъ

же предметъ разбирается подъ условіемъ абсолютнаго отрицанія единства.

Если одного нѣтъ, говорить Парменидъ, то прочее однакожь, полагаемое *существующимъ*, необходимо должно отличаться отъ чего нибудь; потому что иначе прочаго не было бы,—если бы оно не имѣло различія. Но что различно, тому свойственно отличаться отъ какой либо вещи. А мы полагаемъ, что одного *нѣтъ*. Значить, прочее съ тѣмъ однимъ не будетъ имѣть никакой связи. Стало быть, остается заключить, что прочее отлично отъ самого себя. Но это самое различіе, полагаемое между прочимъ и прочимъ,—какъ скоро «одно» отринуто,—возможно здѣсь лишь при условіи, когда прочее отъ прочаго будетъ отличаться множествами или массами, а не отдѣльностями. Поэтому въ прочемъ возникнуть какія-то взаимно различныя большія массы, которыя хотя и кажутся нѣкоторыми единицами, однакожь, заключая въ себѣ безконечное множество, не имѣютъ единства. Такимъ образомъ тѣ массы прочаго и кажутся единствомъ, и чужды его. Если же такъ, то прочему надобно равно отказывать и не отказывать въ равночисленности и неравночисленности, въ великости, малости и равности. То же надобно сказать и о всѣхъ другихъ свойствахъ, какія можно прилагать къ прочему. Такъ, на примѣръ, тѣ отдѣльныя массы, какъ взаимно обособленныя, по видимому, ограничиваются какими-то предѣлами; а между тѣмъ онѣ не имѣютъ ни начала, ни середины, ни конца: ибо гдѣ нѣтъ единства, тамъ не можетъ быть, чтобы начало не предшествовало началу, за концомъ не слѣдовалъ конецъ и въ срединѣ не усматривалась другая середина, болѣе средняя, чѣмъ самая середина. Тѣ прочее, чуждое единства, можно даже до безконечности уменьшать и дробить на мельчайшія частицы, и все таки безуспѣшно; потому что непрестанно будутъ являться и умножаться новыя частицы. А отсюда, очевидно, слѣдуетъ, что прочее, хотя *по видимому* имѣетъ предѣлъ и единство, однакожь оно безконечно. Слѣдовательно, если одного нѣтъ, прочее кажется

конечнымъ и безконечнымъ, однимъ и многимъ. Такимъ же образомъ будетъ оно казаться подобнымъ и не подобнымъ. Вотъ какъ иногда картины, если смотришь на нихъ издали, кажутся очень похожими, а вблизи различными: такъ и тѣ массы прочаго, если смотрѣть на нихъ слегка, представляются подобными, а всмотрись пристальнѣе,—не имѣютъ ничего сходнаго. Не съ меньшимъ правомъ можно сказать и то, что онѣ кажутся касающимися и не касающимися одна другой, совершающими всякаго рода движеніе и покоящимися, происходящими и погибающими (р. 164 В—165 D).

Искусство, съ какимъ развитъ этотъ отдѣлъ разсужденія, весьма замѣчательно. Съ перваго взгляда, онъ какъ будто весь состоитъ изъ положеній странныхъ и покрытъ непроницаемымъ мракомъ; но, по внимательномъ изслѣдованіи, въ немъ находишь превосходный очеркъ отношенія между отрицательно ограниченными понятіями и вещами чувствопостигаемыми. Смысль формулы: $\epsilon\nu\ \epsilon\iota\ \mu\eta\ \epsilon\sigma\tau\iota\nu$, въ этомъ мѣстѣ, вѣроятно, не возбудитъ недоумѣнія. Тò $\epsilon\lambda\upsilon\alpha\iota$ здѣсь отрицается не просто и не совершенно, а только сравнительно. Это видно изъ того, что τὰ ἄλλα опредѣляются различными свойствами, которыхъ, при полномъ отсутствіи въ нихъ сущности, не было бы. Посему ясно, что здѣсь изслѣдывается особенно то, что должно стать съ прочимъ, какъ скоро полагаются идеи, ограниченные отрицательными признаками, и потому отличныя отъ понятій утвердительныхъ. Подъ словомъ же *прочее*, τὰ ἄλλα, въ этомъ отдѣлѣ надобно понимать совсѣмъ не то, что понимаемо было подъ нимъ въ прежнихъ разсужденіяхъ. Идеи, ограниченные утвердительно, отличны отъ идей, ограниченныхъ признаками отрицательными, и, находясь во взаимномъ съ ними отношеніи, указываютъ на то самое, что положено отрицать въ нихъ. Но другое дѣло—недѣлимая, или вещи частныя. Когда онѣ ограничиваются отрицательностію самыхъ идей и по этому различаются, онѣ не могутъ отличаться отъ идей отрицательно конечныхъ, а отличаются взаимно—отъ недѣлимыхъ же, съ ко-

торыми входятъ въ сравненіе. Если бы, напримѣръ, мы сказали, что Сократъ отличается добродѣтелию, которая не есть благочестіе, то въ нашемъ умѣ не было бы ничего яснаго и опредѣленнаго; потому что понятіе о добродѣтели Сократа, ограниченное отрицательно, не наводитъ ни на какое его свойство, которое надобно полагать какъ нѣчто отъ нея отличное. Короче сказать: никакое понятіе не можетъ быть отрицательно ограничено такъ, чтобы ему приписывались свойства, ограниченныя равнымъ образомъ отрицательно. И такъ, если вѣрно, что это именно говорится здѣсь о прочемъ, то необходимо, съ другой стороны, условиться — разумѣть *прочее*, не какъ утвердительныя идеи, а какъ вещи, подражающія образцу отрицательно ограниченныхъ идей, и потому различныя. Намъ представляется несомнѣннымъ, что эта послѣдняя часть Парменидова разсужденія тогда только будетъ понята вѣрно во всѣхъ отдѣльныхъ ея чертахъ, когда, читая ее, мы будемъ постоянно помнить, что *τὰ ἄλλα* здѣсь суть недѣлимыя вещи чувствовостигаемыя. Притомъ, какъ прежде разсуждалось о внутреннемъ соединеніи тѣлесныхъ вещей съ идеями, такъ и теперь надлежало объясниться касательно того же предмета: ибо такъ какъ матерія тѣлѣ, по природѣ своей, безконечна и неустроена, хотя тѣмъ не менѣе способна принять конечную сущность, силою которой, смотря по роду и вліянію идей, выражаетъ въ себѣ ихъ свойства; то, безъ сомнѣнія, не довольно было изслѣдовать, какое вліяніе производится на отдѣльныя вещи идеями утвердительно ограниченными, но надлежало еще внимательно разсмотрѣть и то, какое производится дѣйствіе на недѣлимыя со стороны идей отрицательныхъ. Въ противномъ случаѣ, пройдена была бы молчаніемъ цѣлая половина важнѣйшаго вопроса, который тѣмъ болѣе занималъ Платона, чѣмъ упорнѣе была его борьба съ элейцами.

Разрѣшивъ вопросъ о томъ, что должно произойти съ прочимъ въ случаѣ отрицанія одного конечнаго, Парменидъ беретъ теперь другую его сторону, — полагаетъ возможнымъ

отвергнуть идею вполне, совершенно, и затѣмъ спрашиваетъ, что въ такомъ случаѣ будетъ прочее. Цѣль этого разсужденія—изслѣдовать, какую надобно представлять матерію тѣлъ, если будетъ найдено, что высочайшее начало вещей есть безконечное, то есть, не ограничивается ни формами, ни законами, ни отношеніями. Явно, что, по отвлеченіи формъ и законовъ той мыслимой сущности, не могутъ оставаться конечными и массы тѣлъ, такъ какъ природа ихъ не иначе сохраняетъ свою конечность, какъ воспринимая силою идей извѣстныя формы и законы. Поэтому тѣламъ, разсматриваемымъ въ себѣ, хоть и можно приписывать сущность, какъ дѣлаютъ физики, но успѣха тутъ ждать нельзя. Пока, то есть, не обнимешь умомъ, не уразумѣешь природы ихъ, напрасно будешь трудиться надъ рѣшеніемъ вопроса, что такое они. Все зависитъ отъ идей, и по отнятій ихъ, ничто не можетъ истинно существовать или быть познаваемымъ. Парменидъ весь этотъ отдѣлъ разсужденія весьма благоразумно заключилъ въ немногихъ словахъ, чтобы не повторять того, о чемъ говорено уже было прежде. Впрочемъ, не смотря на краткость, это изслѣдованіе имѣетъ свое значеніе. Въ виду разсужденія, только что оконченнаго, философъ говоритъ, что прочее, хотя само по себѣ оно берется и какъ существующее, по отнятій идей, не сохраняетъ и тѣни или вида сущности, и потому никакъ не можетъ быть почитаемо существующимъ. Онъ начинаетъ положеніемъ, что, по отрицаніи одного, не можетъ имѣть свойственнаго ему единства и прочее. Совершенно отвлекши идею, нельзя будетъ составить понятіе и о массѣ тѣлъ. Уничтоживъ же единство идеи и понятія, невозможно въ тѣлесныхъ вещахъ различить ни множества, ни разнообразія,—что для человѣческаго ума служить условіемъ разумнія. И такъ, само собою слѣдуетъ, что у прочаго надобно отнять и множество и единство,—*τὰ ἄλλα οὐτε πᾶσα οὐτε ἓν εἶναι*. Но Парменидъ идетъ еще далѣе и доказываетъ, что прочее не удерживаетъ даже вида единства и множе-

ства; ибо съ тѣмъ, чего нѣтъ, ничто не соединяется и не приходитъ въ сродство; поэтому между однимъ и прочимъ нѣтъ ничего общаго. Слѣдовательно, по совершенномъ уничтоженіи идеи, нельзя даже образовать и понятія о тѣлесныхъ вещахъ, или составить о нихъ какое либо мнѣніе. Стало быть, въ этомъ случаѣ невозможно и мнить—ни о томъ, чего нѣтъ, т. е., о совершенно отринутой идеѣ, ни о томъ, что называется прочимъ или инымъ. Посему, какъ скоро отвергнуто одно,—прочее не только не есть одно и многое, но и не кажется этимъ. Такими умозаключеніями уничтоживъ всякое различіе между тѣлесными вещами,—такъ какъ показалъ, что безъ идеи нельзя ни замѣчать его, ни чувствовать,—Парменидъ естественно уже лишаетъ свое прочее подобія и неподобія, равенства и различія, соединенія и отдѣленія, и всѣхъ тѣхъ свойствъ, которыя прежде ему приписывались. Что же, наконецъ, надобно сказать о прочемъ, если оно остается безъ этихъ и другихъ предикатовъ? Явно, что это—идеальное одно, но не имѣющее сущности, которая одна исключительно есть источникъ формъ, частей, отношеній и общенія. Матерія же тѣлъ, хотя бы мы и приписали ей сущность, остается тѣмъ не менѣе грубою, неустроенною и безконечною; такъ что намъ никакъ нельзя ни уразумѣть ее, ни познать, ни оцутить (р. 165 E—166 C).

Чтобы содержаніе второй части Парменидова разсужденія представлять нагляднѣе и видѣть, въ какомъ порядкѣ слѣдуютъ его отдѣлы, мы находимъ небезполезнымъ показать это въ слѣдующей таблицѣ.

«Одно» отрицательно ограниченное или конечное.	$\left\{ \begin{array}{l} \text{Тò êν, если бытіе его отрицается относи-} \\ \text{тельно, есть все, и потому содержитъ въ} \\ \text{себѣ сущность вмѣстѣ съ несущностію;} \\ \text{стало быть, можетъ быть понимаемо, по-} \\ \text{знаваемо, чувствуемо (р. 160 D—163 B).} \end{array} \right.$
«Одно» отрицательное—безконечное.	
	$\left\{ \begin{array}{l} \text{Тò êν, если бытіе его отрицается абсо-} \\ \text{лютно, не есть ничто, а потому и не по-} \\ \text{нимается, и не познается, и не постигается} \\ \text{чувствомъ (р. 163 C—164 B).} \end{array} \right.$

«Прочее», или
иное, отрица-
тельно конечное
или ограничен-
ное. { *Если бытіе τὸ ἔν отрицается отно-
сительно, и потому полагаются идеи от-
рицающія,—прочее все по видимому суще-
ствуетъ; стало быть, относительно его умѣст-
но всякое мнѣніе (р. 164 С—165 D).*

«Прочее»—без-
конечное, чрезъ
отрицаніе одно-
го. { *Если бытіе τὸ ἔν отрицается просто
и совершенно,—не могутъ существовать и
быть конечными и τὰ ἄλλα, такъ что ни-
какимъ образомъ не могутъ подлежать по-
знанію или мнѣнію (р. 165 D—166 С).*

Если теперь какъ бы однимъ взглядомъ обнимемъ мы все содержаніе и весь строй Платонова Парменида, то можемъ вѣрно опредѣлить *намѣреніе* и *цѣль*, съ которыми онъ написанъ. Содержаніе его легко передать немногими словами. Не только вещамъ чувствовостигаемымъ приличны различные предикаты,—что безразсудно отвергають мегарскіе эристики, не видящіе связи вещей съ идеями,—но и идеямъ, безъ которыхъ невозможно никакое познаніе и нельзя приписать какого либо значенія словамъ даже самыхъ этихъ мыслителей. Понявъ это, нужно уже будетъ допустить, что, какъ въ нихъ только заключается всякая сущность, то ими условливается и вся познавательность человѣческаго ума, даже ощущеніе того, что усматривается очами, и всякое мнѣніе; ибо всѣ явленія вытекають единственно изъ идей,—все, что только имѣетъ опредѣленное бытіе и какой нибудь обликъ. И вотъ какъ это объясняется. Идеи предполагають, въ смыслѣ субстрата, безконечную сущность, которая есть какъ бы какое-то абсолютное положеніе, превышающее силу и разумѣніе человѣческаго ума. Эта сущность, пока сохраняетъ первоначальныя свойство и природу, не будучи сама ограниченной, не имѣетъ силы ограничивать и другое, отъ нея отдѣльное и отличное, и сообщать чему либо такія качества, по которымъ это что либо могло бы быть отличено, ощущено и понято. Такой безконечной

сущности необходимо сперва сдѣлаться конечною, — именно такою, чтобы, чрезъ принятіе предикатовъ, она явилась опредѣленною. Когда же это совершится, — тотчасъ происходятъ тѣ виды и формы, которыя означаются именемъ идей, совершенно соотвѣтствуя отпечатлѣннымъ въ человѣческомъ умѣ понятіямъ. А идеи, потому уже, что съ одной стороны самостоятельны, съ другой — входятъ во взаимное между собою соотношеніе, носятъ въ себѣ различныя свойства, и оттого могутъ быть означаемы, называемы и понимаемы. Къ тому же, какъ мышленіе ума всегда стремится къ чему нибудь, такъ и идеи всегда направляются къ чему нибудь, внѣ ихъ находящемуся. Откуда слѣдуетъ, что онѣ находятъ въ многоразличной связи съ вещами недѣлимыми и чувствопостигаемыми, и въ нихъ также получаютъ многія свойства, такъ что, въ нѣкоторомъ смыслѣ, могутъ быть ощущаемы и, какъ отпечатлѣвающіяся въ вещахъ тѣлесныхъ, подлежать усмотрѣнію. Ибо отношеніе тѣлъ подобно отношенію идей, хотя тѣ и другія прямо противоположны между собою: какъ идеи рождаются изъ безконечной сущности, такъ тѣла происходятъ изъ массы безконечной матеріи. Но величайшее между ними различіе въ томъ, что послѣднія всецѣло зависятъ отъ идей или понятій, безъ которыхъ вещи рожденныя никогда не произошли бы; потому что недѣлимыя подчинены понятіямъ ума и образуются не иначе, какъ по свойствамъ ихъ. Такъ что если сущность можетъ быть или безконечною или конечною, и ограничивается утвердительно и отрицательно, то эти свойства ея отражаются также на массѣ тѣлъ и вещахъ отдѣльныхъ. Изъ такой-то природы идей и отношеній ихъ къ міру видимому надобно производить, какъ изъ основаній, разные роды познаній, наукъ, мнѣній, ощущеній. Изслѣдывать съ надлежащею тонкостію разнообразныя сочетанія идей и различныя условія, въ которыхъ находятся зависящія отъ нихъ вещи, есть дѣло діалектики, такъ какъ она занимается не только упорядочиваніемъ понятій ума, но и рѣшеніемъ вопроса объ истинно сущемъ.

Вотъ сущность того, что въ Парменидѣ раскрыто и объяснено. Имѣя это въ виду, нельзя не удивляться многократнымъ проявленіямъ сомнѣнія относительно того, какое было намѣреніе у Платона при изложеніи Парменида. Отъ временъ неоплатонизма до нынѣшняго развитія философской критики, можно замѣтить три мнѣнія людей ученыхъ о цѣли, съ которою написанъ былъ Парменидъ. Одни полагали, что Платонъ изложилъ этотъ діалогъ какъ образецъ или примѣръ діалектическаго искусства. Другіе держались той мысли, что въ Парменидѣ имѣлось въ виду развитіе и объяснить пресловутую тему древней философіи объ одномъ и многомъ. Третьи, наконецъ, допуская, что въ этомъ сочиненіи пролито много свѣта на теорію идей, тѣмъ не менѣе думали, что оно и по внѣшней формѣ рѣчи, и по самому свойству содержанія не можетъ быть приписано Платону, и потому вопросъ о его цѣли вовсе устраняли. Сочиняя все это, невольно вспоминаешь слова Теренція: *fecisti progre, multo sum quam dudum incertior*, — и успокоиваешься только на ясномъ представленіи содержанія Парменидовой бесѣды, какъ мы теперь поняли его. Нашъ взглядъ заключаетъ въ себѣ, какъ мы думаемъ, основанія не только для опроверженія всѣхъ приведенныхъ выше мнѣній, но и для яснаго опредѣленія цѣли, къ которой стремился Платонъ, излагая своего Парменида; ибо, рассмотрѣвъ надлежащимъ образомъ смыслъ и порядокъ всѣхъ отдѣловъ Парменидова разсужденія, кто не увидитъ, что здѣсь вопросъ поставленъ глубже, и ученіе развивается какъ бы изъ самыхъ тайниковъ Платоновой философіи? Здѣсь философъ имѣетъ въ виду, безъ сомнѣнія, то, чтобы съ одной стороны раскрыть свои мысли объ идеяхъ и сущности вещей въ связи съ познаніемъ ихъ, съ другой — *ощутительно показать, насколько отличаются онъ отъ взгляда элейцевъ и иныхъ философовъ, особенно физиковъ*. Положимъ, древніе платоники были отчасти правы, думая, что въ этой книгѣ объясняется соединеніе идей съ міромъ чувствовостигаемымъ: но и самыя дѣльныя свои замѣчанія

они завили въ мистическіе вымыслы, и подобными толкованіями больше повредили, чѣмъ сколько принесли пользы пониманію Парменида. Не больше вѣрнаго заключается и въ мнѣніи тѣхъ, которые весь этотъ діалогъ почитали игрою діалектики. Они, конечно, не могли не видѣть, что діалектическая бесѣда является здѣсь удивительно гибкою и тонкою, но не замѣчали того, къ чему направляется вся эта діалектика. Надобно, безъ сомнѣнія, согласиться, что на это сочиненіе можно смотрѣть, какъ на образецъ высшей и искуснѣйшей діалектики; но надобно помнить, что діалектика у Платона обнимала не только понятія ума, но и самую природу вещей,—имѣла сторону логическую и метафизическую.

Впрочемъ, опредѣляя такимъ образомъ цѣль Парменида, мы не отвергаемъ мнѣнія тѣхъ, которые приписывали Платону намѣреніе раскрыть въ этомъ діалогѣ ученіе объ «одномъ», какъ о верховной причинѣ всѣхъ вещей, а только хотимъ нѣсколько ограничить и исправить его. Проклъ, говоря о взглядѣ учителя своего Сиріана на цѣль Парменида и приводя относящееся сюда его положеніе, что все родилось изъ одного и возвращается къ одному, какъ къ высочайшему началу, истолковываетъ это положеніе такъ, что Парменидово τὸ ἓν, по мнѣнію Сиріана, есть самое божество. Посему, какъ въ Тимеѣ все производится отъ Творца міра, такъ въ Парменидѣ все поставляется въ зависимость отъ одного—въ значеніи существа божественнаго. Такого же мнѣнія держались и другіе философы той же школы; ибо позднѣйшіе платоники, стараясь придать своему ученію видъ истинности противъ ученія христіанскаго, охотно выдумывали положенія, подобныя христіанскимъ, и при этомъ останавливались съ особеннымъ вниманіемъ на Парменидовомъ одномъ, которое разсматривали и измѣняли такъ, чтобы можно было видѣть въ немъ даже Троицу. Многіе изъ нихъ учили, что изъ *божественнаго существа*, перваго начала, произошло второе,—міръ *умственный*, который называли также *умомъ*, *νοῦς*, а отъ ума получила свое бытіе

душа, родившая и проникающая этотъ міръ *чувственный*. Что такое ученіе выведено было главнымъ образомъ изъ Платонова Парменида, въ томъ никто не усомнится, прочитавъ *Плотина* Энеаду—VI, lib. 9, p. 760; III, lib. 8, p. 251; VI, lib. 2, p. 603; *Ямблиха* De misterr. aegypt. VIII, c. 2, p. 158; *Прокла* Theol. Plat. III, p. 140 sqq.; *Дамасція* De principiis. Явно, что это понятіе о Парменидовомъ одномъ у неоплатониковъ имѣетъ характеръ насильственнаго ограниченія, и потому требуетъ нѣкоторой поправки; поправить же его можно не иначе, какъ съ Платоновой точки зрѣнія на природу идей.—Что такое у Платона были идеи?—Люди ученые и объ этомъ предметѣ думали не одинаково, такъ что нѣкоторые изъ нихъ еще недавно даже самого Бога превратили въ идею. Мы совершенно увѣрены, что идеи, по мысли философа, суть не иное что, какъ вѣчныя мысли божественнаго существа, въ которыхъ заключается самая сущность вещей; такъ что какими вещи мыслятся, таковы онѣ и есть. Нѣтъ сомнѣнія, что Платонъ, слѣдуя пифагорейцамъ, и особенно Филолаю,—у котораго надъ стихіями, конечною и безконечною, поставлялась нѣкоторая причина,—принималъ существо высочайшее, которое все держитъ въ порядкѣ своимъ могуществомъ и мудростію (Phileb. p. 30, ed. Steph.; De ger. II, p. 380 D sqq.; Legg. X, p. 899 E; 893 sqq.) и почитается единственною причиною,—началомъ, свободнымъ отъ измѣнчивости всѣхъ прочихъ вещей. Это видно между прочимъ изъ того, что у философа и міръ идей производится изъ нѣ котораго начала безконечнаго и конечнаго, что и заставило его надъ тѣмъ и другимъ поставить причину управляющую. Какая же иная будетъ это причина, какъ не Богъ? Притомъ, о Богѣ у Платона говорится, что Онъ созерцаетъ идеи, что по образцу ихъ создалъ Онъ міръ, и что сотворены Имъ даже самыя идеи (Tim. p. 28 A, 52 A; Phaedr. p. 247 B; De ger. X, p. 506 A sqq., 597 D). Этого нашего мнѣнія не будутъ оспаривать тѣ, кто вспомнить, что идеи точно также относятся къ уму божествен-

ному, какъ понятія—къ уму человѣческому: ибо какъ послѣднїя происходятъ изъ нашего ума и въ немъ одномъ содержатся, такъ и первыя имѣютъ свой корень въ совершеннѣйшемъ разумѣ и въ немъ берутъ свое начало. Но здѣсь самъ собою представляется вопросъ, какую надобно представлять, по Платону, природу существа божественнаго?—Хотя философъ прямо нигдѣ не говоритъ намъ объ этомъ, однакожъ по мѣстамъ даетъ поводъ дѣлать заключенїя очень вѣроятныя. По словамъ Платона, Богъ живетъ въ созерцанїи вѣчной истины, то есть, идей. А изъ этого слѣдуетъ, что природа Его весьма подобна идеямъ; ибо каково отношенїе между человѣческимъ умомъ и его понятїями, такое же, безъ сомнѣнїя, должно быть между Богомъ и Его идеями. Онъ есть *ὁὄς βασιλεύς* (Phileb. p. 28 C, D, E), который надъ всѣмъ властвуетъ, всѣмъ управляетъ и все рождаетъ. А отсюда понятно, что Онъ существуетъ отдѣльно отъ идей, которыя родилъ собственнымъ мышленїемъ и жизнью, состоящею въ мышленїи. Божественный умъ имѣетъ ту особенность, что мыслимое имъ дѣйствительно есть, и потому идеи дѣйствительно существуютъ, а не суть чистыя понятїя. Кромѣ того, онѣ заключаютъ въ себѣ всякую истинную сущность, которая и въ этомъ мїрѣ чувствовостигаемомъ усматривается какъ бы отпечатлѣнною на памятникѣ. Этихъ идей причастенъ и человѣческїй умъ, ибо сроденъ самому Богу и, по выраженїю пифагорейцевъ, какъ бы отвѣдалъ существа божественнаго. Посему хотя въ немъ и нѣтъ дѣйственности, какая у Бога, однакожъ какъ бы отпечатлѣнныя въ природѣ его понятїя совершенно соотвѣтствуютъ божественнымъ идеямъ, а не суть однѣ пустыя формы сущности.

Въ заключенїе нашихъ мыслей объ отношенїи Бога къ идеямъ слѣдуетъ сказать, почему въ Платоновомъ Парменидѣ почти и не упоминается о Богѣ, тогда какъ идеи непосредственно происходятъ изъ ума божественнаго,—изъ высочайшей причины всѣхъ вещей. Но оба эти предмета, не смотря на ихъ близость и внутреннее сродство, по справедливости

могли быть отдѣлены и раскрыты каждый въ особомъ разсужденіи; ибо, дѣйствительно, иное мѣсто надлежало дать разсужденію о Богѣ, и иное—объ идеяхъ. Поэтому не удивительно, что въ Парменидѣ Платонъ разсматривалъ взятыя особо идеи, и только въ одномъ мѣстѣ (р. 134 D) какъ бы мимоходомъ замѣтилъ, что Богъ отличенъ отъ идей и обладаетъ совершеннымъ знаніемъ ихъ. Для раскрытія же ученія собственно о Богѣ онъ назначилъ діалогъ, носящій имя Тимея.

Къ ясному представленію побужденій, расположившихъ Платона написать сочиненіе, озаглавленное именемъ Парменида, а слѣдовательно и къ большому проясненію намѣренія, съ которымъ оно написано, безъ сомнѣнія, много могло бы способствовать вѣрное соображеніе времени и обстоятельствъ, подъ влияніемъ которыхъ Платонъ предпринялъ этотъ трудъ. Но въ самомъ діалогѣ мы не находимъ опредѣленныхъ на то указаній. Изъ нѣсколькихъ словъ на стр. 127 D можно заключить только то, что онъ не могъ выйти въ свѣтъ ранѣе 1 г. XCIV олимп.; потому что тамъ упоминается о тридцати тираннахъ. Впрочемъ, чтобы не оставаться совершенно въ недоумѣніи, обратимъ вниманіе на то, что Парменидъ, по содержанію, находится въ ближайшемъ сродствѣ съ Софистомъ и Теэтетомъ; такъ что всѣ эти книги написаны, по видимому, въ однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ времени. Но Софистъ и Теэтеть направлены большею частію противъ ученія элейцевъ и мегарцевъ, и должны были выйти въ свѣтъ, безъ сомнѣнія, въ скоромъ времени по возвращеніи философа изъ перваго путешествія. Извѣстно, что, по смерти Сократа, онъ оставилъ Аѣины и переѣхалъ въ Мегару къ Эвклиду, основателю школы эристической, что случилось на 2 году XCV олимп. Потомъ изъ Мегары предпринялъ онъ путешествіе, и путешествовалъ нѣсколько лѣтъ изъ цѣлей ученыхъ, особенно же для того, чтобы познакомиться съ философіею пифагорейскою. Онъ посѣтилъ Египеть, Кирену, Италію, и въ это самое время

слушалъ Θεодора киринейскаго, о которомъ съ уваженіемъ отзывается въ Теэтетѣ, Софистѣ и Политикѣ. По показанію Страбона (XVII, р. 806, ed. Casaub.), путешествіе его продолжалось тринадцать лѣтъ; слѣдовательно, онъ долженъ былъ возвратиться въ Грецію не раньше 3-го года ХCVIII олимп., т. е., въ 386 году до Р. X. Но въ такомъ случаѣ къ годамъ его путешествія причисляется уже и первая поѣздка въ Сицилію и Италію, которая, по седьмому письму (р. 328 D sqq.), предпринята была имъ вскорѣ по прибытіи въ Аѣины. Если же все это такъ, то хронологическія данныя относительно Платона соглашаются весьма хорошо. Изъ седьмага письма (р. 324 A) видно, что онъ пріѣхалъ въ Сицилію, имѣя отъ роду около сорока лѣтъ. Но рожденіе его относилось къ 4 году LXXXVII олимп., или къ 429 г. до Р. X. Слѣдовательно, прибылъ онъ туда на 4 году ХCVII олимп. и прожилъ тамъ три года, включенные Страбономъ въ число тринадцати лѣтъ. Сообразимъ теперь эти данныя о времени, мѣстахъ и обстоятельствахъ его путешествія съ содержаніемъ Парменида, и для насъ приблизительно опредѣлится годъ изданія этого діалога. Очень вѣроятно, что, гостя у Эвклида, Платонъ разсуждалъ съ нимъ о философскихъ положеніяхъ его школы и, еще неопытный въ эристическомъ искусствѣ, рѣшился изучить элейскую, особенно же Парменидову, методу философствованія, чтобы съ одной стороны отражать возраженія мегарцевъ, съ другой—твердо и основательно защищать собственные свои воззрѣнія. Можно думать, что, введши въ разговоръ съ Парменидомъ Сократа, даровитаго, но еще неопытнаго юношу, который то и дѣло поставляется въ затрудненіе умо-заключеніями элейскаго философа и долженъ уступать ему, Платонъ въ этомъ случаѣ разумѣлъ самого себя въ философскихъ бесѣдахъ съ Эвклидомъ и его учениками. Отсюда начинаются серьезныя и самостоятельныя стремленія Платона методически обработать свою науку и положить для нея твердыя начала. Мегарцы были первыми возбудителями его къ развитію практическихъ идей Сократа въ теоретической

формѣ философіи, а элейцы — первыми учителями въ методологіи. Многолѣтнія путешествія Платона, предпринятыя изъ Мегары, не только не ослабили его стремленій, но еще болѣе укрѣпили ихъ. Этому весьма много способствовало пребываніе его въ Италіи и знакомство съ тамошними пиеагорейцами. Доктры Пиеагора и его послѣдователей, особенно же Филолая, видимо пришли въ гармонію съ собственнымъ его взглядомъ на міръ и оплодотворили содержаніе его науки. Воспріимчивый умъ его тотчасъ переварилъ сѣмена истины, усмотрѣнныя имъ въ пиеагореизмѣ, и сроднилъ ихъ съ своими началами. Начала же знанія и бытія, по Платону, были, какъ извѣстно, идеи; въ нихъ заключалось основаніе его системы. Философъ естественно долженъ былъ обратить вниманіе прежде всего на раскрытіе основаній своей науки, и зная, какъ важно для изслѣдованія истины и обличенія лжи діалектическое искусство, счелъ нужнымъ, по подражанію мегарцамъ, воспользоваться имъ. Отсюда произошло особое сочиненіе, задуманное имъ еще въ то время, когда, окруженный мегарскими спорщиками, онъ запутывался въ сѣтяхъ ихъ діалектики, и потомъ мысленно развитое до настоящей полноты и зрѣлости, подъ вліяніемъ взгляда пиеагорейскаго. Это сочиненіе было Парменидъ. И такъ, Платонъ могъ написать его не прежде, какъ по возвращеніи въ отечество, — въ тѣ же годы своей жизни, когда выпущены имъ въ свѣтъ Софистъ и Теэтеть, то есть, въ 3 и 4 годахъ ХСVIII олимп.

Взглянемъ теперь на формальную сторону, или изложеніе Парменида, такъ какъ и съ этой стороны онъ имѣетъ много особенностей. Во первыхъ, нельзя не замѣтить, что разсужденіе въ этой книгѣ вовсе чуждо той образности, живости и пестроты, которую мы привыкли встрѣчать въ другихъ діалогахъ Платона. Особенно въ той части, гдѣ самъ Парменидъ ведетъ рѣчь объ одномъ и многомъ, изящества и обычнаго блеска не замѣтно вовсе. Посему у иныхъ едва достаетъ терпѣнія дочитать первую часть этого сочиненія;

а въ дальнѣйшихъ отдѣлахъ они не видятъ ничего, кромѣ софистической болтовни. Но сухой діалектической тонъ, приданный этому діалогу, нельзя считать его недостаткомъ, или ошибкой со стороны Платона: напротивъ, онъ допущенъ здѣсь намѣренно, и обличаетъ въ Платонѣ искуснаго, ловкаго драматурга. Въ самомъ дѣлѣ, введши въ разговоръ корифея элейской школы, какъ лицо главное, дающее тонъ и направленіе бесѣдѣ, могъ ли Платонъ обойти приемы отвлеченнаго разсужденія элейцевъ, и заставить его говорить полушутя, съ приемами Сократа? Напротивъ, онъ долженъ былъ въ этомъ случаѣ подражать характеру философской рѣчи того лица, которое бесѣдуетъ, и особенно—строгой діалектикѣ Зенона, которой слѣдовать Парменидъ вызвался самъ.—Во вторыхъ, въ изложеніи этого діалога рѣзко бросается еще въ глаза, что Парменидъ здѣсь постоянно пользуется гипотетическимъ способомъ доказательствъ, который въ другихъ діалогахъ Платона если и встрѣчается, то довольно рѣдко. Не трудно догадаться, что и эта отличительная его черта есть плодъ подражанія элейцамъ и мегарцамъ, у которыхъ, какъ свидѣлствуютъ еще древніе писатели, гипотетическій способъ умозаключеній былъ въ большомъ ходу. Впрочемъ Платонъ могъ избрать его и потому, что находилъ болѣе удобнымъ, по характеру изслѣдованія. Вообще надобно замѣтить, что онъ вовсе не отвергалъ этого способа разсужденія, ибо, хотя и рѣдко, но самъ употреблялъ его (Men. p. 86 E), и показывалъ, какъ надобно употреблять (Phaedon. 100 A, 101 D; De ger. VI, p. 510 B sqq.; 511 B, C; VII, p. 533 D sqq.). Не менѣе замѣчательна и та особенность въ формѣ разсматриваемаго діалога, что какъ Зенонъ, такъ и Парменидъ, при соединеніи своихъ умозаключеній, берутъ въ расчетъ только выводы или слѣдствія, а не посылки, изъ которыхъ они выведены. Но такой способъ соединять доказательства употребляемъ былъ мегарцами. Діогенъ Лаэртій говоритъ объ Эвклидѣ II, 106): ταῖς δὲ ἀποδείξεσιν ἐνίστατο οὐ κατὰ λήμματα, ἀλλὰ

хат' ἐπιφοράν. То есть, споря противъ чьихъ либо силлогизмовъ, онъ соединялъ одинъ съ другимъ такъ, что, предполагая заключенія ихъ вѣрными и очевидными, послѣдовательно подводилъ подъ нихъ положенія и выводилъ слѣдствие; потомъ изъ этого слѣдствія, чрезъ новое подведение, извлекалъ опять слѣдствие, и такимъ образомъ мало по малу доходилъ до заключеній либо несомнѣнно вѣрныхъ, либо совершенно нелѣпыхъ. И такъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что Платонъ и въ этомъ отношеніи подражалъ мегарцамъ, а потому долженъ былъ пользоваться такими приемами діалектики, какіе въ другихъ его діалогахъ рѣдко употребляются. Есть и еще одна черта въ Парменидѣ, по которой этотъ діалогъ сходенъ съ характеромъ разсужденій мегарскихъ, и которой въ прочихъ сочиненіяхъ Платона не замѣчается. Мы разумѣемъ здѣсь то, что Парменидъ свои заключенія выводитъ изъ разныхъ значеній одного и того же слова,—одна изъ причинъ, почему это важнѣйшее Платоново произведеніе такъ долго оставалось не поняно критикою. Мегарцы большую часть своихъ положеній заимствовали отъ элейцевъ, и потому не удивительно, что, по примѣру ихъ, развивали также искусство діалектическое; ибо примѣръ Зенона уже показалъ имъ, какое это сильное средство и для опроверженія чужихъ мнѣній, и для защиты собственныхъ. Но чтò дѣлалъ Зенонъ изъ особаго пристрастія къ элейскому направленію—смотрѣть на предметъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ и приводить въ замѣшательство противника остроумнымъ опроверженіемъ одного взгляда на основаніи другаго,—то самое мегарцы старались потомъ усвоить себѣ по побужденіямъ тщеславія,—чтобы удивлять невѣжественную толпу хитрымъ оспариваніемъ всякихъ мнѣній, хотя бы въ ущербъ очевидной истинѣ. Такое расположеніе къ спорамъ росло все болѣе и болѣе, и наконецъ любовь къ этимъ блестящимъ діалектическимъ играмъ заступила мѣсто серьезной философіи. Какой съ самага почти начала господствовалъ у мегарцевъ характеръ разсужденій,

показываютъ уже софизмы, выдуманные преемникомъ Эвклида Эвбулидомъ,—весьма сходные съ Зеноновыми. Самымъ обильнымъ источникомъ подобныхъ измышленій была неопредѣленность и двузнаменательность словъ: мегарцы смотрѣли на него, какъ на тайникъ высокой мудрости, и сознавали себя тѣмъ богаче ею, что тогдашняя философская терминологія у грековъ еще не установилась и не была надлежащимъ образомъ обработана. Для засвидѣтельствованія этого факта, указываемъ опять на софизмы Эвбулида: всѣ они проистекають изъ того, что тѣ же самыя слова принимаются то въ обширнѣйшемъ, то въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, и, сверхъ сего, то въ томъ, то въ другомъ значеніи. Послѣ этого, при чтеніи Парменида, намъ будетъ уже понятно, почему допускается въ этомъ діалогѣ такое разнообразное употребленіе словъ. Платонъ очень тонкимъ и искуснымъ подражаніемъ воспроизводитъ только обычный пріемъ мегарцевъ—выводить доказательства своихъ мнѣній изъ различнаго значенія и сближенія однихъ и тѣхъ же терминовъ. Но такое употребленіе словъ у Платона не переходитъ нигдѣ въ злоупотребленіе, а напротивъ, совершенно оправдывается его намѣреніемъ—исслѣдуемый предметъ разсмотрѣть съ возможною точностію, во всѣхъ подробностяхъ и со всѣхъ точекъ зрѣнія. Изъ этого видно, какъ далеко превосходилъ онъ мегарскихъ эристиковъ и проникаемость ума, и искусствомъ разсужденія. Способъ доказывать предметъ на основаніи двузнаменательности слова находя остроумнымъ, онъ не пренебрегалъ имъ, однакожь ясно видѣлъ, какъ дѣтски безразсудно пользуются имъ мегарцы, и показалъ примѣръ надлежащаго, правильнаго его употребленія. Онъ заставляетъ Парменида разсуждать такъ, что различныя слѣдствія, выводимыя имъ изъ обоюднаго значенія словъ, не исключаютъ одно другаго и согласуются съ общою мыслию разсужденія. И этимъ-то путемъ прекрасно раскрываются различныя свойства той *ἐνός* и *τῶν ἐτέρων*. По этому можно судить, насколько правильно мнѣніе

тѣхъ, которые въ разсматриваемомъ сочиненіи приписываютъ Платону какую-то искусственную игру въ силлогизмы, съ цѣлю пошутить и посмѣяться надъ умничаньемъ элейцевъ и мегарцевъ. Это мнѣніе и потому уже невѣрно, что во всемъ Парменидѣ не видно и тѣни шутки или насмѣшки; тутъ, напротивъ, всякій отдѣлъ разсужденія характеризуется чертами самаго серьезнаго, строгаго и даже суроваго мышленія.—Можно, наконецъ, удивляться еще тому, что Платонъ, разсуждая въ Парменидѣ о важнѣйшей части своей науки, нигдѣ не дѣлаетъ точнаго опредѣленія предмета, о которомъ разсуждаетъ, тогда какъ самъ учитъ въ Федрѣ (р. 237 В; р. 263; см. Менон. р. 71, 86 D; Lach. р. 185 В), что рѣшеніе всякаго вопроса, о какомъ бы то ни было предметѣ, если берутся за него серьезно, должно начинаться съ точнаго опредѣленія того, о чемъ спрашивается. Мы полагаемъ, что и въ этомъ отношеніи философъ слѣдовалъ примѣру мегарцевъ, не допускаящихъ вообще опредѣленій. Но, помимо желанія воспроизвести точно ихъ пріемы, Платонъ могъ избѣгать здѣсь опредѣленій и по другимъ причинамъ. Весь строй и форма раскрываемаго въ Парменидѣ ученія таковы, что никакъ не совмѣщаются съ правиломъ о точномъ опредѣленіи предмета; ибо, какъ скоро понятія о разсматриваемыхъ здѣсь вещахъ въ самомъ началѣ были бы правильно и ясно опредѣлены, измышленія эристиковъ уже не могли бы быть представлены съ такимъ видомъ правдоподобія, и изслѣдованіе теряло бы свой діалектическій интересъ. По этой-то причинѣ, Платонъ и въ отношеніи къ опредѣленію долженъ былъ нѣсколько отступить отъ своего обычая, хотя сдѣлалъ это съ большою осторожностію, чтобы не остаться непонятымъ или понятымъ неправильно въ отношеніи къ тому, что объяснялъ.

Высшая ученая критика, изслѣдывающая цѣлость и подлинность письменныхъ произведеній древней греческой литературы, въ наше особенно время, сильно развила свою дѣятельность и, распространивъ наблюденія на всѣ памятники

эллинскаго мышленія, коснулась своимъ сужденіемъ и Платонова Парменида. При этомъ нѣкоторые изъ критиковъ утверждали, что Парменидъ есть произведеніе либо неполное, либо даже подложное. Такъ, Астъ, въ книгѣ *De vita et scriptis Platonis* (р. 244 и 250), говоритъ, что этотъ діалогъ безъ конца. Почти того же мнѣнія о немъ и Шлейермахеръ. Еще далѣе этихъ судей идетъ въ своемъ приговорѣ Зохеръ (*De Platonis scriptis*, р. 278 sqq.), который исключаетъ вовсе изъ числа сочиненій Платона не только Парменида, но даже Софиста и Политика. И такъ, чтобы порѣшить съ вопросомъ о подлинности и неповрежденности этой книги, надобно разсмотрѣть мнѣнія обоихъ упомянутыхъ критиковъ. Признавъ Парменида за сочиненіе, не доведенное до конца, Астъ долженъ бы раскрыть яснѣе основанія своего мнѣнія. Между тѣмъ онъ пришелъ къ этой мысли, кажется, либо потому только, что высказанныя въ началѣ діалога сомнѣнія относительно ученія объ идеяхъ, по его мнѣнію, остались безъ испытанія и опроверженія, либо потому, что послѣдняя часть бесѣды представилась ему какъ бы вдругъ прерванной, и не обозначилось заключеніе, къ которому она должна была придти. Но ни одного изъ этихъ основаній мы не считаемъ важнымъ. Имѣетъ ли силу первое,—видно изъ того, что сказано выше; а неожиданный перерывъ рѣчи, кажется, не долженъ бы былъ удивлять ученаго, такъ коротко знакомаго съ сочиненіями Платона,—тѣмъ болѣе, что для подобныхъ перерывовъ можно находить достаточныя причины. Что великій художникъ діалога не показалъ, какимъ образомъ одна часть бесѣды его вяжется съ другою,—это сдѣлано имъ, если не ошибаюсь, въ намѣреніи сильнѣе возбудить умъ читателей къ размышленію о томъ, что было раскрыто. Въ этомъ случаѣ онъ не отступилъ отъ обычая людей даровитыхъ, которые, высказывая значительную мысль, не входятъ въ изложеніе того, что, по видимому, требовалось бы для полнаго и яснаго представленія дѣла, но, минуя подробности, сосредоточиваются на самомъ существѣ

разсматриваемаго вопроса, и затѣмъ разомъ полагаютъ конецъ рѣчи. Да и изъ того, что Сократъ, въ началѣ діалога защищавшій противъ Парменида ученіе объ идеяхъ, по окончаніи Парменидова разсужденія не произноситъ ни слова и сходитъ со сцены молча, никакъ нельзя заключить объ утратѣ послѣднихъ словъ разговора; ибо юноша-философъ слышалъ, какъ дѣльно и тонко разсуждалъ старикъ Парменидъ о тѣхъ самыхъ положеніяхъ, которыя самъ онъ напрасно пытался защищать. И вотъ, увидѣвши, сверхъ ожиданія, что то ученіе, котораго самъ объяснить не могъ, элейскимъ мудрецомъ раскрыто съ такимъ остроуміемъ и глубокомысліемъ, онъ, можно думать, пораженъ его изслѣдованіемъ, такъ что и не хвалитъ, и не возражаетъ, но, какъ бы оглушенный, погружается въ думы о немъ и молча выходитъ вмѣстѣ съ прочими. И такъ, по нашему мнѣнію, этотъ исходъ бесѣды вовсе не даетъ повода предполагать, что у нея былъ еще конецъ, который до насъ не дошелъ.—Перейдемъ теперь къ мнѣнію Зохера, который полагаетъ, что Парменидъ, равно какъ Софистъ и Политикъ, подложно навязаны Платону и недостойны этого философа. Въ настоящемъ случаѣ мы будемъ говорить только о Парменидѣ,—такъ какъ вопросъ о подлинности тѣхъ двухъ книгъ не имѣетъ тутъ настолько значенія, чтобы нельзя было защищать его особо. Зохеръ въ пользу своего мнѣнія представляетъ собственно два доказательства; ибо на третьемъ, которое указываетъ на сухость приступа, не стоитъ и останавливаться,—такъ оно слабо. Во первыхъ, то уже, говоритъ онъ, что въ началѣ діалога идетъ разсужденіе, направленное противъ ученія объ идеяхъ, невольно наводитъ на подозрѣніе, что составителемъ этой книги былъ кто нибудь другой, а не Платонъ; ибо невѣроятно, чтобы самъ онъ сталъ такимъ образомъ нападать на собственное свое мнѣніе и потомъ ничего не высказалъ въ опроверженіе своихъ возраженій. Это сомнѣніе Зохера можно объяснить, кажется, только тѣмъ, что онъ нисколько не понялъ Парменида. Какъ видимъ, онъ

не выразумѣлъ даже того, что выставляемые въ началѣ діалога возраженія противъ идей вовсе не касаются ученія Платонова въ болѣе тонкомъ, истинномъ его смыслѣ. Такъ что сдѣланное критикомъ на этотъ счетъ замѣчаніе можно оставить въ сторонѣ, какъ не заслуживающее дальнѣйшаго опроверженія. Нѣсколько важнѣе, по видимому, другое его доказательство. Онъ полагаетъ, что ученіе Парменида объ одномъ и о прочемъ, какъ оно излагается въ его разсужденіи, не можетъ быть соглашено съ тѣмъ, что по этому же предмету говорится въ иныхъ мѣстахъ Платоновыхъ сочиненій. Но намъ хотѣлось бы, чтобы Зохеръ опредѣленно указалъ, какія это мѣста, съ которыми Парменидъ въ тѣхъ или другихъ пунктахъ ученія не согласенъ. Къ сожалѣнію, мы не находимъ у него такихъ сопоставленій. Поэтому и мы голословнымъ его положеніямъ не можемъ противопоставить ничего, кромѣ обратнаго имъ мнѣнія, что въ Парменидѣ все прекрасно согласуется съ ученіемъ Платона и въ Федрѣ, и въ Федонѣ, и въ Пирѣ, и въ Филебѣ, и въ Государствѣ, и въ другихъ книгахъ. Можно уступить Зохеру только въ томъ, что Парменидъ и Софистъ заключаютъ въ себѣ кое-что такое, чего напрасно стали бы мы искать въ другихъ Платоновыхъ сочиненіяхъ. Но неужели этого достаточно, чтобы отвергать подлинность помянутыхъ діалоговъ? Обстоятельство это наводитъ, по большей мѣрѣ, лишь на вопросъ, что заставило философа раскрывать въ этихъ сочиненіяхъ то, чего не касался, или только слегка касался онъ въ другихъ? И если причина будетъ найдена и окажется удовлетворительною,—никакому сомнѣнію, что означенные діалоги написаны Платономъ, уже не будетъ мѣста.

Особенности, которыя представляетъ намъ содержаніе Парменида, такого рода, что, выказывая съ одной стороны отличіе этого діалога отъ прочихъ Платоновыхъ произведеній, даютъ намъ, съ другой, замѣтить ближайшее сродство его съ Теэтетомъ, Софистомъ и Политикомъ. Во первыхъ, во всѣхъ этихъ книгахъ, а особенно въ Теэтетѣ, Софистѣ и Парме-

нидѣ, излагается преимущественно метафизическое учение философа, или рѣшаются вопросы о томъ, что по истинѣ существуетъ и въ чемъ состоитъ дѣйствительное познаніе истины; ибо, по ученію Платона, истинное бытіе и истинное мышленіе находятся въ тѣснѣйшей связи между собою. Сравнивая всѣ означенныя книги одну съ другою, мы видимъ, что какъ въ Теэтетѣ идетъ рѣчь о томъ, что познаніе истины состоитъ не въ чувственномъ усмотрѣніи или правильномъ мнѣніи, такъ въ Софистѣ опровергается учение элейцевъ, которые всю истинность вещей относили къ отвлеченному своему единству; Парменидѣ же имѣетъ въ виду какъ бы стать въ срединѣ между этими крайностями, примирить эти взаимно противорѣчущія мнѣнія, и достигаетъ своей цѣли чрезъ раскрытіе теоріи идей. А Политика можно считать придаточною къ этимъ тремъ книгою: она служитъ какъ бы переходомъ отъ изслѣдованія знанія къ созерцанію самой человѣческой жизни и дѣятельности, поколику знаніе и жизнь или дѣятельность находятъ тѣснѣйшимъ образомъ соединенными въ самомъ важномъ изъ всѣхъ—царскомъ искусствѣ. Поэтому надо думать, что какъ въ Филебѣ, Государствѣ, Законахъ, Тимеѣ берутся частные вопросы Платонова ученія, съ точнымъ означеніемъ задачъ изслѣдованія и главныхъ моментовъ содержанія: такъ въ Теэтетѣ, Софистѣ, Парменидѣ и Политикѣ идетъ разсужденіе вообще о томъ, что существенно въ бытіи и истинно въ знаніи. Отсюда понятно, почему въ этихъ книгахъ данъ такой просторъ разсужденіямъ о сущности вещей и о познаніи,—чего напрасно искали бы мы въ другихъ сочиненіяхъ Платона. Равно и наоборотъ, о чемъ говорится въ Государствѣ, Тимеѣ или Филебѣ, того не найдемъ,—развѣ что нибудь сказанное мимоходомъ,—въ Парменидѣ, Теэтетѣ, Софистѣ, Политикѣ. Надобно притомъ замѣтить, что если Платонъ и въ другихъ діалогахъ касался своего ученія объ идеяхъ, то тамъ оно раскрываемо было болѣе популярно, примѣнительно къ понятію народа; въ Парменидѣ же, напротивъ, изла-

гается оно діалектически, такъ, что возводится къ основнымъ своимъ началамъ и причинамъ. Можно догадываться, что въ этомъ діалогѣ философъ придерживался обычныхъ пріемовъ своей школы, и этимъ-то, вѣроятно, объясняется, почему у Аристотеля ученіе, заимствованное изъ школы Платоновой, сохраняетъ тѣ самыя формы выраженія, какія господствуютъ въ Парменидѣ. Кто не знаетъ, что между способами школьнаго и популярнаго изложенія однихъ и тѣхъ же мыслей весьма большое различіе, и однажъ изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ они противорѣчили одинъ другому? Положимъ, ни въ одномъ Платоновомъ разговорѣ мы не найдемъ такого именно сочетанія понятій, какое видимъ въ Парменидѣ: что «одно» полагается какъ безконечное и конечное, что «прочее» также безконечно и конечно, что сила и природа обоихъ этихъ моментовъ опредѣляетъ норму всѣхъ существующихъ между вещами отношеній, что эти понятія могутъ быть разсматриваемы либо какъ абсолютныя, либо какъ относительныя; положимъ, въ другихъ Платоновыхъ сочиненіяхъ нѣтъ нигдѣ подобныхъ этимъ сопоставленій: однажъ мысли эти по существу таковы, что нисколько не противорѣчатъ ученію Платона, и взятыя порознь найдутъ себѣ подтвержденіе почти въ каждомъ его діалогѣ. Для опроверженія всѣхъ возраженій противъ подлинности Парменида всего вѣрнѣе служило бы свидѣтельство или указаніе Аристотеля. Но Аристотель, хотя и очень нерѣдко обращается къ ученію Платона объ идеяхъ, какъ оно изложено преимущественно въ Парменидѣ, нигдѣ однако не упоминаетъ прямо объ этомъ разговорѣ, какъ о сочиненіи Платоновомъ. Молчаніе о немъ стагирскаго философа легко объясняется тѣмъ, что онъ не имѣлъ надобности обращаться къ которой либо книгѣ Платона для изученія предмета, который такъ хорошо былъ ему извѣстенъ изъ устныхъ уроковъ самаго учителя. Есть впрочемъ мнѣніе, что, пытаясь опровергнуть Платонову теорію идей, Аристотель въ одномъ мѣстѣ повторяетъ въ перифразѣ тѣ самыя мысли изъ Парменида, ко-

торыя приводятся тамъ, въ самомъ началѣ, противъ ученія объ идеяхъ. Если это мнѣніе справедливо, то невозможно больше никакое сомнѣніе, что Парменидъ есть подлинное сочиненіе Платона. Позднѣе, у неоплатониковъ, діалогъ, озаглавленный именемъ Парменида, былъ уже такъ извѣстенъ, что въ подлинности его никто не сомнѣвался. Плотинъ, хотя упоминаетъ о немъ прямо какъ о сочиненіи Платоновомъ только одинъ разъ (Ennead. V, 1, 8), зато по мѣстамъ дѣлаетъ изъ него много выписокъ.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

КЕФАЛЪ, АДИМАНТЪ, АНТИФОНЪ, ГЛАВКОНЪ, ПИӨОДОРЪ, СОКРАТЪ, ЗЕНОНЪ, ПАРМЕНИДЪ, АРИСТОТЕЛЬ.

126. Прибывъ съ родины, изъ Клазоменъ, въ Аѳины, мы встрѣтились на площади съ Адимантомъ и Главкономъ ¹; и Адимантъ, взявъ меня за руку, сказалъ: Здравствуй, Кефалъ ², и говори, не нужно ли тебѣ здѣсь чего нибудь,

¹ Адимантъ и Главконъ, которыхъ братомъ по матери представляется здѣсь Антифонъ, съ перваго взгляда могутъ быть сочтены за братьевъ Платона (см. Groen von Prinsterer, *Prosopogr. Plat.* p. 207 sqq). Такъ думали дѣйствительно Плутархъ (*De fraterno amore* p. 484 E, ed. Franc.) и Прокль (*Comm. in Parm.* t. IV p. 67), который Антифона почитаетъ младшимъ братомъ Платоновымъ. Но Шлейермахеръ остроумно замѣчаетъ: какимъ же образомъ Антифонъ могъ бесѣдовать съ Зеноновымъ другомъ Писодоромъ въ то время, какъ Сократъ едва достигъ только юношескаго возраста?—Также и Астъ (*De vita et scriptis Pl.* p. 244) этихъ Главкона и Адиманта прямо отличаетъ отъ соименныхъ имъ братьевъ Платона. Теперь относительно этихъ лицъ дознано еще болѣе. Въ послѣднее время К. Германъ доказалъ, что и тѣ Главконъ и Адимантъ, которые бесѣдуютъ въ Государствѣ, не были братьями Платона; потому что Главконъ, какъ свидѣтельствуегь Ксенофонтъ, былъ младшимъ братомъ Платоновымъ и могъ родиться лишь около 428 года до Р. Х., тогда какъ разговоръ происходилъ около 430 или 431 года. Поэтому остается предположить, что Адимантъ и Главконъ, бесѣдующіе какъ въ Государствѣ, такъ и въ Парменидѣ, были не братья, а только старшіе по колѣну родственники Платона, носившіе, согласно съ обычаемъ аѳинянъ, тѣ же родовыя имена.

² Могутъ подумать, не тотъ ли это Кефалъ, отецъ оратора Лизиса, чѣмъ разговариваетъ съ Сократомъ въ началѣ Платонова Государства. Но, по моему мнѣ-

что находится въ нашемъ распоряженіи.—Да я за тѣмъ-то и пришелъ сюда, чтобы просить васъ,—былъ мой отвѣтъ.—Такъ не угодно ли ¹ объявить свою просьбу,—сказалъ онъ.—И я началъ: Какъ звали вашего брата одной съ вами матери? Я не припомню. Онъ былъ еще въ дѣтствѣ, когда я пріѣзжалъ в. сюда раньше изъ Клазоменъ. Съ той поры протекло уже много времени. Вѣдь отца, кажется, зовутъ Перилампомъ ²?—Конечно, отвѣчалъ онъ; а его-то Антифономъ. Но къ чему этотъ вопросъ?—Это—мои сограждане, сказалъ я,—большіе философы; они слышали, что этотъ Антифонъ часто ходилъ къ Пиеодору, одному изъ друзей Зенона, и, нерѣдко слыша отъ Пиеодора бесѣды, какія нѣкогда вели Сократъ, Зенонъ с. и Парменидъ, припоминаетъ ихъ.—Ты говоришь правду,

нію, тутъ вовсе нѣтъ мѣста недоумѣнію. Платонъ въ Парменидѣ прямо называетъ Кефала не сиракузскимъ, какъ въ Государствѣ, а клазоменскимъ: ἐπειδὴ οἰκοῦν ἐκ Κλαζομένων ἀρχομέδα κ. τ. λ. Притомъ о спутникахъ своихъ, пришельцахъ клазоменскихъ, этотъ Кефалъ говоритъ: οἷδε πολιταὶ μοι εἰσὶ, и рассказываетъ, что Антифонъ былъ еще мальчикомъ, когда онъ τὸ πρότερον ἐπεδήμησε ἐκ Κλαζομένων, изъ чего видно даже, что онъ долго жилъ въ Клазоменахъ. Къ Кефалу, отцу Лизиса, все это нисколько нейдетъ, потому что онъ въ 4 году LXXVI олимп. переселился изъ Сиракузъ, и прожилъ въ Афинахъ 30 лѣтъ (см. Lysias, Adv. Eratosthen. p. 120, 20. Clinton. Fast. Hellen. p. 57, ed. Krüger).

¹ Не угодно ли объявить, λέγοις ἄν,—очень обыкновенное у Платона употребленіе желательнаго наклоненія, вмѣсто повелительнаго. Формула вѣжливости, которой по русски соответствуетъ фраза: не угодно ли,—напр., сдѣлать или сказать то-то (см. De Rep. X, p. 608 D).

² Германъ изъ самаго вступленія къ «Пармениду» очень хорошо опредѣляетъ Родственные отношенія Адианта, Главкона, Антифона и Перилампа съ Платономъ. Объ отцѣ Главкона и Адианта въ этомъ діалогѣ не упоминается, однакожь видно, что они были Платоновы родственники; ибо говорится, что братъ ихъ по матери былъ Антифонъ, сынъ Перилампа, того, вѣроятно, самаго, который въ «Хармидѣ» (p. 148 A) называется дядею Хармида. Но тотъ Хармидъ былъ братъ Перектіоны, матери Платоновой. У Германа все это родство представлено въ слѣдующей генеалогической таблицѣ:

примолвилъ онъ.—Такъ мы желаемъ переслушать ихъ, ска-
заль я.—Это не трудно, продолжалъ онъ: Антифонъ въ ран-
ней молодости очень много занимался ими, хотя теперь-то,
по примѣру дѣда, своего соименника, занимается по большей
части верховою ѣздою ¹. Если надобно, пойдемъ къ нему;
онъ недавно пошелъ отсюда домой, а живетъ онъ близко,
въ Мелитѣ ². Сказавъ это, мы пошли, и застали Антифона
127. дома—отдававшимъ слѣсарю исправить какую-то узду. Когда
отпустилъ онъ слѣсаря, братья сказали ему, зачѣмъ мы
пришли. Антифонъ узналъ меня, не выдавши со времени пер-
ваго моего прїѣзда въ Аѣины, и обнялъ. Мы стали просить
пересказать намъ тѣ бесѣды; но онъ сперва отказывался,—
дѣло, говоритъ, большое;—однакожь потомъ рассказалъ.

По словамъ Антифона, Пиеодоръ говорилъ, что нѣкогда
Зенонъ и Парменидъ пришли на великія панаѣиней ³. Парме-
В. нидъ былъ уже очень старъ ⁴, совершенно сѣдъ, но на видъ
красивъ и показень,—имѣлъ отъ роду около шестидесяти пяти
лѣтъ; а Зенонъ былъ тогда лѣтъ почти сорока, росту высо-
каго и прїятной наружности. Про него рассказывали, что онъ
былъ любимцемъ ⁵ Парменида. Квартировали они, говорилъ,

¹ Procl. t. IV, p. 13: 'Αθηναῖος δὲ οὗτος ὁ 'Αντιφῶν τῶν ἐν' εὐγενείᾳ φρονοῦντων, καὶ διὰ τοῦτο καὶ περὶ ἱππικῆν σπουδάζων ὡς τοῖς γενναίοις τῶν 'Αθηναίων πατριῶν. Верховая ѣзда и содержаніе скакуновъ было вообще любимымъ занятіемъ благороднаго класса аѣинянъ. Это часто давало поводъ Аристофану къ сатирическимъ выходкамъ и насмѣшкамъ (Equitt. v. 558 sqq. Avv. v. 1126 и 1442. Nubb. pass.)

² Мелитъ, по свидѣтельству Схολіаста, была δῆμος κερκροπίδος, о которой, кромѣ Гарпократіона, Свиды, Фотія, см. Schol. ad Aristoph. Rann. v. 500; ad Aristid. p. 182, ed. Fromm.; Meurs., Athen. Att. v. 12, etc.

³ У древнихъ философовъ, софистовъ и поэтовъ было въ обычаѣ посвѣщать мѣста большихъ народныхъ праздниковъ, чтобы показывать тамъ плоды своей мудрости, своего искусства, или какой нибудь музы. Съ этою цѣлію читаетъ свое сочиненіе и Зенонъ въ домѣ Пиеодора (Panzerbieter, De Diogene Aroloniate p. 13).

⁴ Это въ Софистѣ (p. 217 C) подтверждаетъ самъ Сократъ: Παρμενίδη—παρεγγύμην ἐγὼ νεός εἰν, ἐκείνου μάλα δὴ τότε ὄντος πρεσβύτου.

⁵ Любимцемъ, παιδικά. Значеніе этого слова, вопреки толкованію непримимаго Платонова врага, Атенея (XI, 15), Схολіастъ ad h. l. объясняетъ такъ: παιδικά κατὰ μεταφορὰν ἐπὶ πάντων τῶν σπουδαζομένων πάνυ (сн. Phaedon, p. 68 A; p. 73 D. Gorg. p. 482 A et al.).

у Пиеодора, въ Керамикѣ, что за стѣною. Сюда-то пришли и Сократъ, и многіе другіе съ нимъ, кому хотѣлось послушать сочиненія Зенона, которыя тогда въ первый разъ были принесены ими. Сократъ былъ въ ту пору очень молодъ. Зенонъ самъ сталъ читать ¹ свои сочиненія, а Пармениду случилось выйти вонъ. И оставалось дочитать еще немного изъ тѣхъ книгъ,—какъ, по разсказу Пиеодора, вошелъ со двора и самъ онъ, и съ нимъ Парменидъ и Аристотель ², впоследствии одинъ изъ «тридцати», такъ что лишь немного пришлось имъ прослушать изъ написаннаго; впрочемъ самъ-то Пиеодоръ уже прежде слушалъ Зенона.

Прослушавъ сочиненіе, Сократъ просилъ снова прочитать первое положеніе первой книги, и когда оно было прочи-

¹ Въ лицѣ Зенона Платонъ, кажется, представлялъ образецъ эристиковъ, хотя онъ и не причислялся къ послѣдователямъ школы мегарской. Думать такъ мы имѣемъ нѣкоторыя причины. Зенонъ, какъ извѣстно, держался положеній Парменида, а всѣ мегарцы шли по слѣдамъ элейцевъ, хотя единство ихъ представляли и раскрывали по своему. Притомъ, какъ Зенонъ почитался самымъ горячимъ діалектикомъ,—за что Секстъ Эмпирикъ, Диогенъ Лаэртій и другіе называли его даже отцомъ діалектики,—такъ и мегарцы были великіе охотники до споровъ, за что и названы эристиками. Диогенъ синопскій, у Диогена Лаэртія (VI, 24), *Εὐκλείδου σχολήν* не безъ причины называетъ *Εὐκλείδου σχολήν*. Да и Сократъ, *ὄρων Εὐκλείδην ἐσπουδαχότα περὶ τοὺς ἐριστικούς λόγους*, сказалъ: *ὦ Εὐκλείδη, σοφισταῖς μὲν δυνήσῃ χρῆσθαι, ἀνθρώποις δὲ οὐδαμῶς*. Можно указать и на слѣдующее сходство между мегарцами и Зенономъ. Зенонъ, собственно говоря, только защищалъ Парменидово «одно», пользуясь извѣстнымъ діалектическимъ приемомъ—опровергать положенія противниковъ доказательствами косвенными, *ab absurdo*. И у Платона, какъ мы видимъ, онъ защищаетъ единство, заключая къ небытію многого изъ наблюденія надъ вещами чувствопостигаемыми. Самое же сущее его, не имѣя разнообразія формъ, было такого рода, что не могло подлежать искусству діалектическому и держалось только своимъ именемъ. Если не ошибаемся, то не иначе философствовали и мегарцы. Они тоже защищали высочайшее «одно» и имѣли въ виду особенно отвлечь отъ него все многообразіе свойствъ, приличныхъ вещамъ чувственнымъ. Имъ нравилось отвергать общіе роды всѣхъ вещей и видѣть въ своихъ доказательствахъ ту вещь, которая находится предъ глазами.

² Можетъ быть, къ этому Аристотелю надобно относить слова Диогена Лаэртія (V, 54), что онъ былъ *ὁ πολιτευόμενος Αθήνῃσι, οὗ καὶ δεικανικοὶ φέρονται λόγοι χαριέντες*. Если къ нему, то онъ, по видимому, славился умомъ и почитался человекомъ остроумнымъ. Диалогъ причисляетъ его къ тридцати правителямъ и о немъ-то, вѣроятно, подъ этою категоріею упоминаетъ Ксенофонтъ (*Hist. Gr. libr. II, 2, 18*).

Е. тано, сказалъ: Какъ ты говоришь Зенонъ? Если существующее есть многое, то оно должно быть вмѣстѣ и подобное и не подобное? Но этого не можетъ быть: ибо ни не подобному нельзя быть подобнымъ, ни подобному—не подобнымъ ¹. Не такъ ли ты говоришь?—Такъ, отвѣчалъ Зенонъ.—Если же невозможно, чтобы не подобное было подобнымъ, и подобное—не подобнымъ, то не можетъ быть и многое; вѣдь если бы было многое, то оно испытывало бы то, что невозможно. Не этого ли хотятъ твои книги? Не иного чего, то есть, хотятъ они, какъ, вопреки всему, что говорится ², спорить, что многого нѣтъ? И доказательство этого самаго представляеть у тебя, думаешь, каждая книга; такъ что, по твоему мнѣнію, предложено у тебя столько доказательствъ то-
128. му, что многого нѣтъ, сколько написалъ ты книгъ. Такъ ли ты говоришь, или я неправильно понимаю?—Нѣтъ, сказалъ Зенонъ, ты хорошо выразишь все сочиненіе, чего оно хочетъ.—Я замѣчаю, Парменидъ, продолжалъ Сократъ, что этотъ Зенонъ хочетъ угодить тебѣ не только другими знаками дружбы, но и сочиненіемъ; потому что онъ написалъ въ нѣкоторомъ родѣ то же, что и ты, и только ловкимъ изворотомъ старается обмануть насъ, будто говорить что-то другое. Ты въ своихъ поэмахъ полагаешь, что все есть одно, и приводишь

¹ Главная задача Зенона, какъ и всѣхъ элейцевъ, была доказать, что, въ сущности, все есть одно. Къ рѣшенію этой задачи онъ, въ отличіе отъ Парменида, шелъ *via obliqua*, или, какъ говорятъ, *modo omnia phaenomenalia ad absurdum reducens*. Такъ какъ многое есть относительное, а относительное, смотря по роду своихъ отношеній, можетъ заключать въ себѣ различныя, даже противоположныя свойства: то Зенонъ полагалъ, что многое, заключая въ себѣ противорѣчущія (подобныя и не подобныя) свойства, этими противорѣчящими уничтожаетъ само себя. Сократъ замѣтилъ это стараніе Зенона морочить слушателей, показывая видъ, будто онъ говоритъ что-то отличное отъ рѣчей Парменида, тогда какъ на самомъ дѣлѣ отличался отъ него не содержаніемъ и направленіемъ, а только методоу изслѣдованія.

² Независимо отъ всего, или вопреки всему, что говорится, *παρά πάντα τὰ λεγόμενα*,—то есть, вопреки здравому смыслу, непрестанному свидѣтельству опыта и словамъ всѣхъ людей, всегда видящихъ предъ собою многое и говорящихъ о многомъ. Элейцы въ свое время щеголяли такими же парадоксами, какими нынѣ щеголяютъ подлежательный идеализмъ германскихъ мыслителей.

на то прекрасныя доказательства: а этотъ утверждаетъ, что В. существующее не есть многое, и тоже представляетъ много весьма сильныхъ доказательствъ. И такъ, у одного изъ васъ полагается одно, у другаго—не многое, и оба вы выражаетесь такъ, что, говоря почти то же самое, по видимому, не высказываете ничего тождественнаго. Такой способъ выражений, кажется, выше нашихъ понятій.—Да, Сократъ, сказалъ Зенонъ:—но истину сочиненія ты постигъ не вполне, С. хотя, будто лакедемонскій щенокъ ¹, хорошо преслѣдуешь и ловишь чутьемъ читаемое. Отъ тебя, во первыхъ, утаилось, что мое сочиненіе вовсе не такъ заносчиво, чтобы задаваться задними мыслями, о которыхъ ты говоришь,—какъ будто бы, то есть, я совершалъ что-то важное, скрывая это отъ людей. Затѣмъ, ты привелъ это какъ побочный выводъ, но это и есть настоящая цѣль моего сочиненія—оказать нѣкоторую поддержку положенію Парменида противъ тѣхъ, которые рѣшаются смѣяться надъ нимъ, говоря, что если D. есть одно, то положенію его приходится вынести много и смѣшнаго и противорѣчиваго. Такъ это сочиненіе даетъ отпоръ тѣмъ, которые допускаютъ многое, и воздастъ имъ тѣмъ же и еще бѣльшимъ, стараясь показать, что гораздо смѣшнѣе окажется собственное ихъ положеніе, будто есть многое, чѣмъ положеніе объ одномъ, если кто будетъ достаточно послѣдователенъ. Изъ такого рода задора, я писалъ еще въ молодости; но мое писанье кто-то похитилъ, такъ что не было мѣста и вопросу, выпускать ли эти E. книги въ свѣтъ, или нѣтъ. Такъ вотъ въ чемъ ошибся ты, Сократъ: что мое сочиненіе, ты думаешь, написано не изъ юношескаго задора, а изъ честолюбія болѣе зрѣлыхъ лѣтъ. Впрочемъ, что я въ немъ говорилъ-то, ты схватилъ не худо.—Я принимаю это, примолвилъ Сократъ, и полагаю

¹ Лакедемонскія собаки, по чуткости и быстротѣ бѣга, считались въ Греціи лучшими. Подробнѣе объ этомъ см. Interpp. ad Sophocl. Aias. v. 8. Virgil. Georg. III, v. 315. Petron. c. 40. Tertull. Apolog. p. 339, ed. Haverc. Plin. H. N. VI, 63.

такъ, какъ ты говоришь. Но скажи мнѣ вотъ что: не думаешь ли ты, что есть нѣкоторый видъ подобія самъ по себѣ ¹, и есть опять иной, такому виду противный, то есть, дѣйствительно не подобный? и что этимъ двумъ видамъ причастны и я, и ты, и все прочее, что мы называемъ многимъ? И то, что принимаетъ подобіе, не дѣлается ли подобнымъ такъ и настолько, насколько принимаетъ, что неподобіе—не подобнымъ, а что то и другое—тѣмъ и другимъ? Да что удивительнаго, если даже и все принимаетъ эти противности,—ту и другую, и, ставъ причастно обѣихъ, можетъ быть подобнымъ и не подобнымъ само себѣ? Вѣдь если бы кто объявилъ, что само подобное бы-

¹ Намъ вѣваясь опровергнуть мнѣніе Зенона, что многого нѣтъ, Сократъ пользуется доказательствами, заимствованными изъ идеологии Платона. Онъ полагаетъ, что есть какіе-то абсолютные виды подобія и неподобія, которымъ причастны бываютъ вещи чувствопостигаемыя: поэтому не удивительно, говорить, если въ иныхъ изъ вещей отразилась та и другая идея,—то есть, идея подобія и идея неподобія. То же надобно сказать и о другихъ идеяхъ, поскольку онѣ становятся причастными вещамъ чувствопостигаемымъ. Но не такъ надобно мыслить о взаимномъ соединеніи самыхъ идей, которыя, какъ существующія самостоятелно, собственно своею силою, не могутъ принимать въ себя силы и природы противной. И такъ, важнѣйшимъ предметомъ, достойнымъ философа, Сократъ печатаетъ то, чтобы онъ, при всей самостоятельности сказанныхъ идей, показалъ, какимъ образомъ онѣ могутъ и должны соединяться въ вещахъ. Это желаніе Сократа выполнилъ своимъ разсужденіемъ Парменидъ (р. 137 С sqq.), что и составляетъ содержаніе дѣлаго озаглавленнаго его именемъ разговора. Иден въ этомъ Платоновомъ сочиненіи, какъ и въ другихъ, означаются разными именами,—называются то εἶδη и γένη, то ἰδέαι, то αἶτό, соединенное съ какимъ нибудь существительнымъ, понимаемымъ идеалью. Впрочемъ эти названія Платонъ употребляетъ не безразлично. Εἶδος есть у него видъ самъ по себѣ, абсолютный самъ въ себѣ, хотя λογισμῶ λαμβάνεται (р. 129 E.); а ἰδέαι есть видъ, созерцаемый въ природѣ вещи и въ человѣческомъ умѣ. Такимъ образомъ, εἶδος употребляется, когда мыслится о родѣ какой нибудь разсматриваемой въ себѣ вещи, какъ, напр., на р. 129 С: αὐτὰ τὰ γένη τὸ καὶ εἶδη. А ἰδέαι входитъ въ рѣчь, когда къ понятію рода присоединяется также значеніе образа, или представляемаго человѣческимъ умомъ, или выражаемаго природою вещи. Впрочемъ Аристотель отъ показаннаго значенія этихъ названій нѣсколько отстываетъ: онъ τὰ εἶδη противопоставляетъ идеямъ и признаетъ ихъ прирожденными началами вещей, развивающимися въ ихъ природѣ. Поэтому въ его *Analyt. Poster.* 1, 11 τὰ εἶδη суть ἐν κατὰ πολλὰ; тогда какъ у Платона они ἐν παρὰ πολλὰ. Напротивъ, ἰδέαι у Аристотеля только φαινόμενα или νοούμενα εἶδη. Сн. *Magn. Mor.* I, 1.

ваеть не подобнымъ, или не подобное—подобнымъ, то это было бы, думаю, чудовищно: напротивъ, если бы захотѣлъ кто утверждать, что вещи, причастныя обѣихъ этихъ крайностей, принимаютъ свойства той и другой, то, мнѣ кажется, Зеновъ, тутъ не было бы ничего страннаго,—какъ и въ томъ-то, если бы кто сказалъ, что все есть одно чрезъ причастность одному, и то же самое есть опять многое чрезъ причастность множеству. Но какъ скоро начнутъ доказывать, что одно само въ себѣ—это именно есть многое, и, наоборотъ, многое—одно, то я уже удивлюсь. То же самое и С. въ отношеніи прочаго: если, то есть, объявляютъ, что самые роды и виды заключаютъ въ себѣ эти противныя свойства, этому можно удивиться. А когда будетъ кто доказывать, что я, напр., вмѣстѣ и одно и многое,— что тутъ удивительнаго? Въ этомъ случаѣ, желая выставить многое, онъ сказалъ бы, что я представляю иное съ правой стороны и иное съ лѣвой, иное спереди и иное сзади, иное также сверху и иное снизу,—ибо я причастенъ, думаю, множества; а выставляя одно, скажетъ, что между нами семерыми, какъ D. человекъ, я—одинъ,—ибо причастенъ и одного; такъ что справедливо скажетъ и то и другое. И такъ, кто пытался бы такого рода предметы представлять какъ одно и многое,—камни, дерева и прочее,—тотъ, мы скажемъ, доказывалъ бы многое и одно,—но не одно какъ многое, и не многое какъ одно,—не что нибудь удивительное утверждалъ бы онъ, а то, въ чемъ всѣ мы можемъ соглашаться. Но если бы онъ, какъ говорилъ я сейчасъ, взялъ, во первыхъ, виды особливо сами по себѣ ¹,—какъ-то, подобіе и неподобіе, множе-

¹ Взятъ бы особо виды, сами по себѣ, διαίρηται χωρίς αὐτὰ—τὰ εἶδη, то есть, χωρίζη εἶναι αὐτὰ καθ' αὐτὰ τὰ εἶδη, какъ говорилъ прежде (128 E). Сократъ хочетъ, чтобы сперва допущены были абсолютные виды; потомъ, чтобы разъяснено было ихъ взаимное отношеніе. А для чего это нужно, ясно откроется изъ разсужденія, которое вслѣдъ за этимъ предложитъ Парменидъ; ибо оно учитъ, что идеи могутъ быть разсматриваемы съ двухъ сторонъ,—какъ начала, принимаются быюема но, сами по себѣ, и затѣмъ—въ ихъ отношеніи къ явленіямъ.

Е. ство и единство, стояніе и движеніе, и все такое,—потомъ объявилъ бы, что они могутъ между собою смѣшиваться и раздѣляться; то я, говорить, чрезвычайно обрадовался бы, Зенонъ. Твоя мысль, я нахожу, обработана весьма стойко; но этой, полагаю, обрадовался бы я болѣе: если бы кто то же самое недоумѣніе,—какъ вы усматриваете его завитымъ въ вещахъ видимыхъ,—могъ показать и въ тѣхъ, которыя подлежатъ разсудку, различнымъ образомъ завитое въ 130. самыхъ видахъ ¹.

В. Пиеодоръ, по его словамъ, думалъ, что, когда Сократъ говорилъ это, Парменидъ и Зенонъ, при каждой мысли, должны были питать досаду; а они очень внимательно слушали его и, часто взглядывая другъ на друга, улыбались, съ выраженіемъ удивленія Сократу. И вотъ, какъ только прекратилъ онъ свою рѣчь, Парменидъ сказалъ: Сократъ! твоя ревность къ изслѣдованіямъ достойна удивленія. Но скажи мнѣ: самъ ли ты такъ различилъ, какъ говоришь, особо—нѣкоторые виды сами въ себѣ, и особо—то, чтѣ имъ причастно? и кажется ли тебѣ само подобіе чѣмъ нибудь отдѣльнымъ отъ того, которое есть у насъ, равно какъ одно, многое и все, про что теперь слышалъ ты отъ Зенона?—Кажется, отвѣчалъ Сократъ.—И ты принимаешь, спросилъ Парменидъ, особый

Вотъ что, по нашему мнѣнію, и составляетъ главную задачу всей книги; ибо такимъ образомъ прекрасно объясняется и природа идей, и то, какъ бывають причастны имъ вещи видимыя.

¹ Сократъ считаетъ необходимымъ полагать идеи въ трехъ областяхъ знанія: во первыхъ, въ самыхъ видахъ, гдѣ онѣ суть начала абсолютныя, сами по себѣ, и гдѣ рѣдко обращается на нихъ вниманіе; во вторыхъ, въ вещахъ видимыхъ, въ которыхъ онѣ, различнымъ образомъ завитыя, выводятся и свѣтъ науками и искусствами, или ученымъ анализомъ вещественныхъ предметовъ; въ третьихъ, въ области мышленія или разсудка, гдѣ онѣ завиты въ наши представленія и понятія и должны быть открываемы умственною нашею дѣятельностію. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ идеи суть то, *ὅ τις λογισμῶ ἰδέοι*.

² Возраженіе Сократа Парменидъ понимаетъ такъ, что виды или идеи существуютъ сами по себѣ, а вещи, подлежащія чувствамъ—опять сами по себѣ, и что послѣднія могутъ быть причастны первымъ. Но какимъ образомъ возможно сближеніе этихъ противоположностей? Рѣшеніе сего вопроса Парменидъ поставляетъ задачею своей рѣчи.

нѣкоторый видъ для такихъ явленій, какъ справедливое, прекрасное, доброе и все такое?—Да, сказалъ онъ.—Что же?—и С. видъ челоуѣка, особый отъ насъ и отъ всего такого, каковы мы ¹;—то есть, нѣкоторый самобытный видъ челоуѣка, или огня, или воды?—Касательно этихъ предметовъ, Парменидъ, отвѣчалъ Сократъ, часто былъ я въ недоумѣннн, должно ли полагать о нихъ то же, что о другихъ, или иное.—Не недоумѣваешь ли ты и въ отношенн такихъ вещей, Сократъ,—для нихъ оно было бы и смѣшно,—каковы, напримѣръ, волосъ, грязь, нечистота, или что либо иное, самое презрѣнное и ничтожное: должно ли и для каждой изъ нихъ полагать особый видъ, отличный отъ того, что беремъ мы руками, или не долж- D. но?—Никакъ, отвѣчалъ Сократъ; въ этихъ-то, что мы видимъ, то одно и есть: представлять еще нѣкоторый видъ такихъ вещей какъ бы не было слишкомъ странно. Меня впрочемъ уже беспокоить иногда мысль, не вышло бы того же и со всѣмъ другимъ: но если остановлюсь на этомъ, я готовъ потомъ бѣжать, изъ страха, какъ бы не провалиться и не погннуть въ какой-то бездонной болтовнѣ. И вотъ, пришедши мышленнмъ сюда,—къ тѣмъ видамъ, о которыхъ теперь только говорили,—я разсуждаю о нихъ испытательно.—Потому что E. ты еще молодъ, Сократъ, сказалъ Парменидъ, и философія ²

¹ Гейндорфъ изъясняетъ это такъ: καὶ πάντων τῶν ὄντων τοιοῦτων, οἳοὶ ἡμεῖς (я, ты и прочіе присутствующіе) ἐσμέν, или, τῶν ἄλλων ὄντων ἀνθρώπων. Но съ грамматическимъ строемъ фразы, кажется, согласнѣе будетъ понимать мысль Платона слѣдующимъ образомъ: καὶ χωρὶς τῶν πάντων, οἳοὶ ἡμεῖς ἐσμέν,—то есть, «полагаешь ли, что видъ челоуѣка есть нѣчто отдѣльное отъ насъ и отъ всего того, что таково же, каковы мы». Отсюда ясно, почему потомъ прибавляется: αὐτό τι εἶδος ἀνθρώπων ἢ πῦρός ἢ καὶ ὕδατος. Парменидъ спрашиваетъ: Челоуѣкъ, какъ видъ, отдѣльно ли существуетъ отъ челоуѣка, какъ недѣлимаго, и таковъ ли первый, каковъ послѣдній? Есть ли также отдѣльные виды и прочихъ вещей?—Поэтому-то Сократъ и говорить, что онъ часто недоумѣвалъ, надобно ли принимать идеи вещей чувствовостигаемыхъ.

² Философія пока не охватила тебя, οὐκ ἔχει σοὺ ἀντελήπτα φιλοσοφία. Философія въ этомъ мѣстѣ, безъ члена, означаетъ не философію въ смыслѣ науки, имѣющую известное содержанн и направленн, а въ значенн формальномъ, какъ философствованн. Ἀντελαμβάνειν, охватить, здѣсь то же, что овладѣть. Пока философія не овладѣетъ твоимъ мышленнмъ, не проникнетъ тебя и не направить

- пока не охватила тебя, какъ охватить, по моему мнѣнію, когда не будешь пренебрегать ничѣмъ этимъ. Теперь ты, по своему возрасту, смотришь еще на человѣческія мнѣнія. Скажи-ка мнѣ вотъ что: тебѣ кажется, говоришь, что есть
131. нѣкоторые виды, отъ которыхъ прочія вещи, по участію въ нихъ, получаютъ свои названія; причастная, напримѣръ, подобію становится подобною, величинѣ—великою, красотѣ и справедливости—справедливою и прекрасною.—Конечно, сказалъ Сократъ.—Но каждая, воспринимающая видъ, весь ли его воспринимаетъ, или часть? или воспринятіе возможно еще иное, помимо этого?—Но какое же? сказалъ онъ.—Такъ думаешь ли, что весь видъ, составляя одно, содержится въ каждой изъ многихъ вещей,—или какъ?—Да что же препятствуетъ, Парменидъ, содержаться ему? отвѣчалъ Сократъ.—
- B. Слѣдовательно, будучи однимъ и тѣмъ же самымъ—во многихъ вещахъ, существующихъ особо, онъ будетъ содержаться во всѣхъ всецѣло, и такимъ образомъ обособится самъ отъ себя.—Не обособится, возразилъ Сократъ: какъ, напримѣръ, день, будучи однимъ и тѣмъ же, въ одно и то же время находится во многихъ мѣстахъ, и оттого нисколько не отдѣляется самъ отъ себя; такъ, можетъ быть, и каждый изъ видовъ содержится во всемъ, какъ одинъ и тотъ же.—
- Куда любезенъ ты, Сократъ, сказалъ Парменидъ, что одно и то же полагаешь во многихъ мѣстахъ,—все равно, какъ если бы, закрывъ завѣсою многихъ людей, говорилъ, что одно находится на многихъ всецѣло. Или не это, думаешь, выражаютъ твои слова?—Можетъ быть, отвѣчалъ онъ.—
- C. Такъ вся ли завѣса была бы на каждомъ, или части ея,—по одной?—Части.—Стало быть, и самые виды дѣлимы, Сократъ, сказалъ Парменидъ,—и причастное имъ должно быть причастно частей, и въ каждой вещи будетъ уже

не цѣлый видъ, а всегда часть ¹.—Представляется, конечно, такъ.—Что же? захочешь ли утверждать, Сократъ, что видъ, какъ одно, у насъ дѣйствительно дѣлится и, дѣлясь, все-таки будетъ одно?—Отнюдь нѣтъ, отвѣчалъ онъ.—Смотри-ка, продолжалъ Парменидъ: если ты будешь дѣлить самую великость, и каждый изъ многихъ большихъ предметовъ окажется D. ся великъ ея частію, которая меньше самой великости,—не представится ли это несообразнымъ?—Конечно, сказалъ онъ.—Что же? каждая вещь, получивъ какую нибудь часть равнаго,—которая меньше въ сравненіи съ самымъ равнымъ,—будетъ ли заключать въ себѣ нѣчто, чѣмъ сравнивается съ какою либо вещію?—Невозможно.—Но положимъ, кто либо изъ насъ приметъ часть малости: сама малость будетъ больше ея, такъ какъ это ея часть. И тогда какъ сама малость окажется больше, тѣ, къ чему приложится

¹ А всегда часть, ἀλλὰ μέρος ἑκάστου ἂν εἴη. Смыслъ рѣчи требуетъ, чтобы ἑκάστου въ этомъ мѣстѣ относилось къ εἶδος; а конструкция фразы такова, что оно самостоятельно, или позволяетъ разумѣть πράγματος. Видя такую несообразность, Штальбомъ, вслѣдъ за другими критиками, предполагаетъ здѣсь неправильность текста, и съ своей стороны хорошо догадывается, что лучше было бы читать: ἀλλὰ μέρος ἑκάστου ἂν εἴη,—хотя списки Платоновыхъ сочиненій постоянно сохраняютъ ἑκάστου ἂν εἴη.—Этотъ первый доводъ противъ теоріи идей заключается въ слѣдующемъ. Идея всецѣло ли заключается въ недѣлимомъ, которое причастно ей? Если всецѣло въ каждомъ, то она повторяется до бесконечности и, слѣдовательно, уже не одна. Но Сократъ настаиваетъ, что она одна, и объясняетъ это примѣромъ дня, который, раздѣляясь по многимъ мѣстамъ, тѣмъ не менѣе—одинъ. Здѣсь, по всей вѣроятности, можно полагать начало споровъ между номиналистами и реалистами; стоитъ только, вмѣсто идеи, поставить общее или родовое понятіе. Вопросъ былъ тотъ же: Родъ весь ли въ своемъ единствѣ заключается въ каждомъ изъ составляющихъ его недѣлимыхъ?—Ученіе Вильгельма де Шампо отвѣчаетъ на это положительно, и притомъ почти словами Платона: «eandem essentialiter rem totam simul singulis suis inesse individuis» (Ouvrages inedités d' Abelard, in-4°, 1836. Introduction, p. CXV). А возраженіе Парменида, что въ такомъ случаѣ идея была бы тождественна съ каждымъ недѣлимымъ, существующимъ особо отъ всякаго другаго недѣлимаго,—повторено было Абельаромъ: «Если родъ есть сущность недѣлимаго, и если въ каждомъ недѣлимомъ онъ содержится всецѣло, такъ что цѣлая сущность Сократа есть вмѣстѣ и цѣлая сущность Платона; то слѣдуетъ, что, когда Платонъ находится въ Римѣ, а Сократъ въ Афинахъ, сущность перваго и послѣдняго въ то же самое время будетъ и въ Римѣ и въ Афинахъ» (Oeuvres d' Abelard. Introd. CXXXIV).

- Е. отнятое, станетъ, напротивъ, меньше, а не больше, чѣмъ прежде.—И этого-то быть не должно, сказалъ Сократъ ¹. —Какимъ же образомъ, Сократъ, спросилъ Парменидъ, все прочее будетъ причастно у тебя видовъ, когда не можетъ принимать ихъ ни по частямъ, ни цѣлыми?—Клянусь Зевсомъ! отвѣчалъ Сократъ: такое дѣло, мнѣ кажется, вовсе не легко рѣшить. — Что же теперь? Какъ ты думаешь
132. вотъ о чемъ?—О чемъ?—Я полагаю, что ты каждый видъ считаешь однимъ по слѣдующей причинѣ. Когда покажется тебѣ много какихъ нибудь величинъ, ты, смотря на всѣ ихъ, представляешь, можетъ быть, одну какую-то идею, и отсюда великое считаешь однимъ ².—Это правда, сказалъ онъ.—А что само великое съ прочими величинами? Если такимъ же образомъ взглянешь душою на все, не представится ли опять одно великое, чрезъ которое по необходимости все это является великимъ?—Вѣроятно.—Стало быть, тутъ представится иной видъ великости, происшедшій независимо отъ самой великости и отъ того, что
- В. причастно ей, а надъ этими всѣми—опять другой, по кото-

¹ По словамъ Прокла (t. V, p. 115), нѣкоторые критики, находя смыслъ текста, —отъ ἀλλὰ τοῦ μικροῦ μέρος до οὐκ ἂν γένοιτο, φάναι, τοῦτο γάρ, —очень труднымъ, полагали, что онъ подложенъ. Проклъ такихъ критиковъ не называетъ по имени. Между тѣмъ трудность этого мѣста происходитъ, очевидно, не отъ подлога, а отъ тонкости Парменидова анализа. Парменидъ хочетъ высказать слѣдующее: быть не можетъ, чтобы малость, будучи сама въ себѣ малостью, въ то же время была больше своей части, и, съ другой стороны, чтобы явленіе, къ которому будетъ приложена эта часть малости, становилось отъ того именно менше, а не болѣе прежняго, какъ бы слѣдовало, въ обыкновенномъ порядкѣ вещей, ожидать.

² По догадкѣ Парменида, Сократъ къ ученію объ идеяхъ приведенъ былъ тѣмъ, что, видя многое, имѣющее какой нибудь одинъ характеръ, замѣчалъ возможность это множество обнять мыслію, какъ одно. Когда же такая догадка подтверждена была Сократомъ, Парменидъ софистически заключаетъ, что и схваченный душою видъ можно опять объединить со всѣмъ тѣмъ, что подъ нимъ содержится; а отсюда слѣдуетъ, что идей должно быть безконечное множество, такъ что число ихъ опредѣлить невозможно. Софизмъ здѣсь—въ томъ, что самыя идеи причисляются къ тѣмъ вещамъ, которыя подчинены имъ и содержатся въ общей ихъ силѣ и природѣ.

рому выйдутъ велики эти,—и каждый изъ видовъ уже не будетъ у тебя одинъ, но откроется ихъ безконечное множество.—Но каждый изъ видовъ, Парменидъ, замѣтилъ Сократъ, не есть ли мысль ¹? а мысли негдѣ больше быть, какъ въ душахъ: такъ-то каждый остался бы, конечно, однимъ, и не подвергался бы уже тому, о чемъ сейчасъ было говорено.—Такъ что же? спросилъ Парменидъ: каждая мысль будетъ одно, но мысль—ни о чемъ?—Но это невозможно, отвѣчалъ онъ.—Значить, о чемъ нибудь?—Да.—Существующемъ или не существующемъ?—Существующемъ. Не объ одномъ ли чемъ, чтó мыслится какъ присущее с. всему и представляетъ одну нѣкоторую идею ²?—Да.—Такъ не видъ ли будетъ это мыслимое одно, всегда то-

¹ Второй доводъ Парменида противъ теоріи идей состоитъ въ томъ, что идея превращаетъ онъ въ родовое понятіе, и находитъ возможность мыслить его подъ другимъ высшимъ родомъ, а этотъ опять подъ какимъ нибудь высшимъ, и такъ до безконечности. Явно, что такимъ образомъ идея у Парменида теряетъ значеніе самостоятельности и становится понятіемъ относительнымъ, такъ что молодой, еще не твердый въ своей теоріи философъ поставляется въ необходимость предположить, что τὰ εἶδη, можетъ быть, не что иное, какъ νοήματα, или чистыя представленія разсудка, находящіяся только въ душѣ. Но Парменидъ, съ точки зрѣнія тогдашнихъ философовъ, опровергаетъ и это мнѣніе Сократа, полагая, что каждая мысль разсудка тогда только имѣетъ какое нибудь содержаніе, когда ей что нибудь подчинено, или когда она входитъ въ единство съ предметомъ.

² Понятіе разсудка приводитъ къ единству то, чтó обще всѣмъ вещамъ, и отсюда происходитъ μία τις ἰδέα: такъ что это самое, видимое нами въ недѣлимыхъ какъ общее и объединяемое разсудкомъ, называется ἰδέα; а поколику идея разсматривается сама по себѣ, какъ нѣчто единое и абсолютное, она становится εἶδος. Такимъ образомъ τὰ εἶδη происходятъ, очевидно, ἐκ τῶν ἰδέων. Отсюда Парменидъ тотчасъ заключаетъ, что если τὰ εἶδη полагаются какъ виды и формы абсолютныя, отъ простаго мышленія отличающіеся тѣмъ, что не остаются безъ всякой матеріи, но содержатъ нѣчто подъ собою, то выйдетъ, что вещи, будучи причастны ихъ, и сами имѣютъ способность мышленія, либо, соединяясь съ мышленіемъ, силы мышленія однакожъ не имѣютъ. То есть, Парменидъ учитъ: мыслимость и то, для чего есть мысль,—одно и то же, потому что независимо отъ бытія, въ которомъ мысль высказывается, ты не найдешь мыслимости. Слѣдуй этому ученію, мегарцы полагали, что, по мнѣнію Платона, между вещами и идеями находится такая связь, по которой первыя существенно проникнуты послѣдними; а безъ такого внутренняго сопроникновенія, идеи были бы чистымъ или общимъ мышленіемъ, которое, само по себѣ, не даетъ никакого познанія.

жественное во всемъ?—Необходимо.—Что же теперь? спросилъ Парменидъ: если всѣ прочія вещи причастны, говоришь, видовъ; то не необходимо ли тебѣ думать, что либо каждая вещь относится къ мыслямъ и все мыслить, либо относящееся къ мыслямъ несмысленно?—Но и это не имѣло бы D. смысла, отвѣчалъ онъ. Впрочемъ мнѣ-то, Парменидъ, скорѣе всего представляется такъ: эти виды стоятъ въ природѣ какъ бы образцы, а прочія вещи подходятъ къ нимъ и становятся подобіями ¹; такъ что самая причастность ихъ видамъ есть не иное что, какъ уподобленіе имъ.—Но когда что подошло къ виду, сказалъ Парменидъ,—можетъ ли тотъ видъ не быть подобнымъ уподобившемуся, насколько что ему уподобилось? Или есть какая нибудь возможность—подобному не быть подобнымъ подобному?—Нѣтъ.—Но подобному съ подобнымъ не крайне ли необходимо быть причастнымъ одного и того же вида?—Необходимо.—А то, чего причащаяся, подобное становится подобнымъ,—не будетъ ли это именно тотъ видъ?—Безъ сомнѣнія.—Слѣдовательно, невозможно, чтобы нѣчто уподоблялось виду, видъ же уподоблялся иной вещи; а не то ²,—помимо вида всегда явится иной видъ, и если этотъ 133. будетъ подобенъ чему нибудь,—опять иной, и никогда не перестанетъ представляться новый видъ, какъ скоро видъ становится подобнымъ тому, что причастно ³ его.—Ты го-

¹ Понявъ, что недѣлимые существенно не могутъ быть причастны идеи, Сократъ полагаетъ, что тѣ и другія соединяются между собою нѣкоторымъ подобіемъ формы, и идеи почитаетъ образцами вещей, чрезъ что близко подходитъ къ учению Платона, который, какъ извѣстно, видѣлъ въ нихъ вѣчные, впечатлѣнные въ вещахъ прототипы. Но элеецъ не допускаетъ и этого понятія объ идеяхъ; ибо мыслить ихъ не какъ абсолютныя, а какъ такія природы, которыя всегда идутъ въ сравненіе съ другими вещами. Не угадавъ предполагаемаго Парменидомъ взгляда, юноша-Сократъ незамѣтно поддается обманчивой его диалектикѣ и начинаетъ недоумѣвать.

² Если, то есть, возможно, чтобы было подобіе между идеями и подлежащими чувствамъ вещами.

³ Парменидъ высказываетъ здѣсь ту мысль, что какъ скоро вещь уподобляется какому нибудь виду, то всегда можно предполагать новый, высшій видъ, которому подобны и вещь, и самый, ей подобный, видъ. Потомъ, когда установилось по-

воришь весьма справедливо.—Стало быть, вещи дѣлаются причастными видовъ не подобіемъ: надобно искать чего нибудь инаго, чѣмъ условливается эта причастность ихъ.— Вѣроятно.—Такъ видишь ли, Сократъ, сказалъ Парменидъ, сколько возникаетъ затрудненій, когда кто допускаетъ бытіе видовъ какъ бы самихъ по себѣ?—И очень.—Знай же хорошо, продолжалъ онъ, что до сихъ поръ ты, просто сказать, и не подозреваешь, какъ велика въ этомъ случаѣ трудность, если что либо изъ вещей существующихъ, постоянно ихъ разграничивая, будешь полагать какъ одинъ ¹ видъ.— В. Какъ это? спросилъ Сократъ.—Тутъ много и другаго, сказалъ Парменидъ, но самое важное вотъ что. Если бы кто сказалъ, что такіе виды, какими они, говоримъ, должны быть, даже не доступны и для познанія; то говорящему это никто не могъ бы доказать, что онъ лжетъ,—кромѣ того случая, если возражающій противъ такого положенія окажется человекомъ обширной опытности и хорошихъ дарованій, и будетъ расположенъ слѣдовать за многими и издалека взятыми въ пользу положенія доказательствами; иначе, настаивающій, что виды не подлежатъ познанію, былъ бы непобѣдимъ.—Почему же, Парменидъ? спросилъ Сократъ.—По С. тому, Сократъ, что и ты, и другой, полагающій бытіе нѣкоторой самой по себѣ сущности каждаго явленія, прежде всего допустить, думаю, что у насъ нѣтъ ² ни одной

добіе той же вещи этому высшему виду,—мысль поднимается еще къ дальнѣйшему виду, а вслѣдъ затѣмъ устанавливается новое подобіе, и такимъ образомъ рядъ видовъ идетъ выше и выше. Изъ этого Парменидъ заключаетъ, что вещи причастны видовъ не подобіемъ, а чѣмъ-то инымъ, и что много возникло бы недоумѣній, если приписать видамъ какъ бы самостоятельность въ ряду вещей, какъ бы, то есть, вещи были только вмѣстительствомъ самостоятельнаго бытія ихъ.

¹ Парменидъ полагаетъ, что видъ отнюдь не долженъ быть представляемъ какъ нѣчто выдѣленное изъ вещей и объединившееся, въ смыслѣ бытія самостоятельнаго.

² У насъ нѣтъ,—то есть, нѣтъ въ этой, видимой нами природѣ. Парменидъ не допускаетъ, что тѣ сущности содержатся здѣсь, въ природѣ самыхъ вещей, если онѣ существуютъ *αὐτὰ καθ' αὐτάς*. Существуя такимъ образомъ, онѣ должны быть мыслимы, какъ нѣчто отдѣльное отъ вещей.

изъ нихъ.—Иначе какъ же была бы она сама по себѣ? спросилъ Сократъ.—Хорошо сказано, продолжалъ онъ. Значить, всѣ, какія есть, идеи, находясь во взаимномъ отноше-
 D. нии, имѣють сущность сами для себя, а не для тѣхъ, что у насъ, подобій ¹,—или какъ иначе назовутъ ихъ,—которымъ, будучи ихъ причастны, мы придаемъ отдѣльныя имена. Находящіяся же у насъ, будучи одноименны съ тѣми, существуютъ опять сами для себя, а не для видовъ, и относятся къ себѣ, а не къ тѣмъ видамъ, которые одинаково съ ними наименованы.—Какъ ты говоришь? спросилъ Сократъ.—Положимъ, на примѣръ, сказалъ Парменидъ, ктонибудь изъ насъ
 E. —господинъ или слуга: слуга есть слуга не самого по себѣ господина, —какъ мы разумѣемъ господина,—и господинъ есть господинъ не самого слуги,—какъ разумѣемъ слугу,—но оба они—въ отношеніяхъ человѣка къ человѣку; самое же господство есть то, что есть, въ отношеніи къ самому же рабству, какъ и самое рабство—къ самому господству ². Такъ ни то, что у насъ, не имѣетъ значенія по отношенію къ тѣмъ, ни тѣ—къ намъ; но тѣ, говорю, относятся сами къ себѣ и существуютъ для себя, а находящееся у насъ, подоб-
 134. нымъ же образомъ,—для себя. Или ты не понимаешь моихъ

¹ Идеи, въ представленіи Парменида, составляютъ какъ бы особый міръ, въ которомъ онѣ служатъ сущностями одна для другой, но не служатъ сущностями вещей, уподобляемыхъ имъ и это подобіе выражающихъ различными примѣненными къ нимъ названіями. Касательно названій, выражающихъ уподобленіе вещей идеямъ, сомнѣвался самъ Сократъ: «Боясь потеряться во множествѣ подобныхъ основаній, говоритъ онъ, я распрощусь со всѣми ими, и просто, безыскусственно,—пожалуй, можетъ быть, и глупо,—буду держаться одного: что прекрасное происходитъ не отъ чего другаго, какъ отъ присутствія, или отъ общенія, или отъ инаго участія въ немъ того прекраснаго; ибо это и л и—и л и я еще не рѣшилъ» (Phaedon. 100 D).

² Парменидъ полагаетъ, что между вещами и идеями нѣтъ никакого взаимнаго сродства. Если мы видимъ слугу и господина, то слугу этого не можемъ полагать слугою господина самого въ себѣ, какого мыслимъ только въ умѣ. Равнымъ образомъ, и по той же причинѣ, нельзя ставить и господина въ отношенія къ идеѣ слуги. Мы поставляемъ во взаимное отношеніе только идеи того и другаго. Здѣсь виденъ какъ бы законъ природы, которымъ во взаимное сродство составляются только идеи съ идеями, вещи съ вещами.

словъ?—Очень понимаю, отвѣчалъ Сократъ.—Поэтому и знаніе, продолжалъ Парменидъ,—само знаніе, какъ оно есть, должно быть знаніемъ самой той истины, какъ она есть. —Конечно.—И каждое частное опять знаніе, какъ оно есть, должно быть знаніемъ каждой существенности, какъ она есть ¹. Или нѣтъ?—Да.—А знаніе, что у насъ, не относится ли и къ истинѣ той, что у насъ? И каждому опять знанію у насъ не приходится ли быть знаніемъ каждой существенности у насъ? В. —Необходимо.—Между тѣмъ самыхъ-то видовъ, какъ ты соглашаешься, и не имѣемъ мы, и невозможны они у насъ. —Конечно, нѣтъ.—Но самимъ въ себѣ видомъ знанія познаются, вѣроятно, и сами въ себѣ роды, каждый какъ онъ есть.— Да.—А вида-то мы не имѣемъ.—Нѣтъ.—Стало быть, нами-то не познается ни одинъ изъ видовъ, такъ какъ мы не причастны самага знанія.—Походитъ, что нѣтъ.—Слѣдовательно, не познаваемо для насъ и само прекрасное, какъ оно есть, и доброе, и все, что разумѣемъ мы какъ идеи са- С. ми въ себѣ.—Должно быть.—Но, смотри, еще ужаснѣе этого вотъ что.—Что такое?—Подтвердишь ли ты, или нѣтъ? Если есть какой нибудь самый родъ знанія, то не гораздо ли совершеннѣе онъ, чѣмъ знаніе у насъ? Такъ и красота, и все прочее.—Да.—Поэтому, какъ скоро что иное причастно сего знанія, то кому больше, какъ не Богу, приписалъ бы ты знаніе совершеннѣйшее ²?—Необходимо.—Но Богъ,

¹ Изъ приведеннаго выше основанія Парменидъ заключаетъ, что и знаніе, само въ себѣ, относится только къ тѣмъ самостоятельнымъ видамъ, а съ вещами видимыми не имѣетъ никакой связи. Это, по словамъ Парменида, должно сказать не только вообще о знаніи, но и о познаніяхъ частныхъ: наши познанія относятся собственно къ предметамъ земнымъ, а предметовъ міра идеальнаго не касаются; въ томъ мірѣ предметами познаній служатъ не вещи чувственныя, а идеальныя истины.

² Богъ есть умъ совершеннѣйшій и причина самыхъ идей (см. De Rep. X, p. 597 A sqq.). Образъ же высочайшаго ума Платонъ видитъ въ Зевсѣ (см. Phileb. p. 28 C; p. 30 D, E. Phaedr. p. 246 E). И такъ, Парменидъ выражаетъ здѣсь ту мысль, что существо Божіе своимъ знаніемъ объемлетъ все, и что равнымъ образомъ отъ него не могутъ ускользнуть и дѣла человѣческія. Но Богъ усматриваетъ ихъ своимъ, ему одному свойственнымъ образомъ; а нашъ способъ

- Д. имѣя само знаніе, будетъ ли въ состояніи знать то, что у насъ?—Почему же не быть?—Потому, сказалъ Парменидъ, что ни тѣ виды, какъ мы согласились, Сократъ, не имѣютъ значенія, какое имѣютъ, по отношенію къ тому, чтѣ у насъ, ни то, чтѣ у насъ—по отношенію къ нимъ,—но что тѣ и другое относится само къ себѣ.—Да, согласились.—Посему если у Бога—само совершеннѣйшее господство и само совершеннѣйшее
- Е. знаніе, то ни господство ихъ никогда не могло бы надъ нами господствовать, ни знаніе ихъ не могло бы насъ, или что иное у насъ, знать. Какъ мы не начальствуемъ надъ ними дѣйствующимъ у насъ начальствованіемъ, и не знаемъ ничего божественнаго нашимъ знаніемъ; такимъ же образомъ и они,—если боги, то не господа наши, и не знаютъ человѣческихъ дѣлъ.—Но не слишкомъ ли странно будетъ это положеніе, сказалъ Сократъ, если кто Богу откажетъ въ
135. знаніи?—Однакожь это, Сократъ, продолжалъ Парменидъ, и весьма многое иное кромѣ этого, необходимо связано съ видами, если они суть идеи существенностей, и если будемъ каждый изъ нихъ опредѣлять какъ что-то само по себѣ; такъ что слушатель станетъ недоумѣвать и сомнѣваться: есть ли въ самомъ дѣлѣ такіе виды, а когда они непременно есть, то вѣдь крайне необходимо быть имъ для природы человѣческой не познаваемыми. И кто такъ говорить, тому не только кажется, что онъ судитъ здраво, но даже, какъ мы сейчасъ сказали, удивительно было бы, если бы говорящаго это можно было переувѣрить. Надо быть чело-

усматриванія съ природою его не сообразенъ. Все это доказательство Парменида не худо излагаетъ Прокль, Т. V, р. 225: 'Ὡς ἄρα ἔχει τὸ γινώσκον φύσεως, οὕτως ἔχει καὶ ἡ γνῶσις, ἀλλ' οὐχ ὡς ἐστὶ τὸ γινώσκόμενον, οὕτως ὑπὸ πάντων γινώσκεισθαι πέφυκεν, ἀλλὰ κρείττονως μὲν ὑπὸ τῶν κρείττονων, ὑφειμένως δὲ ἐκ τῶν κατὰδεστέρων. Τί οὖν θαυμαστόν, εἰ καὶ ὁ θεὸς γινώσκει πάντα ὡς πέφυκεν, ἀμερίστως μὲν τὰ μερίστα, μονοειδῶς δὲ τὰ πεπληθυσμένα, αἰδιῶς δὲ τὰ γεννητά, κ. τ. λ. Жаль, что этотъ взглядъ древнихъ философовъ не привился къ мышленію философіи современной, а въ новѣйшемъ рационализмѣ встрѣтилъ начала, даже прямо враждебныя. Впрочемъ Парменидъ доводитъ свои заключенія до крайности, и сближается почти съ положеніями деизма.

вѣкомъ очень даровитымъ, чтобы уразумѣть, что есть нѣ-
 который родъ каждой вещи и сущность сама по себѣ; но B.
 еще болѣе удивительнымъ, чтобъ и открыть самому, и су-
 мѣть наставить другаго, разобравъ все это достаточно.—Я
 уступаю тебѣ, Парменидъ, сказалъ Сократъ; потому что
 слова твои мнѣ очень по мысли.—Между тѣмъ, Сократъ,
 продолжалъ Парменидъ, если уже кто, смотря на все, что
 было теперь говорено, и на другое подобное, не допустить,
 чтобъ были виды сущностей, и не будетъ опредѣлять ви-
 да для каждой вещи, то, не допуская идеи каждой изъ суще- C.
 ственностей, какъ идеи всегда тождественной, онъ и не най-
 дется, къ чему направить свою мысль,—и такимъ образомъ
 совершенно упразднить возможность собесѣдованія ¹. Это,
 мнѣ кажется, ты больше всего чувствовалъ.—Правда, ска-
 залъ Сократъ.—

Что же ты будешь дѣлать по философіи? Куда напра-
 вишься, когда не знаешь этого?—Въ настоящую-то минуту
 представляю не такъ ясно.—Рано же, значить, Сократъ,
 сказалъ Парменидъ, братья опредѣлять, что такое прекрасное,
 справедливое, доброе, и каждый отдѣльный видъ,—не упраж-
 нявшись напередъ въ этомъ. То же вѣдь замѣтилъ я и прежде, D.
 когда слушалъ здѣсь твой разговоръ съ этимъ Аристоте-
 лемъ. Такъ знай хорошо, прекрасное и божественное дѣло—
 имѣть такое стремленіе къ разсужденіямъ, какое ты имѣешь: но,
 пока молодъ, сдержись, и упражняй себя больше посредствомъ
 той бесполезной на видъ болтовни,—какъ ее называетъ боль-
 шинство ²;—а не то, истина будетъ убѣгать отъ тебя.—Но ка-

¹ То есть, станеть на такую точку мышленія, изъ которой невозможны никакіе дальнѣйшіе выводы,—на которой, слѣдовательно, нечего болѣе дѣлать пытливому уму, и всякое философствованіе его должно умолкнуть, какъ умолкаетъ оно обыкновенно въ области чистаго опыта и совершеннаго разобщенія вещей, гдѣ все существуетъ только для чувственнаго усмотрѣнія.

² Этотъ совѣтъ Парменида Сократу будетъ понятенъ, если мы различимъ философію и философствованіе. Последнее прирождено человѣку и обнаруживается пытливостію ума, стремящагося находить всему причины, узнать все изъ какихъ нибудь основаній. Этимъ стремленіемъ вызываются частныя мнѣнія, питается

кимъ способомъ упражняться, Парменидъ? спросилъ Сократъ. — Такимъ, отвѣчалъ онъ, о какомъ ты слышалъ отъ Зенона. Е. Впрочемъ тому-то я очень обрадовался, что ты сказалъ ему, — что, то есть, не позволяешь себѣ держаться въ видимомъ и здѣсь искать обмана ¹, но восходишь къ тому, что схватываетъ ктонибудь особенно умомъ и почитаетъ видами ². —

желаніе сблизить, соединить, или раздѣлить понятія. Отсюда происходятъ ученія состязанія или споры, которые людямъ практическимъ, то есть, занятымъ житейскими дѣлами и интересами, кажутся часто ребяческою болтовнею; полагая, что это—философія, они привыкаютъ презирать ее, какъ бесполезное препровожденіе времени. Между тѣмъ и такое даже философствованіе вовсе не бесполезно: оно развиваетъ умъ, сообщаетъ гибкость разсудку, изошряетъ силу соображенія, развязываетъ языкъ, т. е. даетъ способность легко и разнообразно выражать свои мысли словомъ. Посему Парменидъ совѣтуетъ Сократу, прежде чѣмъ сдѣлается онъ дѣйствительнымъ философомъ, заниматься именно такимъ философствованіемъ: готовящійся на подвигъ атлетъ сперва укрѣпляетъ свое тѣло гимнастическими средствами; оперившійся птенецъ ласточки сперва расправляетъ свои крылья, сдѣлавъ нѣсколько круговъ близъ своего гнѣзда; это—экзерциція силъ,—форма дѣла, но еще не дѣло. Самое же дѣло есть философія, выступающая на свое поприще съ опредѣленнымъ взглядомъ на міръ, съ утвердившеюся и окрѣпшею мыслию о значеніи и отношеніи вещей въ мірѣ, съ идеею, видящуюся во все, и во всемъ созерцающею единство жизни и гармонию законовъ. Это уже не форма предмета, а самый предметъ, въ извѣстной формѣ: онъ высказывается и можетъ быть высказываемъ въ различныхъ построеніяхъ; но, при всемъ возможномъ различіи ихъ, типъ ихъ одинъ и всегда сообразенъ съ оживляющею предметъ идеею. И идеи также бываютъ различны; но каждая изъ нихъ имѣетъ въ виду цѣлое, и даетъ ему строй, сообразный съ собственною ея природою.

¹ То есть, разрѣшать недоумѣнія, возбуждающіяся по поводу чувственныхъ впечатлѣній, которыя представляютъ вещи непрестанно измѣняющимися и устраняютъ понятіе о неизмѣняемости и тожествѣ вида.

² Корифей школы элейской, сказавъ свое слово, по примѣру мегарцевъ, противъ соединенія идей съ вещами, и однакожь не отвергнувъ ихъ, не только удивляется проникающему уму Сократа, но и слушается благоразумнаго его совѣта—разсуждать о такихъ вещахъ, которыя содержатся въ одномъ мышленіи ума, и вотъ, выходя изъ той доктрины, которая отнимала у вещей чувственныхъ различіе свойствъ, усвоить столько же единство, какъ множество и разнообразіе, не только идеямъ, но и вещамъ. Такимъ образомъ та узкая и бесплодная діалектика элейцевъ самую главою ихъ школы очевидно улучшается и расширяется, такъ что отъ разсматриванія вещей матеріальныхъ, въ которомъ эта школа коснѣла, переносится къ созерцанію предметовъ, доступныхъ уму и сердцу, а чрезъ то примѣняется къ сократическому направленію разсужденій. Такъ Платонъ заставляетъ Парменида, какъ бы незамѣтно для него самого, философствовать на своемъ началѣ и служить органомъ развитія собственной теоріи идей.

—Потому что такимъ-то образомъ ¹, сказалъ онъ, не трудно, мнѣ кажется, доказать, что существующее бываетъ подобно и не подобно, и принимаетъ какое бы то ни было иное качество.—И хорошо, примолвилъ Парменидъ. Но сверхъ того надобно дѣлать и слѣдующее: предположивъ бытіе чего нибудь, не только наблюдать, что вытекаетъ изъ предположенія, но съ тою же цѣлію предполагать и небытіе,— 136. если хочешь доставить себѣ больше упражненія.—Какъ ты говоришь? спросилъ онъ.—Возьми, напримѣръ, если хочешь, то самое предположеніе, сказалъ Парменидъ, какое сдѣлалъ Зенонъ. Пусть будетъ многое: что должно произойти съ самимъ многимъ, и въ отношеніи къ нему, и въ отношеніи къ одному, и что—съ однимъ, въ отношеніи къ нему самому и ко многому? Пусть опять не будетъ многого: то же наблюдай,—что произойдетъ съ однимъ, и со многимъ, какъ въ отношеніи ихъ къ самимъ себѣ, такъ и въ отношеніи одного къ другому. Такимъ же образомъ опять, если будетъ пред- В. положено бытіе или небытіе подобнаго,—смотри, что выйдетъ изъ того и другаго предположенія какъ для самыхъ предметовъ предположенныхъ, такъ и для другаго, въ отношеніи ихъ къ себѣ и въ отношеніи взаимномъ. Это же самое и о не подобномъ, о движеніи и стояніи, о рожденіи и разрушеніи, и о самомъ бытіи или небытіи. Однимъ словомъ: что бы ни было тобою предположено какъ существующее или не существующее, либо имѣющее какое нибудь иное свойство,—надобно наблюдать, что произойдетъ для самого этого, и для отдѣльной единичности, которую ты предъиз- C. бралъ, и для большаго числа ихъ, и для всѣхъ. Такъ и прочее, подобно этому, должно поставлять въ отношеніе и къ тому самому и къ иному, что ни было бы тобою предъизбрано,—

¹ То есть, смотря на предметы чувствопостигаемые. Сократъ, конечно, не представлялъ, что въ міръ внѣшняго опыта мы вступаемъ съ подлежательнымъ своимъ требованіемъ единства вещи, и чрезъ это на первомъ же шагу запутываемъ сами себя въ недоумѣнія. Платонъ искалъ объективнаго единства видовъ.

предположилъ ли ты нѣчто какъ существующее, что предположилъ, или какъ не существующее, — если хочешь приготовить себя совершеннымъ образомъ, чтобы точно различать истину. — Объ упражненіи неодолимо трудномъ говоришь ты, Парменидъ, сказалъ Сократъ, и я не совсѣмъ понимаю его: проведи пожалуйста этотъ способъ самъ, предположивъ что нибудь, — чтобы я лучше понималъ. — Ты, Сократъ, навязываешь

D. на меня, такого старика, большое дѣло, примолвилъ Парменидъ. — Такъ ты, Зенонъ, не проведешь ли намъ его? спросилъ Сократъ. — А Зенонъ засмѣялся, говорить, и сказалъ: попросимъ-ка, Сократъ, самого Парменида; вѣдь то, что онъ говорить, не бездѣлица. Развѣ не видишь, какое затѣваешь ты дѣло? Если бы насъ было больше, просить и не годилось бы; вѣдь говорить объ этомъ въ присутствіи толпы, особенно еще такому старику, неприлично, такъ какъ толпа не знаетъ,

E. что безъ такого рода околичностей и пересудовъ обо всемъ невозможно добраться до истиннаго взгляда. Такъ я, Парменидъ, вмѣстѣ съ Сократомъ прошу тебя о томъ, — чтобы и самому мнѣ послѣ долгаго времени тебя послушать.

Когда Зенонъ выразилъ это, говорилъ Антифонъ, стали, по словамъ Пиеодора, просить Парменида и самъ онъ, и Аристотель, и другіе, чтобы онъ подтвердилъ опытомъ, чтò говорить, и не уклонялся. — Такъ необходимо по-

137. слушаться, сказалъ тогда Парменидъ, — хотя со мною происходитъ кажется, то же, чтò съ конемъ Ивика ¹, —

¹ Здѣсь Парменидъ имѣть въ виду стихи Ивика, регинскаго поэта. Схолиастъ (ad. h. l.) излагаетъ ихъ такъ: Ἐρως αὐτὲ μὲ κινάεοισιν ὑπὸ βλεφάρους ταχὲρ' ὀμμασι δερχόμενος, κηλήμασι παντοδαποῖς ἐς ἀπειρα δίχτυα Κύπριδος βάλεν· ἢ μὰν τρομέω νιν ἐπερχόμενον, ὥστε φερέζυγος ἵππος ἀεθλοφόρος ποτὶ γῆραι ἀέκων σὺν ὄχεσσι θεοῖς ἐς ἀμίλλαν ἔβα. То есть: «Эросъ, нѣжно смотря мнѣ въ глаза своими темносиними зрачками, съ помощью разныхъ чародѣйствъ, опять бросаетъ меня въ сѣти Киприды. Какъ я дрожу при его приближеніи! — будто тотъ упряжной измученный конь, который нѣкогда въ старости выбѣжалъ на битву въ быстро катящейся колесницѣ». Этотъ отрывокъ издалъ Ursinus, *Fragm. lyr.* p. 115. А недавно разобралъ его Schneidewein, въ изд. *Ibyci Rhagini carminum reliquiae*. Götting. 1833, 8, и Hermannus въ *Jahnii et Klotzii Annales Phil.* vol. VIII, fascicul. IV, a. 1833, p. 380 sq. Объ этомъ Ивикѣ упоминаютъ и

конемъ-рысакомъ, уже состарѣвшимся на бѣгахъ, когда онъ готовится къ новому бѣгу въ колесницѣ, и трепещеть, зная по опыту то, что предстоитъ, — которому уподобля себя, Ивикъ сказалъ: «вотъ и самому мнѣ, такому старику, приходится поневолѣ идти на встрѣчу любви». Такъ-то, кажется, и я очень страшусь, представляя, какъ въ такихъ лѣтахъ переплыть мнѣ столь глубокое и широкое море рѣчей. Однако надобно же угодить, когда и Зенонъ такъ говоритъ; мы же вѣдь В. тутъ одни ¹. И такъ, съ чего начнемъ, и что сперва предположимъ? Хотите ли, — хотя игра ² предстоитъ хлопотливая, — начну отъ себя и съ своего предположенія: поставлю вопросъ объ одномъ ³, —одно ли существуетъ, или не одно, —какое получится слѣдствіе? —Конечно, сказалъ Зенонъ. —Кто же будетъ отвѣчать мнѣ? спросилъ онъ: развѣ самый младшій? потому что онъ былъ бы менѣе придирчивъ, и отвѣчалъ бы именно то, что думаетъ; а между тѣмъ его отвѣтъ давалъ бы мнѣ минуту для отдыха. — С. Я готовъ, Парменидъ, сказалъ тотъ (упомянутый выше) Аристотель; потому что я, какъ говоришь, самый младшій. Спрашивай же, —буду отвѣчать ⁴.

Цицеронъ, —Tusc. Qu. IV, 33, extr.: maxime vero omnium flagrasse amore Rhegium Ibusum, apparet ex scriptis, и Свида: ὑέρονε ἐρωτομανέστατος περί τὰ μεράσια.

¹ О выраженіи αὐτοί ἐσμεν, въ томъ смыслѣ, какой оно здѣсь имѣетъ, см. Нурр. М., р. 363 А, прим. Значеніе его опредѣляется предшествующими словами Зенона, р. 136 D: «если бы насъ было больше, просить и не годилось бы».

² Предполагаемое разсужденіе Парменидъ называетъ хлопотливою, или трудною игрою, πρᾶγματῶδῃ παιδίᾳ καίῃ, въ смыслѣ упражненія или экзерциціи разсудка, въ смыслѣ философствованія, которое мы опредѣлили выше, р. 135 D. Это —опытъ діалектической бесѣды объ извѣстномъ предметѣ, а не обѣщаніе открытія какой нибудь истины.

³ Самъ Парменидъ сущее свое, кажется, не означалъ именемъ τὸ ἓνός, о чемъ см. изслѣдованіе Брандиса, Commentatt. Eleatt. р. 137; но такъ какъ τὸ ἓν у Парменида заключаетъ въ себѣ всю сущность, οὐσία, кромѣ которой нѣтъ ничего, то Платонъ призналъ приличнымъ назвать ее τὸ ἓν, и это названіе удерживаетъ также въ Theaet. р. 180 D, E; Soph. р. 242 D. Посему и Парменидъ выставляется здѣсь такъ, какъ бы τὸ ἓν самъ онъ называлъ именемъ τὸ ἓν.

⁴ Отсюда начинается первая часть разсужденія, и продолжается до р. 142 А. Въ ней изображается и описывается безконечное начало всей сущности, οὐσία,

Такъ положимъ, началъ Парменидъ, что *есть одно*. Не правда ли, что одно не будетъ многое?—Какъ ему быть!—Слѣдовательно, у него не должно быть частей, и оно не будетъ цѣлымъ.—Какъ?—Часть, вѣроятно, есть часть цѣлаго.—Да.—А что такое цѣлое? Не то ли было бы цѣлое, что не имѣло бы недостатка ни въ одной части?—Конечно.—Стало быть, одно, въ обоихъ случаяхъ, будучи цѣлымъ и D. имѣя части, состояло бы изъ частей?—Необходимо.—Одно такимъ образомъ было бы, въ обоихъ случаяхъ, многое, а не одно.—Правда.—А между тѣмъ должно-то быть не многому, а одному.—Должно.—Слѣдовательно, если одно будетъ одно, то оно не будетъ ни цѣлымъ, ни состоящимъ изъ частей.—Не будетъ.—А когда оно не имѣетъ частей, то не имѣетъ ни начала, ни конца, ни середины: потому что это были бы уже его части.—Правильно.—А конецъ-то и начало суть предѣлы каждой вещи.—Какъ не предѣлы.—Стало E. быть, одно безпредѣльно, если оно не имѣетъ ни начала, ни

которая, рассматриваемая сама въ себѣ, не имѣетъ никакой формы, никакого закона, никакого отношенія, никакой сложности, никакихъ свойствъ, примѣчательныхъ въ вещахъ природы мыслимой и чувствовостигаемой. Такимъ образомъ въ формулѣ: одно ли есть, $\epsilon\iota\ \acute{\epsilon}\nu\ \acute{\epsilon}\sigma\tau\iota$, слово $\tau\acute{o}\ \acute{\epsilon}\nu$ берется въ полномъ отвлеченіи, такъ что и самое $\acute{\epsilon}\sigma\tau\iota$ при немъ совершенно теряетъ свое значеніе. Отмѣчая это, мы легко поймемъ рядъ остроумныхъ заключеній Парменида. Онъ въ своемъ разсужденіи идетъ такъ, что важнѣйшіе признаки, свойственные вещамъ конкретнымъ, послѣдовательно находитъ тому высшему единому не приличными. Поскольку, то есть, это единое безконечно, и выходитъ за предѣлы всякаго пониманія,—оно не можетъ принимать въ себя никакихъ признаковъ, приписываемыхъ вещамъ конечнымъ. И такъ, эледь учить: 1) что единое и не состоитъ изъ частей, и не есть цѣлое; 2) что оно неограниченно; 3) что оно не имѣетъ ни фигуры, ни вида; 4) что оно не находится ни въ какомъ мѣстѣ, слѣдовательно, не содержится ни въ себѣ, ни внѣ себя; 5) что оно ни покоится, ни стоитъ, ни какъ нибудь движется; 6) что оно ни то же, ни отличное, и не находится въ отношеніи ни къ себѣ, ни къ иному чему либо; 7) что оно ни подобно, ни не подобно; 8) что къ нему не идутъ отношенія ни равенства, ни неравенства, ни великости, ни малости; 9) что оно не подлежитъ разсчетамъ времени и потому не содержится ни въ какомъ временномъ моментѣ; 10) что оно, слѣдовательно, и не есть, а потому 11) оно даже и не е д и н о е; 12) что его нельзя ни называть, ни мыслить, ни знать, ни уловить какимъ нибудь представленіемъ или мнѣніемъ.

конца.—Безпредѣльно.—Слѣдовательно, и безъ образа оно, потому что не причастно ни круглоты, ни прямизны.—Какъ?—Круглота-то ¹, вѣроятно, есть то, у чего оконечности 138. вездѣ равно отстоятъ отъ середины.—Да.—А прямота-то ²,—у чего середина закрываетъ собою оба конца.—Такъ.—Поэтому одно, будь оно причастно прямой или круглой фигуры, имѣло бы части и было бы mnogimъ.—Конечно.—Если же оно не имѣетъ частей, то не есть ни прямое, ни круглое.—Правильно.—А будучи такимъ-то, не будетъ нигдѣ, потому что не будетъ ни въ иномъ, ни въ себѣ.—Какъ это?—Будучи въ иномъ, одно, вѣроятно, обнималось бы сферою того, въ чемъ заключено, и во многихъ мѣстахъ его прикасалось бы ко многому; тогда какъ одному, не причастному ни частей, ни круга, невозможно во многихъ мѣстахъ прикасаться къ кругу.—Невозможно.—А находясь само-то въ себѣ, оно себя же самого и обнимало бы, будучи не инымъ чѣмъ, какъ самимъ, хотя бы было и въ себѣ; потому что быть в. чемунибудь въ томъ, что не обнимаетъ, невозможно.—Невозможно.—Посему иное нѣчто было бы самое обнимающее, и иное—обнимаемое:—ибо то и другое, какъ цѣлое, будучи тѣмъ же, не будетъ вмѣстѣ страдать и дѣйствовать; и такимъ образомъ одно не было бы уже одно, а два.—Не было бы.—Стало быть, одно не находится, вѣроятно, ни въ себѣ, ни въ иномъ.—Не находится.—Смотри же,—будучи такимъ, можетъ ли оно стоять, или двигаться.—Почему же бы нѣтъ?—Потому что движимое-то или переносилось бы, или измѣнялось; вѣдь эти только и бываютъ движенія ³.—Да.—Измѣняю- с.

¹ Круглоту подобнымъ образомъ опредѣляетъ и Цицеронъ (De nat. d. II, 18): quum duae formae praestantes sint, ex solidis globus, sic enim *σφαῖραν* interpretari placet, ex planis autem circulus aut orbis, qui *κύκλος* graece dicitur; his duabus formis, contingit solis, ut omnes earum partes sint inter se simillimae, a medioque tantum absit extremum, quantum idem a summo: quo nihil fieri potest aptius.

² Прямизну такимъ же образомъ опредѣляетъ Эвклидъ (Elem. in.): *εὐθεῖα γραμμὴ ἐστίν, ἣτις ἐξ ἴσου τοῖς ἐφ' ἑαυτοῦ σημείοις κείται.*

³ Эти же роды движенія различаетъ Платонъ и въ Теэтетѣ (p. 181 C, D): «Скажи мнѣ, называешь ли ты движеніемъ то, когда предметъ переходитъ изъ

щеся же противъ себя одно, вѣроятно, не можетъ уже быть однимъ ¹.—Не можетъ.—Слѣдовательно, въ смыслѣ измѣненія-то, не движется.—Явно, что не движется.—Такъ не въ смыслѣ ли перенесенія?—Можетъ быть.—Но если одно переносится, то либо переносится въ томъ же мѣстѣ, вращаясь вокругъ себя, либо перемѣняетъ мѣсто,—одно на другое.—Необходимо.—Переносящееся же чрезъ вращаніе вокругъ себя по необходимости утверждается на срединѣ, и въ переносящемся около середины имѣетъ отличныя отъ себя части.

- D. Между тѣмъ тому, чему не свойственны ни середина, ни части, какая возможность вращаться вокругъ себя на срединѣ?—Никакой.—А перемѣняя мѣсто, оно бываетъ то тамъ, то здѣсь, и такимъ образомъ движется?—Да, если только движется.—Не показалось ли намъ невозможнымъ быть ему въ чемъ нибудь?—Да.—А бывать не менѣе ли еще возможно?—Не понимаю, какимъ образомъ.—Что въ чемъ нибудь бываетъ, тому не необходимо ли, при вступленіи, еще не быть совсѣмъ въ томъ самомъ, и не быть болѣе внѣ того, какъ скоро оно уже вступило?—Необходимо.—Слѣдовательно, если будетъ подвергаться этому что нибудь иное, то, конечно,
- E. можетъ подвергаться только то, что имѣетъ части; ибо въ одно и то же время нѣчто, принадлежащее предмету, могло бы находиться уже въ томъ, и нѣчто—внѣ того; тогда какъ не имѣющее частей никакимъ образомъ не будетъ въ состояніи быть все внутри и вмѣстѣ внѣ чего нибудь.—Правда.—А тому, что и не имѣетъ частей, и не есть цѣлое, не гораздо ли еще невозможно вступать въ бываніе, когда

мѣста въ мѣсто, либо когда вращается въ томъ же мѣстѣ?—Называю.—Такъ пусть будетъ это одинъ видъ. Но когда, находясь въ томъ же мѣстѣ, старѣетъ онъ, дѣлается либо чернымъ изъ бѣлаго, либо жесткимъ изъ мягкаго, или измѣняется инымъ образомъ,—не стѣитъ ли назвать это другимъ видомъ движенія?—Мнѣ кажется.—Да и необходимо. Такъ я полагаю два вида движенія: измѣненіе и перехожденіе».

¹ Измѣняющееся, то есть *ἀλλοίον ἢ αὐτό ἐστι γινόμενον*. Это выводится, конечно, изъ того, что единое, какъ скоро становится оно отличнымъ отъ своей природы, не можетъ уже казаться единымъ.

оно не вступаетъ ни частями, ни цѣлымъ?—Явно.—Стало быть, одно не перемѣняетъ мѣста ни какъ идущее куда ни- 139. будь, ни какъ появляющееся въ чемъ нибудь, (и не движется)—ни какъ вращающееся на мѣстѣ, ни какъ измѣняющееся само въ себѣ.—Какъ видно, нѣтъ.—Слѣдовательно, одно не движется ни какимъ родомъ движенія.—Не движется.—Но и быть-то ему въ чемъ нибудь, говоримъ, тоже невозможно.—Да, говоримъ.—Стало быть, оно никогда не находится въ томъ же.—Почему такъ?—Потому что было бы уже въ томъ, въ чемъ находится, какъ въ томъ же ¹.—Конечно.—Да ему невозможно было также находиться ни въ себѣ, ни въ иномъ.—Конечно, невозможно.—Слѣдовательно, одно никогда не остается на мѣстѣ.—Видно, что нѣтъ.—А что никогда не остается на мѣстѣ, то не находится въ покоѣ, и не стоитъ.—Да и нельзя.—Поэтому одно и не стоитъ, какъ видно, и не движется.—Такъ выходитъ.—Притомъ, оно не будетъ тождественно ни съ другимъ, ни съ собою, и опять; не будетъ отлично ни отъ себя, ни отъ другаго.—Какимъ же образомъ?—Будучи отлично отъ себя, оно, конечно, было бы отлично отъ одного, и уже не было бы одно.—Правда.—Будучи, притомъ, тождественно съ другимъ, оно было бы то другое, и не было бы само; такъ что не было бы тѣмъ, что есть,—однимъ, а отличнымъ отъ одного.—Конечно.—Стало быть, оно не будетъ ни тождественно съ другимъ, ни отлично отъ себя.—Не будетъ.—Не будетъ оно также отлично отъ другаго ², пока будетъ одно; потому что одному нейдетъ быть отличнымъ отъ чего нибудь, а (идеть) только отличному—

¹ Находясь въ томъ же, сознаешь, что находишься въ томъ же; но сознавая это, знаешь, что уже находился въ томъ самомъ. Такимъ образомъ, мыслію о нахожденіи въ томъ же какъ бы двойся,—слѣдовательно, уничтожается—самый законъ тождества; а отсюда вытекаетъ заключеніе, что одно, какъ одно, не можетъ находиться въ двухъ моментахъ того же.

² Парменидъ полагаетъ, что одно не отличается отъ отличнаго; потому что иначе оно само сдѣлается отличнымъ, тогда какъ природа одного чужда всякаго отличія. То есть, что—одно, то, по тому самому, что одно, не можетъ отличаться отъ другаго.

отъ отличнаго, ничему больше.—Правильно.—Одно, чрезъ то самое, что оно—одно, не будетъ другимъ,—или думаешь?—Нѣтъ.—А если не чрезъ это, то и не чрезъ себя; когда же не чрезъ себя, то и не само; не будучи же отнюдь отличнымъ само въ себѣ, оно не будетъ отлично ни отъ чего.—

D. Правильно.—Не будетъ оно однакожъ и тождественно съ собою.—Какъ не будетъ?—Природа одного не та же, что природа тождественнаго.—Почему такъ?—Потому, что когда что либо становится тождественно чему нибудь, является не одно.—А что же?—При множествѣ вещей, становится тождественнымъ многое, а не одно ¹.—Правда.—Но если одно и то же ничѣмъ не различаются, то, какъ скоро происходило бы что тождественное, всегда происходило бы одно, а когда

E. одно,—то и тождественное.—Конечно.—Стало быть, если одно будетъ тождественно себѣ, то не будетъ одно съ собою ², и такимъ образомъ, будучи однимъ, не будетъ одно.—Но это невозможно.—Слѣдовательно, невозможно и то, чтобы одно было отлично отъ другаго, или тождественно себѣ.—Невозможно.—Такимъ образомъ одно—отличнымъ ли то, или тождественнымъ—не будетъ ни въ отношеніи къ себѣ, ни въ отношеніи къ другому.—Не будетъ.—Не будетъ также ни подобнымъ чему нибудь, ни не подобнымъ, какъ въ отношеніи къ себѣ, такъ и въ отношеніи къ другому.—Почему же?—Потому что подобное какъ будто раздѣляетъ свойства тождественнаго.—Да.—А тождественное оказалось по природѣ 140. особымъ противъ одного-то. — Оказалось.— Но если бы

¹ Τὸ ἐν καὶ ταῦτόν, по разумнiю Парменида, различаются тѣмъ, что таῦτόν возможно для чего нибудь, и для всякаго; но всѣ эти таῦτά, принадлежатъ многимъ, составляютъ многое, а не одно, и къ одному приведены быть не могутъ.

² Парменидъ умозаключаетъ такъ: одно, говорить, если будетъ то же съ собою, никакъ не защититъ своего единства; потому что принятое имъ то же будетъ отъ его природы отлично; а двумъ отношенiямъ въ одномъ сходиться нельзя. Философъ хочетъ сказать, по видимому, то, что одно бесконечно; какъ бесконечное, оно чуждо всякаго отношенiя,—безотносительно; будучи же безотносительнымъ, ему нельзя терпѣть тождества; слѣдовательно, одно само съ собою не тождественно.

одно получило нѣкоторое свойство быть особымъ противъ одного, то получило бы свойство быть больше, чѣмъ одно; а это невозможно.—Да.—Стало быть, одному никакъ не доступно свойство быть тождественнымъ—ни иному, ни себѣ.—Явно, что нѣтъ.—Слѣдовательно, и подобнымъ не можетъ оно быть—ни иному, ни себѣ.—Какъ видно, нѣтъ.—Да одному не доступно свойство быть и другимъ-то; ибо иначе въ немъ получилось бы больше, чѣмъ одно.—Конечно, больше.—То, что принимаетъ свойство отличія по отношенію къ себѣ или иному, было бы не подобно себѣ или иному, а что свойство В. тождества—подобно ¹.—Правильно.—Но одно-то, какъ видно, никакъ не принимая свойства отличія, никакъ не подобно ни себѣ, ни другому.—Конечно, нѣтъ.—Стало быть, одно не будетъ ни подобно, ни не подобно—ни себѣ, ни другому.—Явно, что нѣтъ.—А будучи такимъ-то, оно не будетъ ни равно, ни не равно, какъ себѣ, такъ и другому.—Какимъ же образомъ?—Какъ равное, оно будетъ той же мѣры съ тѣмъ, чему было бы равно.—Да.—Если же оно больше или меньше, по сравненію съ тѣмъ, чему соразмѣримо, то относительно къ С. меньшему будетъ имѣть мѣру высшую, а относительно къ большему—нисшую.—Да.—Съ чѣмъ же не соразмѣримо,—мѣрою будетъ иной разъ больше, другой—меньше.—Какъ же иначе.—Но возможно ли, чтобы не причастное тождества было или той же мѣры, или чего бы то ни было *того же*?—Невозможно.—А что не той же мѣры, то не можетъ быть равно ни себѣ, ни иному.—Это-то явно.—Будучи же высшей или нисшей мѣры,—сколько будетъ мѣры, столько будетъ содержать и частей; и такимъ образомъ выйдетъ опять уже не одно, а

¹ Что одно не можетъ быть подобно ни себѣ, ни другому, Парменидъ доказываетъ это тѣмъ, что оно даже не можетъ получать вообще никакихъ свойствъ, — ни подобнаго себѣ, ни не подобнаго; потому что всякое свойство было бы нѣчто иное въ отношеніи одного, слѣдовательно, имъ уничтожалось бы одно. Притомъ, получивъ свойство подобнаго, оно было бы вмѣстѣ и одно, и подобное; стало быть, не было бы ни тѣмъ, ни другимъ, потому что одно не есть подобное, и подобное не есть одно.

- Д. столько, сколько будетъ мѣры.—Правильно.—Если же будетъ въ одну единицу мѣры, то вышло бы равно мѣрѣ; но это оказалось невозможнымъ, чтобы оно было равно чему нибудь.—Да, оказалось.—Стало быть, не причастное ни одной единицы мѣры, ни многихъ, ни немногихъ, и вообще не причастное *того же*, оно не будетъ, какъ видно, равно ни себѣ, ни иному, и опять, не будетъ ни больше, ни меньше—ни себя, ни другаго.—Безъ сомнѣнiя.—Что же? кажется ли, что одно можетъ быть или старше, или моложе, или того же съ чѣмъ нибудь возраста.—Почему же бы нѣтъ?—Потому, что, имѣя тотъ же возрастъ, оно будетъ причастно равенству во времени и подобiю либо себѣ, либо иному; мы же говорили, что одно не причастно ни подобiя, ни равенства.—Да, конечно, говорили.—Что не причастно также ни неподобiя, 141. ни неравенства,—и это говорили.—Конечно.—Какъ же можно быть ему либо старше, либо моложе чего нибудь, либо имѣть тотъ же съ чѣмъ нибудь возрастъ, если оно таково?—Никакъ.—Стало быть, одно не можетъ быть ни моложе, ни старше, ни имѣть тотъ же возрастъ—ни съ собою, ни съ инымъ.—Явно, что нѣтъ.—Да можетъ ли одно быть даже вообще во времени, если оно таково? Развѣ не необходимо, чтобы находящееся во времени становилось постоянно старше?—Необходимо.—Старшее-то не старше ли всегда младшаго?—Какъ же.—Слѣдовательно, то, что бываетъ старше себя, В. бываетъ вмѣстѣ и моложе себя, если то же самое имѣетъ выйти старше чего нибудь.—Какъ ты говоришь?—Вотъ какъ: одно, различающееся отъ другаго, не нуждается ни въ чемъ для различiя, если уже есть различiе; и только, когда оно уже есть,—чтобы ему быть; когда оно сбылось,—чтобы сбыться; когда оно имѣетъ произойти,—чтобы ему произойти; когда же оно бываетъ, то нѣтъ нужды, сбылось ли, есть, или имѣетъ быть различiе,—лишь бы оно бывало,—и ничего больше ¹.—Да,

¹ Мысль Парменида та, что каждый временный моментъ всегда долженъ быть этимъ, а не другимъ моментомъ. Что есть, то такъ и надобно понимать, какъ есть, что имѣетъ быть, то—какъ и имѣетъ быть, что происходить, то—какъ

необходимо.—Но старшее-то есть нѣчто отличное отъ младшаго, а не отъ чего инаго.—Конечно.—Стало быть, бывающее старше себя необходимо бываетъ также и моложе себя.—Походить.—Но по времени, конечно, оно не бываетъ ни больше себя, ни меньше, но и бываетъ, и есть, и было, и будетъ себѣ равновременно.—Да, необходимо и это.—Значить, необходимо, какъ видно, чтобы все, находящееся во времени-то и причастное ему, имѣло тотъ же само съ собою возрастъ, и было какъ старше, такъ вмѣстѣ и моложе себя.—Должно быть.—Но изъ такихъ свойствъ одному-то ничто не было причастно.—Да, не было.—Стало быть, ему не причастно и время, и оно существуетъ не во времени.—Конечно, нѣтъ,—какъ требуетъ этого, по крайней мѣрѣ, ходъ рѣчи.—Что же? *было, было, происходило*,—не кажется ли это означеніемъ причастности времени когда-то ¹ бывшаго?—И очень.—Что еще? *будетъ, произойдетъ, сбудется*,—не означается ли этимъ, Е.

происходить. Въ эти временныя явленія различны, и каждое имѣть свой собственный смыслъ, котораго оно никогда не теряетъ. Но бывать,—что также есть временный моментъ,—значить переходить изъ состоянія въ состояніе, и такое значеніе должно удерживать равнымъ образомъ постоянно. Удерживая же это значеніе, понятие быванія заключаетъ въ себѣ и молодость и старость,—всѣ возрасты и временныя состоянія жизни. Отсюда, бывающее—и моложе, и старше себя, и равновременно себѣ.

¹ Объясняя значеніе приводимыхъ здѣсь Парменидомъ моментовъ времени, Прокль (t. VI, p. 243) говоритъ: ἐκάστη γὰρ (χρόνου διαίρεσις)—συντέτακτα, πλῆθος οἰκείου, οὗ τὸ μὲν ἄκρον κατὰ τὸ ἦν, τὸ δὲ μέσον κατὰ τὸ γεγονέναι, τὸ δὲ τελευταῖον κατὰ τὸ ἐγίνετο· καὶ τῆ κατὰ τὸ παρὸν ἄλλο δεύτερον, οὗ τὸ μὲν κορυφαῖον χαρακτηρίζεται τῷ ἔσται, τὸ δὲ μέσον τῷ γέγονε, τὸ δὲ τελευταῖον τῷ γίγνεται· κατὰ τὸ μέλλον ἄλλο τρίτον, οὗ τὸ μὲν ὑψηλότατον τῷ ἔσται, τὸ δὲ ἐν μέσῳ τεταγμένον τῷ γενήσεται, τὸ δὲ τελευταῖον ἀφορίζεται τῷ γενήθησεται· καὶ οὕτω δὴ τῶν τριῶν τούτων ὁλοτήτων αἱ τρεῖς τριάδες εἰσονται προσεχῶς ἐξηρητημένα, πάσαι δὲ αὐταὶ τῆς ἑαυτῶν μονάδος. Употребленная Платономъ формула будущаго втораго γενήθησεται возбуждала недоумѣніе нѣкоторыхъ филологовъ, ибо не встрѣчается ни въ какомъ другомъ мѣстѣ. Но такъ какъ аористъ ἐγενήθη, отъ котораго она произведена, довольно употребителенъ, то недоумѣніе ихъ въ этомъ отношеніи излишне, тѣмъ болѣе, что Платонъ часто подражалъ слововыраженію дорическихъ философовъ. Различіе между γενήσεται и γενήθησεται состоитъ въ томъ, что первое, какъ произведенное отъ настоящаго, означаетъ продолжительность будущаго дѣйствія, а послѣднее, сродное съ аористомъ, выражаетъ однократность его.

что будетъ потомъ?—Да.—А словами-то *есть* и *бываетъ* не на настоящее ли указывается?—Конечно, такъ.—Если же одно никакъ и никакого не причастно времени, то оно и не сбылось никогда, и не происходило, и не было, и теперь не сбывается, не происходитъ и не есть, и послѣ не произойдетъ, не сбудется и не будетъ.—Весьма справедливо.—А есть ли возможность приобщиться сущности ¹ иначе, какъ по которому нибудь изъ этихъ способовъ?—Нѣтъ.—Слѣдовательно, одно никакъ не причастно сущности.—Походить, что нѣтъ.—Поэтому одно совсѣмъ не существуетъ.—Явно, что нѣтъ.—Стало быть, оно не таково, чтобы ему быть однимъ: ибо тогда было бы оно уже существующимъ и причастнымъ сущности. Но одно, какъ видно, и не одно, и не существуетъ, если положиться на такое разсужденіе.—Должно быть.—А что не существуетъ, тому—не существующему—можетъ ли что принадлежать, либо какъ въ немъ, либо какъ его?—Не можетъ.—Стало быть, для него нѣтъ ни имени, ни слова, ни какаго либо знанія, ни чувства, ни мнѣнія.—Явно, что нѣтъ.—Слѣдовательно, оно и не именуется, и не высказывается, и не мнится, и не познается, и ничто изъ сего существенностей не чувствуется ².—Походить, что нѣтъ.—И такъ, возможно ли, чтобы въ отношеніи къ одному это было такъ?—Мнѣ кажется, нѣтъ.

Такъ именно различаются будущія въ Gorg. p. 509 D; Criton. p. 54 A; De Republ. VIII, p. 568 D et al.

¹ Этимъ вопросомъ Парменидъ предуготовляетъ себѣ путь ко второму отдѣлу изслѣдованія; потому что во второмъ отдѣлѣ разсматривается, что если τὸ εἶναι предположить существующимъ, εἶναι, то какое значеніе надобно будетъ соединить съ этимъ существованіемъ, съ этимъ εἶναι, и какія слѣдствія проистекуть изъ того предположенія.

² Ничто изъ того, что дѣйствительно есть, въ «одномъ» не примѣчается, т. е. никакихъ свойствъ, принадлежащихъ вещамъ конечнымъ, въ немъ не найти. Тѣ предикаты, которые признаны чуждыми «одного» абсолютнаго, взяты отъ вещей, опредѣленныхъ пространственными и временными отношеніями; если же они и прилагаются къ тому одному, то не могутъ быть приписаны ему въ смыслъ собственномъ. Посему, такъ какъ доселѣ шла рѣчь объ одномъ абсолютномъ, то и понятно, почему тѣ предикаты были отъ него отвлекаемы: они свойственны только природамъ конечнымъ, а τῆ οὐρα, какъ безконечному, не

Хочешь ли, опять сначала возвратимся къ предположенію, В. — иначе ли что нибудь представится намъ при восхожденіи?—Ужъ конечно, хочу.—И такъ, положивъ, что *есть одно*¹, намъ падо, говоримъ, согласиться между собою, какія могутъ выйти для него изъ этого послѣдствія. Не такъ ли?—Да.—Смотри же сначала.

Если одно есть,—возможно ли ему быть, не приобщаясь сущности?—Невозможно.—Такъ она будетъ сущностію и одного, но не то же самое съ однимъ; ибо иначе не была бы его сущностію, и то одно не было бы ея причастно,—но все С. равно было бы говорить: «одно есть», и «одно—одно». Задача же теперь не въ томъ, что произойдетъ, если «одно—одно», а что, если «одно есть». Такъ ли?—Конечно, такъ.—Поэтому словомъ «есть» здѣсь означается иное, чѣмъ словомъ «одно».—Необходимо.—Такъ иное ли выражается положеніемъ, что одно причастно сущности, чѣмъ то, когда кто сказалъ бы кратко, что одно есть?—Конечно, не иное.—Скажемъ опять: Одно есть;—что же выйдетъ изъ этого? Наблюдай-ка: это предположеніе не принимаетъ ли необходимо одно въ значеніи чего-то состоящаго изъ частей?—Какъ?—Вотъ какъ: если D. слово «есть» принадлежитъ тому, что одно, и слово «одно» — тому, что есть, а сущность и одно—не то же, и однакожь принадлежатъ тому, что мы положили какъ сущее одно; то не необходимо ли, чтобы само одно было цѣлымъ, а одно и сущее—его частями?—Необходимо.—Но ту и другую изъ этихъ частей назовемъ ли мы только частію, или часть-то надобно назвать частію цѣлаго?—Цѣлаго.—И цѣлое, стало быть,

свойственны. Что же именно свойственно ему помимо этой метафоры,—откроется во второмъ отдѣлѣ рѣчи.

¹ Во второй части разсужденія, простирающейся до р. 155 E, природа бытія, *οὐσίαν*, связывается съ однимъ такъ, что есть, *ἔστι*, берется въ полномъ своемъ значеніи и одно становится причастно сущности, *οὐσίαν μετέχει*. Быть, *εἶναι*, у Платона есть не что иное, какъ существовать по извѣстному закону, въ извѣстномъ условіи и подъ извѣстною формою. Стало быть, теперь на очереди вопросъ: что должно слѣдовать, если будетъ положено, что есть конечное одно?

- Е. есть то, что—одно и имѣть части.—Конечно.—Такъ что же? Та и другая изъ этихъ частей одного сущаго,—одно и сущее,—отдѣляются ли—либо одно отъ части сущаго, либо сущее отъ части одного ¹?—Едва ли.—Слѣдовательно, опять та и другая изъ частей содержать въ себѣ одно и сущее, и самая малая часть состоятъ также изъ двухъ этихъ частей. Такимъ же точно образомъ всегда: какая бы ни была часть,—въ ней непременно заключаются эти части; потому что одно непременно имѣть въ себѣ сущее, а сущее имѣть одно; такъ что всегда необходимо выходить двойство, а единство никогда.—
143. Безъ сомнѣнiя.—Стало быть, одно, какъ сущее, не будетъ ли такъ-то безпредѣльно многое.—Походить.—Давай-ка разсмотримъ еще и такъ ².—Какъ?—Одно, говоримъ, причастно сущности, поколику оно есть?—Да.—По этой-то причинѣ одно явилось многимъ.—Такъ.—Что же? само одно, которое, гово-

¹ Доказавъ, что природа τὸ ἓν ὄντος состоитъ изъ двухъ частей и потому есть нѣчто цѣлое, такъ какъ части не могутъ быть мыслимы безъ цѣлаго, Парменидъ идетъ далѣе, и въ каждомъ конечномъ единствѣ находитъ безчисленное множество частей и формъ; потому что сущность и единство въ одномъ конечномъ такъ соединены и сроднены, что отдѣлиться и отторгнуться одно отъ другаго не могутъ. Изъ этого легко судить, какъ надобно думать о чтенiи настоящаго мѣста въ древнихъ изданiяхъ Пармениды: ἢ τὸ ἐν τῷ ὄντος εἶναι μόριον, ἢ τὸ ὄν τῷ ἓνός μόριον. Единое отъ сущаго и сущее отъ единаго не потому не отдѣляется, что одно есть часть другаго, а потому, что природа одного тѣснѣйшимъ образомъ связана съ природою другаго; такъ что въ каждой части, сколь бы мала она ни была, могутъ быть снова замѣнены тѣ же самыя части. Поэтому вульгатнаго чтенiя, защищаемаго Шмидтомъ, принять нельзя: я нахожу болѣе вѣрнымъ чтенiе Штальбома, который, слѣдуя Basil. 2 кодексу, слово μόριον въ обоихъ мѣстахъ перемѣняетъ въ родительный μόριου.

² Доселѣ доказано, что τὸ ἐν ὄν, связанное взаимною близостiю моментовъ его состава, имѣть безчисленное множество формъ и частей; а теперь Парменидъ намѣренъ рассмотреть то отношенiе, въ какомъ находятся между собою τὸ ἐν и τὸ ὄν; ибо хотя оба эти моменты связаны тѣснѣйшимъ образомъ, однакожъ каждому изъ нихъ принадлежитъ особая природа, и потому каждый можетъ разлучаться отъ другаго и мысленно отдѣляться.—Тὸ ἐν, сдѣлавшись конечнымъ хотя и присоединило къ себѣ свойство отношенiя, однакожъ сохраняетъ свойственную ему силу и постоянство. А τὸ ὄν, имѣя особенную способность быть въ отношенiяхъ, такъ какъ форма всегда въ связи съ матерiею, тѣмъ не менѣе, однакожъ, отлично отъ одного, такъ что можетъ быть разсматриваемо и особо, само по себѣ.

римъ, причастно сущности, если мы возьмемъ его само по себѣ, только разсудкомъ, безъ того, чего оно причастно, явится ли чисто однимъ, или это само будетъ многое?—Я думаю, однимъ.—Посмотримъ-ка: не необходимо ли, чтобы другое В. была его сущность, и другое—само оно, если одно—не сущность, но есть одно, сдѣлавшееся причастнымъ сущности?—Необходимо.—Если же другое—сущность и другое—одно, то не оттого выходитъ другимъ одно, что одно существуетъ, и не оттого—сущность, что сущность есть, но они взаимно отличны въ силу отличнаго и инаго ¹.—Конечно, такъ.—Такъ что отличное не тождественно ни съ однимъ, ни съ сущностию.—Какъ же.—Что же? если бы мы избрали изъ нихъ, все равно, либо сущность и отличное, либо сущность и одно, С. либо одно и отличное, то въ каждомъ избраніи избираемъ не двоичное ли что нибудь, къ чему можно правильно прило-

¹ Какъ скоро τὸ εἶν и τὸ οὐ разсматриваются такъ, что опредѣляется, какова природа того и другаго сама по себѣ,—очевидно, должно выступить на видъ взаимное различіе ихъ. Отсюда вытекаетъ понятіе различія, которое не содержится ни въ одномъ, ни въ природѣ сущности, но приходитъ отъ нея: это—какъ бы отрицательная связь, соединяющая оба момента τῶ ἐνός οὐτος. Въ существѣ конечномъ элейскій философъ предполагаетъ три коренныхъ числа, изъ соединенія и умноженія которыхъ происходятъ всѣ безконечные ряды чиселъ; а соединеніе и умноженіе ихъ производится не иначе, какъ чрезъ вхожденіе различія между однимъ и сущностию. Различію приписывается здѣсь такая сила, которою всегда раздѣляются матерія и форма сущности конечнаго; такъ какъ матерія и форма имѣютъ каждая особую природу, и потому несогласны между собою. Не смотря, впрочемъ, на это несогласіе, онѣ такъ тѣсно соединены одна съ другою, что никогда не могутъ быть доведены до совершеннаго отдѣленія. Поэтому сдѣланное прежде различіемъ отдѣленіе ихъ одной отъ другой можетъ продолжаться въ безконечность; ибо подлинная природа τῶ οὐτος ἐνός такова, что его стихіи, сохранившіеся въ каждой отдѣленной части, снова вырываются наружу, и эта часть снова является какъ образъ тѣснѣйшаго соединенія матеріи и формы, между которыми опять становится различіе. И такъ до безконечности. Отсюда становится очевидно, что одно заключаетъ въ себѣ безконечное множество частей и формъ, изъ которыхъ каждая, сама въ себѣ, одна и абсолютна: это—идеи.—Что касается словъ τὸ ἕτερον и ἄλλο, стоящихъ здѣсь совмѣстно и означающихъ различіе, то они у грековъ употреблялись смѣшанно; напр. Но ηερ. Πιαδ. IX, v. 468 sq.: Οὐδὲ ποτ' ἕσθη πῦρ, ἕτερον μὲν ὑπ' αἰθούσῃ εὐερχόμεο αὐτῆς, ἄλλο δ' ἐνὶ προδόμῳ. Ib. v. 313: δὲ ἕτερον μὲν κεῖθη ἐνὶ φρεσίν, ἄλλο δὲ εἶπη. См. Eustath. p. 764, ed. Rom. Plato, de Rep. IV, p. 439 B: οὔτ' ἄλλο μὲν ἢ ἀπωθοῦσα χεῖρ, ἕτερα δὲ ἢ προσαγομένη. Ib. p. 436

- жить названіе *оба*?—Какъ?— Вотъ какъ: можно ли сказать *сущность*?—Можно.—И тотчасъ сказать *одно*.—И это можно.—Такъ называется не то ли и другое изъ нихъ?—Да.—Что же, когда я скажу *сущность* и *одно*,—развѣ это не *оба*?—Конечно.—Значить, то же, когда—*сущность* и *отличное*, либо *отличное* и *одно*, и такъ во всѣхъ случаяхъ,—каждый
- D. разъ я говорю *оба*?—Да.—Но къ чему правильно прилагается слово *оба*, въ томъ возможно ли обоимъ-то быть, а двумъ нѣтъ?—Невозможно.— А въ чемъ были два, есть ли какая нибудь возможность тому или другому изъ нихъ не быть однимъ?—Никакой.—Стало быть, когда они сходятся отдѣльно по два, то каждое отдѣльное будетъ и одно.—Явно.—Если же каждое изъ нихъ есть одно, то, по сложеніи какого либо одного съ какою бы то ни было парю ихъ, не выйдетъ ли всего три?—Да.—Но три не есть ли нечетъ, а два—четъ?—Какъ же иначе.—Что же теперь? когда есть два,
- E. не необходимо ли есть и дважды, а когда три—трижды, если два предполагаетъ дважды одно, а три—трижды одно?—Необходимо.—Но гдѣ есть два и дважды, тамъ не необходимо ли быть дважды-двумъ? а гдѣ есть три и трижды, тамъ не необходимо ли тоже быть трижды-тремъ?—Какъ не необходимо.—Что еще? гдѣ есть три и есть дважды, и гдѣ есть два и есть трижды, тамъ не необходимо ли быть дважды-тремъ и трижды-двумъ?—Совершенно необходимо.—Стало
144. быть, необходимо быть и четно-чету, и нечетно-нечету, и нечетно-чету, и четно-нечету.—Это такъ.—А если это такъ, то остается ли, думаешь, какое нибудь число, которое не являлось бы необходимо?—Отнюдь нѣтъ.—Слѣдовательно, если есть одно, то необходимо быть и числу.—Необходимо.—А когда есть число, выйдетъ многое; и вещи, по множеству, будутъ безпредѣльны. Развѣ число, по мно-

A: πανθάνομεν μὲν ἑτέρω, θυμούμεθα δὲ ἄλλω ἐν ἡμῖν. Legg. X, p. 889 E: καὶ τὰ κατὰ φύσιν μὲν ἄλλα εἶναι, νόμῳ δὲ ἕτερα. Theaet. p. 185 A: ἃ δι' ἑτέρας δυνάμεως αἰσθάνει, ἀδύνατον δὲ ἄλλης αἰσθάνεσθαι, et al.

жеству, не безпредѣльно, если оно бываетъ причастно и сущности?—Конечно, безпредѣльно.—Но какъ скоро все число причастно сущности, то и каждая часть числа не будетъ ли в. причастна ей?—Да.—Стало-быть, сущность раздѣлилась по всему множеству вещей, и не отступаетъ ни отъ одной существенности,—какъ наименьшей, такъ и наибольшей? Или объ этомъ нелѣпо и спрашивать? ибо какъ сущность-то могла бы отступать отъ существенностей?—Никакъ.—Слѣдовательно, она раздроблена до послѣдней возможности—по наименьшему и наибольшему, и по всячески существующему, разчленена какъ ничто иное, и частей сущности—безъ конца.—Такъ. С. —Стало быть, части ея многочисленны.—Конечно, многочисленны.—Такъ что же? есть ли какая изъ нихъ, которая хотя и есть часть сущности, однако не часть ¹?—Да какъ же это могло бы быть?—Но если она есть, то необходимо ей, думаю, пока есть, всегда быть чѣмъ либо однимъ, и не быть однимъ невозможно.—Необходимо.—Стало быть, всякой отдѣльной части сущности присуще одно, не оставляющее ни меньшей, ни большей части, и никакой иной.—Такъ. D. —Будучи же повсюду однимъ, не есть ли оно вмѣстѣ цѣлое? Собрази это.—Соображаю, и вижу, что это невозможно.—Стало быть, оно разчленено, если не есть цѣлое; ибо присоединяться ко всѣмъ вмѣстѣ частямъ сущности будетъ возможно, вѣроятно, не иначе, какъ разчленившись.—Да.—А разчленившемуся-то крайне необходимо быть столькимъ, сколько частей.—Необходимо.—Слѣдовательно, мы неправду недавно говорили, полагая, будто бы сущность раздѣлена на весьма многія части; вѣдь она въ своемъ дѣленіи, по числу

¹ Доказавъ, что сущность раздроблена на безконечное множество частей, потому что сущности причастны всѣ числа, Парменидъ говоритъ теперь, что то же самое относится и къ одному; ибо изъ того, что части сущности безчисленны, и что взятая каждая отдѣльно, сами по себѣ, онѣ суть нѣчто единое, ясно слѣдуетъ, что сущность, входя во всякую изъ частей, чрезъ то самое никогда не отдѣляется отъ единого, а потому и единое вмѣстѣ съ нею распадается на части. Въ этомъ доказательствѣ то ѣв видимо получаетъ уже не тотъ смыслъ, какой имѣло оновъпрежнемъ рассужденіи.

- Е. частей, не больше одного, но, какъ видно, равна одному, такъ какъ ни сущее не разстается съ однимъ, ни одно съ сущимъ, но эти два всегда и во всемъ уравниваются.—Представляется совершенно такъ.—Стало быть, само одно, раздробленное сущностию, есть многое и, по множеству, безпредѣльное.—Явно.—Слѣдовательно, не только сущее есть многое, но и одному, раздѣленному сущимъ, необходимо быть многимъ.—Безъ сомнѣнія, такъ.—И однакожь, такъ какъ части суть части именно цѣлаго, то, по цѣлому, одно будетъ опредѣленно. Развѣ части не объемлются цѣлымъ?—Необходимо.—А объемлющее-то будетъ предѣль.—Какъ не предѣль?—Стало быть, одно, какъ сущее, вѣроятно, есть и одно и многое, и цѣлое и части, и опредѣленное и, по множеству, безпредѣльное.—Явно.—А если оно опредѣленно, то не имѣетъ ли крайностей?—Необходимо.—Что же? если оно—цѣлое, то не имѣетъ ли начала, середины и конца ¹? Развѣ возможно чтонибудь цѣлое, безъ этихъ трехъ? И если бы отпало хотя одно изъ нихъ,—будетъ ли уже цѣлое?—Не будетъ.—Такъ
- В. одно имѣетъ, какъ видно, и начало, и конецъ, и середину.—Имѣетъ.—Но середина-то одинаково отстоитъ отъ крайностей, потому что иначе не была бы и серединою.—Конечно, нѣтъ.—Будучи же такимъ, одно причастно, какъ видно, и какойнибудь фигуры, напримѣръ, прямолинейной, круглой, или иной, смѣшанной изъ обѣихъ.—Конечно, причастно.—А съ такимъ видомъ не будетъ ли оно и въ себѣ, и въ

¹ Философъ отдѣльныя формы существа конечнаго примѣнилъ сперва къ числамъ, а теперь ихъ природу описываетъ геометрическими пропорціями, придаетъ имъ начало, середину, конецъ,—слѣдовательно, фигуру; но при этомъ никакъ нельзя думать, что съ идеями онъ соединяетъ пропорціональность и фигурность тѣлесную. Это можно почитать какъ бы только символическимъ способомъ выраженія или ученія, который указываетъ намъ природу идей міра, созерцаемую окомя ума, подъ образами фигуръ. Мнѣніе наше подтверждается самимъ Платономъ (*Resp. libr. VII, p. 526 C—527 C*), который учитъ, что желающій почерпнуть изъ геометріи истинную пользу долженъ отвлекать умъ отъ фигуръ вещей чувствопостигаемыхъ, созерцать безтѣлесное и всѣ геометрическія пропорціи вещей видѣть внѣ матеріи. Такимъ только образомъ умъ мало по малу поднимется къ самой природѣ вещей и къ истинѣ.

иномъ ¹?—Какъ?—Вѣроятно, каждая изъ частей находится въ цѣломъ, и ни одна внѣ цѣлаго.—Такъ.—И всѣ части объ-
емлются цѣлымъ?—Да.—И одно составляютъ именно всѣ С.
его части,—не больше что нибудь и не меньше, какъ всѣ.
—Конечно, не больше и не меньше.—Поэтому одно не есть
ли и цѣлое?—Какъ не цѣлое.—Слѣдовательно, если всѣ части
находятся въ цѣломъ, если всѣ онѣ составляютъ одно и
само цѣлое, и всѣ объемлются цѣлымъ; то одно будетъ об-
нимаемо однимъ, и такимъ образомъ одно будетъ уже само
въ себѣ.—Явно.—Но съ другой стороны, опять, цѣлое-то—не
въ частяхъ, ни во всѣхъ, ни въ нѣкоторыхъ; вѣдь если во
всѣхъ, то необходимо и въ одной, такъ какъ, не находясь
въ одной, оно, вѣроятно, не могло бы уже находиться и во D.

¹ Изъ сказаннаго выше философъ выводитъ, что одно конечное и содержится въ себѣ самомъ, и заключено въ иномъ. О первой половинѣ мысли сказать почти нечего; ибо явно, что отдѣльныя идеи, или части существа конечнаго, находятся въ его объемѣ и составляютъ съ нимъ одно. Но почему Парменидъ полагаетъ, что цѣлое должно вращаться въ чемъ нибудь другомъ? Это надобно понимать такъ, что одно, какъ соединенное съ сущностію и потому опредѣленное, не можетъ не имѣть какого нибудь внѣшняго состоянія,—а иначе оно было бы неопредѣленнымъ. Стало быть, одному, составляющему цѣлое, необходимо находиться въ какомъ нибудь внѣшнемъ отношеніи. Если же спросили бы: что надобно разумѣть подъ именемъ инаго, въ чемъ заключено конечное одно?—мы, безъ сомнѣнія, отвѣчали бы, что конечную сущность философъ мыслить здѣсь въ отношеніи къ матеріи тѣлъ, какъ къ нѣкоторому внѣшнему ея образу. Этотъ нашъ отвѣтъ подтверждается и Тимеемъ, гдѣ матерію тѣлъ Платонъ называетъ *ξυμπίπτον*, приемникомъ истинной сущности, испытывающимъ на себѣ ея силу (Tim. p. 40 C). Понятіе Платона о матеріи порядочно изложено еще древними философами, особенно неоплатониками. Аристотель (Phys. IV, 2) τὴν ἄλην, которой, впрочемъ, самъ Платонъ этимъ именемъ не означалъ, именуется τὴν ἡώραν; да и у Платона въ Тимеев (p. 52 A) матерія есть γένος τῆς ἡώρας, или то, что способно принимать всѣ формы, и этимъ именно характеризуется ея природа. Понятіе Платоновой матеріи тонко анализируетъ Апулей (De habit. doct. Plat. p. 3): Materiam vero inprocreabilem incorruptamque commemorat, non ignem, neque aquam, nec aliud de principiis et absolutis elementis esse, sed ex omnibus primam et figurarum capacem factionique subjectam, adhuc rudem et figuratationis qualitate viduatam.—Sed neque corpoream neque sane incorpoream esse concedit. Ideo autem non putat corpus, quod omne corpus specie qualicumque non careat. Sine corpore vero esse non potest dicere, quia nihil incorporeale corpus exhibeat: sed vi et ratione sibi non videri corpoream.—Sed quae substantiam non habent corpoream, cogitationibus ea videri: unde adulterata opinione ambiguan materiae hujus intelligi qualitatem (Chalcid. in Tim. p. 461).

всѣхъ-то. И если эта одна есть одна изъ всѣхъ, цѣлаго же въ ней нѣтъ, то какъ будетъ оно заключаться во всѣхъ?— Никакъ.—Равно и не въ нѣкоторыхъ изъ частей; ибо если бы цѣлое находилось въ нѣкоторыхъ, то большее заключалось бы въ меньшемъ, что невозможно.—Конечно, невозможно.—Но какъ скоро цѣлаго нѣтъ ни во многихъ частяхъ, ни въ одной, ни во всѣхъ, то не необходимо ли быть ему или въ другомъ чемъ либо, или уже не быть нигдѣ ¹?—Необходимо.

Е. —Не будучи же нигдѣ, оно было бы ничто; а будучи цѣлымъ и находясь не въ себѣ, не необходимо ли будетъ оно въ иномъ?—Конечно.—И такъ, поколику одно есть цѣлое, оно находится въ иномъ, а поколику существуетъ во всѣхъ частяхъ, оно—само въ себѣ; такимъ образомъ одно, необходимо, и само въ себѣ, и въ другомъ.—Необходимо.—Если же одно по природѣ таково, то не необходимо ли и двигаться ему, и стоять ²?—Какимъ образомъ?—Оно, вѣроятно, стоитъ, если

¹ Такъ какъ τὸ ἓν рассматривается здѣсь въ значеніи τοῦ ὄντος, то необходимо, чтобы τὸ ὅλον αὐτοῦ находилось въ какомъ нибудь вѣншемъ состояніи и условіи; потому что самое это бытъ, по мнѣнію философа, есть не иное что, какъ находится въ формальныхъ и условныхъ отношеніяхъ. А отсюда ясно, почему Парменидъ говоритъ, что если бы одно не было нигдѣ, если бы, то есть, не находилось оно ни въ какомъ состояніи, ни въ какихъ условіяхъ, то его и не было бы. Потому-то онъ заключаетъ, что одно, какъ нѣкоторое цѣлое, ἐν ᾧ ἅλα εἶνα.

² Здѣсь единству приписывается способность двигаться и стоять. Его стояніе ясно выводится изъ предъидущихъ его отношеній къ себѣ и къ иному: ибо Существо конечное, или идея,—общее ли оно, или частное,—будучи рассматриваемо само въ себѣ, какъ природа абсолютная, постоянная и неизмѣняемая, всегда самодовольно и не стремится ни къ чему; а поколику вступаетъ въ условія и относится къ тому, чѣмъ вѣн его,—идея ли это, или матерія тѣлъ,—оно представляется уже въ движеніи, и это движеніе, по различному сродству его съ вѣншимъ, необходимо должно быть различно и многообразно. Такому объясненію служить подтвержденіемъ одно мѣсто въ Софистѣ (р. 246 A sqq.), гдѣ также каждой идеѣ приписывается покой и движеніе, потому что она имѣетъ природу и простую, вѣчную, по которой, кажется, не подлежить никакимъ пермѣнамъ, и вѣнствъ, ради своихъ отношеній, принимаетъ различныя формы, слѣдовательно, нѣкоторымъ образомъ вступаетъ въ движеніе. Платонъ полагалъ, что идеи, абсолютныя и постоянныя сами по себѣ, въ отношеніи къ матеріи слѣдуетъ представлять измѣняемыми, живыми, общительными и дѣйственными. Онъ идетъ прямо на перерѣзъ мнѣніямъ тѣхъ, которые хотя и не отвергали, что Парменидова сущность раздѣлена на безчисленное множество частей, однакожъ

находится само въ себѣ; потому что, будучи въ одномъ и не исходя изъ него, оно будетъ въ томъ же, въ себѣ.—Кочечно, такъ.—А что пребываетъ всегда въ томъ же, тому, вѣроятно, необходимо всегда стоять.—Конечно.—Что же? всегда находящемуся въ другомъ не необходимо ли, напротивъ, никогда не быть въ томъ же, никогда не бывая въ томъ же, никогда не стоять, а никогда не стоя, всегда двигаться?—Такъ.—Стало быть, необходимо, чтобы одно, будучи въ себѣ и въ другомъ, всегда двигалось и стояло.—Явно.—Притомъ, оно должно быть и тождественно-таки ¹ съ собою, и отлично отъ себя; равно какъ и въ отношеніи къ другимъ вещамъ ²—отождествляться съ ними и отличать-ся отъ нихъ,—если принадлежатъ ему прежде упомянутыя свойства.—Какъ?—Все ко всему, вѣроятно, относится такъ: оно или то же, или отлично; или если не то же и не отлично, то, можетъ быть, составляетъ часть того, къ чему такъ относится, или же стоитъ къ нему въ отношеніи цѣ-

эти формы почитали вѣчными и какъ бы косными, недвижимыми и не имѣющими никакого общенія. Такъ думали философы мегарскіе, сколько видно это изъ указаннаго выше мѣста въ Софистъ (р. 246 А sqq.).

¹ Парменидъ учитъ, что одно и тождественно, какъ съ самимъ собою, такъ и съ инымъ, и отлично, какъ отъ себя, такъ и отъ инаго. Здѣсь надобно замѣтить, что Платонъ свое τῆσφ ρῆζκο отличаетъ отъ самого единства и настолько приписываетъ его вещамъ или идеямъ, насколько онѣ усматриваются подъ тѣми же признаками и получаютъ то же свойство и природу. Посему тождественное онъ правильно противопоставляетъ иному, то есть, отличному, усматриваемому какъ бы въ какомъ-то несогласіи природы. Здѣсь, во первыхъ, показывается, что одно, не могущее ни отличаться отъ самого себя, ни составлять часть или цѣлое самого себя, совершенно соответствуетъ самому себѣ и есть вполне τῆσφ. Этимъ означаетъ абсолютное тождество его природы, которое необходимо приписать ему, поколику оно разсматривается само въ себѣ; ибо идея сама по себѣ единична и проста, и не содержитъ ничего, что возмущало бы ея равенство и постоянство. Но, съ другой стороны, одно находится въ отношеніи, и чрезъ то является отличнымъ отъ себя, такъ какъ при этомъ инымъ представляется внутреннее его отношеніе, которымъ обуславливается общность его частей и формъ, и инымъ опять—отношеніе внѣшнее, состоящее въ томъ, что идея относится или одна къ другой, или къ инымъ вещамъ, и становятся какъ бы во внѣшнія условія.

² Равно какъ и къ другимъ (вещамъ), по гречески—καὶ τοῖς ἄλλοις ὡσαύτως. Доселѣ ἕτερον или ἄλλο употреблялись безъ члена; а теперь вдругъ вно-

- лаго къ своей части ¹.—Явно.—Такъ само одно есть ли часть себя?—Отнюдь.—Слѣдовательно, не будетъ и цѣлымъ самого себя, какъ бы части, стоя въ отношеніи къ себѣ, какъ къ части.—Потому что это невозможно.—Но одно отлично ли отъ одного?—Ну, нѣтъ.—Стало быть, оно не
- С. отлично и отъ себя-то.—Конечно, нѣтъ.—Такъ если оно само въ отношеніи къ себѣ не есть ни отличное, ни цѣлое, ни часть, то не необходимо ли уже быть ему самому для себя тѣмъ же?—Необходимо.—Что же теперь? тому, что находится въ иномъ мѣстѣ отъ себя, пребывающаго въ самомъ себѣ, не необходимо ли ему быть отличнымъ отъ себя, если оно будетъ инуду?—Мнѣ кажется.—А такимъ дѣйствительно представилось намъ одно, что оно находится вмѣстѣ и само въ себѣ, и въ другомъ.—Да, представилось.—Стало быть, такимъ-то образомъ ² одно, какъ видно, отлично
- Д. отъ себя.—Походить.—Такъ что же? если нѣчто отъ чего нибудь отлично, то не отъ отличнаго ли будетъ отлично?—Необходимо.—Поэтому, что—не одно ³, все такое не отлично ли отъ одного, равно какъ одно—отъ того, что не одно?—Какъ не отлично.—Стало быть одно будетъ отлично отъ инаго.—Отлично.—Смотри же, само тожественное и отличное не противны ли между собою?—Какъ не противны.—Такъ захочетъ ли то же быть въ отличномъ, или отлич-

сится τοῖς ἄλλοις. Такое выраженіе возбуждаетъ мысль къ представленію предмета опредѣленнаго. Но τὰ ἄλλα здѣсь не идеи, отличныя отъ другихъ идей, а скорѣе познаваемые чувствомъ вещи, которыя, въ сопоставленіи съ идеями, весьма прилично означаются именемъ τῶν ἄλλων или τῶν ἑτέρων. И такъ какъ всѣмъ идеямъ свойственно единство, то, въ самомъ дѣлѣ, ничего не остается болѣе, какъ съ словомъ τὰλλα соединить значеніе чувствовостигаемой матеріи тѣлѣ; ибо ей свойственно быть природою грубою и безформенною, чуждою единства.

¹ Здѣсь, очевидно, вводится третіе, нѣчто среднее между ταῦτόν и τὸ ἕτερον; ибо что составляетъ часть или цѣлое какой нибудь вещи, то не есть ни ταῦτόν, ни ἕτερον.

² Въ подлинникѣ: ἕτερον ἄρα, ὡς εἶπεν, εἰη ταύτη αὐ ἐαυτοῦ τὸ εἶν. Не безъ причины говорится ταύτη: этимъ выражается, что только такимъ способомъ одно отлично отъ самого себя.

³ То есть, все, что обнимаетъ въ себѣ одно не въ силу своей природы, а подъ этимъ разумѣются вещи чувствовостигаемыя, которыя получили сущность уже отъ идей.

ное—въ томъ же?—Не захочеть.—Слѣдовательно, если отличное никогда не бываетъ въ томъ же, то нѣтъ ничего изъ существностей, въ чемъ отличное пребывало бы когда нибудь; ибо если бы оно было въ чемъ нибудь когда нибудь, то тѣмъ временемъ отличное было бы въ томъ же. Не такъ ли?—Такъ.—А какъ оно никогда не бываетъ въ томъ же, то и ни въ чемъ существенномъ никогда не можетъ быть ¹ отличнаго.—Правда.—Стало быть, отличное не находится ни въ томъ, что не одно, ни въ одномъ.—Ужъ конечно, нѣтъ.—Поэтому не чрезъ отличное-то будетъ отлично одно—отъ того, что не одно, и то, что не одно,—отъ одного.—Конечно, нѣтъ.—Но, не приобщаясь отличнаго, они даже и чрезъ самихъ-то себя взаимно не будутъ отличны.—Какъ быть.—Если же они не отличны ни чрезъ себя, ни чрезъ отличное, то не совершенно ли ускользнетъ всякое взаимное различіе между ними?—Ускользнетъ.—Но вѣдь то, что не одно, не причастно и одного-то; ибо иначе было бы оно не одно, а нѣкоторымъ образомъ одно.—Правда.—То, что не одно, не было бы также и числомъ ; потому что, имѣя число-то, оно такъ во все и не было бы не однимъ.—Ужъ конечно, нѣтъ.—Что же? то, что не одно, не представляетъ ли собою части одного? Или такъ не одно было бы причастно одного?—Было бы причастно.—Слѣдовательно, если всячески то есть одно, а это—не одно, то одно не будетъ ни частью того, что не одно, ни цѣлымъ изъ тѣхъ частей; и наоборотъ, то, что не одно, не представится ни частями одного, ни цѣлымъ по отношенію къ одному, какъ части.—Конечно, нѣтъ.

¹ Это положеніе Парменида можетъ показаться страннымъ: но та дѣла здѣсь суть предметы, взятыя въ значенія предметовъ абсолютныхъ, какова, напримѣръ, справедливость, не знающая ничего себѣ противнаго. Поэтому и то ѣв, или то ѣѣ, разсматриваемое само по себѣ, не принимается въ себя отличнаго.

² Парменидъ сказалъ это на томъ основаніи, что число есть знакъ природы опредѣленной. Посему то, что не есть одно, будучи разсматриваемо само по себѣ, не должно даже казаться и конечнымъ; имѣя же число, оно не было бы отлично отъ одного.

—Но мы сказали, что вещи, если онѣ ни части, ни цѣлое, ни взаимно различны, будутъ между собою тѣмъ же.—Да, сказали.—Скажемъ ли, стало быть, что и одно, коли оно такъ относится къ тому, что не одно, есть то же ¹ съ нимъ?—Скажемъ.—Стало быть, одно, какъ видно, отлично и отъ иныхъ вещей, и отъ себя, равно какъ тождественно и съ ними, и съ собою.—По ходу-то разсужденія, должно быть, с. такъ.—Такъ не будетъ ли оно и подобно, и не подобно себѣ и инымъ вещамъ?—Можетъ быть.—Если вѣдь явилось оно отличнымъ отъ иныхъ вещей, то и инныя вещи, вѣроятно, будутъ отличны отъ него.—Какъ же.—И не такъ же ли оно отлично отъ иныхъ вещей, какъ инныя вещи отличны отъ него,—ни больше, ни меньше?—Почему бы нѣтъ.—Если же ни больше, ни меньше, то одинаково.—Да.—Отсюда, насколько получило оно свойство быть отличнымъ отъ иныхъ вещей, а инныя вещи, равномерно,—отъ него; настолько получили свойство и быть тождественными—одно съ иными вещами, и инныя вещи съ однимъ.—Какъ

¹ Здѣсь Парменидъ учитъ, что одно не только не разнорѣчить съ инымъ, но и совершенно согласно съ нимъ. Доказательство этого положенія начинается съ того, что τὸ εἶν не отлично, говоритъ Парменидъ, отъ τοῖς ἄλλοις. Онъ представляетъ виды абсолютной разницы и абсолютнаго тождества, или αὐτὸ τὸ ταῦτόν и αὐτὸ τὸ ἕτερον, и полагаетъ, что последнее противоположно первой, ибо понятие соотвѣтственности, разсматриваемой по себѣ, никакъ не можетъ быть согласено съ понятіемъ абсолютной разницы. Ходъ Парменидова доказательства таковъ: Такъ какъ τὸ αὐτὸ и τὸ ἕτερον противорѣчатъ одно другому, то быть не можетъ, чтобы въ какой нибудь вещи усматривалась разница; потому что иначе она находилась бы и въ ταῦτ'᾽, или въ томъ, что совершенно равно самому себѣ. Въ этомъ мѣстѣ τὰ ὄντα у Парменида, очевидно, есть то, что само въ себѣ абсолютно и разсматривается безъ сравненія съ иными вещами. А такимъ образомъ все, что есть, должно быть ταῦτόν, и не терпитъ никакой разницы въ своей природѣ. Но отсюда уже вытекаетъ, что ни въ одномъ, ни въ иномъ нѣтъ τὸ ἕτερον. Смыслъ этого заключенія понять не трудно. Всякая идея въ себѣ должна быть одна и проста; такъ что къ ней не примѣшивается ничто чуждое или отличное. Но такъ какъ τὸ εἶν конечно, то выходитъ, что и τὰ ἄλλα или τὰ ἕτερα не лишены сущности, а восприняли въ себя нѣкоторую форму и законъ; е, по-коликую все это происходитъ изъ міра идей,—все это, конечно, должно быть то же, что идея. Отсюда Парменидъ хитро заключаетъ: τὸ εἶν καὶ τὰ μὴ εἶν μὴ ἕτερα νεῖαι ἀλλήλων.

ты говоришь?—Вотъ какъ: каждое изъ именъ не прилага- D. ешь ли ты къ чему нибудь?—Прилагаю.—Такъ что же? то же самое имя не произносишь ли и много разъ, а не однажды?—Произношу.—Но если, выговаривая его однажды, ты называешь то, чего оно имя, то, выговаривая часто,—развѣ уже не то? Или, однажды ли, часто ли произносишь то самое имя,—крайне необходимо тебѣ всегда то же самое и выражать?—Какъ же.—Не придается ли чему нибудь и отличное въ значеніи имени?—Конечно.—Стало быть, когда ты E. произносишь его,—однажды ли, часто ли,—не къ иному чему прилагаешь и не иное что называешь, какъ то, чему оно было именемъ.—Необходимо.—Поэтому, когда мы говоримъ, что иное отлично отъ одного и что одно отлично отъ инаго, тогда слово *отлично*, хоть и произносимъ его дважды, прилагаемъ ничуть не къ иной, а все къ той же природѣ, которой оно было именемъ.—Конечно, такъ.—Стало быть, поскольку одно отлично отъ иныхъ вещей и иныя вещи отличны отъ одного, постольку одно, въ силу именно того же свойства 148. отличія, испытываетъ не иное, но то же самое, что и другія вещи. Но чтò испытываетъ то самое, то подобно. Не такъ ли?—Да.—И поскольку одному свойственно быть отличнымъ отъ иныхъ вещей, постольку же каждое каждому подобно ¹; потому что каждое отъ каждаго отлично.—Походить.—Но подобное-то противно не подобному.—Да.—Равно и отличное—тожественному.—И это.—Да и то-то однакожъ оказалось, что одно тожественно съ иными вещами.—Конечно, оказалось.—Но быть тѣмъ же съ иными вещами,—это-то B. свойство противно другому—быть отличнымъ отъ иныхъ вещей.—Конечно.—А поколику отлично-то, оно оказалось

¹ Парменидъ доказываетъ, что одному, въ отношеніи къ прочимъ вещамъ, принадлежить подобіе, и доказательство свое основываетъ на взаимной разности одного и прочаго или инаго. Такъ какъ отношеніе этихъ членовъ одинаково въ ту и другую сторону,—поколику, то есть, одно столько же разногласить съ прочимъ, какъ и прочее съ однимъ,—то, по своему отношенію, они, очевидно, подобны.

подобнымъ.—Да.—Стало быть, при тожествѣ оно будетъ не подобно, въ силу свойства, противнаго свойству уподобляющему;—вѣдь для уподобленія служило отличіе.—Да.—Значить, тожество сдѣлаетъ его ¹ не подобнымъ; иначе не будетъ противно отличному.—Походить.—Стало быть, одно будетъ подобно и не подобно прочимъ вещамъ: поколику С. отлично,—подобно, поколику тожественно,—не подобно.—Да, будетъ, какъ видно, и такое отношеніе.—Притомъ и вотъ какое.—Какое?—Поколику испытало оно то же, испытало не иное; испытавъ не иное, оно не неподобно, а ставъ не неподобнымъ, уподобилось; но если испытало иное, оно становится инымъ, а будучи инымъ, оно не подобно ².—Ты правду говоришь.—Стало быть, одно, будучи тожественно инымъ вещамъ и отлично отъ нихъ, какъ по обоимъ свойствамъ, такъ и по каждому изъ нихъ порознь, будетъ подобно и не подобно инымъ вещамъ.—Код. D. нечно.—Поэтому и себѣ такимъ же образомъ,—такъ какъ оказалось оно и отличнымъ отъ себя, и тожественнымъ съ собою,—по обоимъ свойствамъ и по каждому порознь, окажется подобнымъ и не подобнымъ.—Необходимо.—Что же

¹ Доказавъ выше, что одно и прочее подобны, Парменидъ теперь доказываетъ противоположное,—что они не подобны. Подобіе ихъ вывелъ онъ изъ представленія разности, одинаково свойственной тому и другому члену; а неподобіе, наоборотъ, выводитъ изъ того, что каждому изъ нихъ свойственна ταὐτότης. Ходъ доказательства таковъ: Какъ мыслимое одно, такъ и находящееся внѣ его, или τὰ ἄλλα, имѣютъ свойственное себѣ ταὐτόν. Но чтó съ самимъ собою тожественно, то, въ отношеніи къ другому, чтó также тожественно, не можетъ не быть не подобнымъ. Всякій легко замѣтитъ, что самое постоянство и равенность собственной природы, приписываемыя какъ одному, такъ и иному, производятъ то, что неподобіе ихъ болѣе проясняется и выступаетъ наружу. Хотя сущность обща тому и другому; но и при этомъ однакож одно не подобно прочему; потому что и первое и послѣднее имѣютъ частныя свои формы и слѣдуютъ особымъ законамъ.

² Здѣсь Парменидъ доказываетъ подобіе и неподобіе одного и прочаго изъ основаній, совершенно противныхъ прежнимъ. Одно и прочее, говорятъ, обнаруживаютъ полную соотвѣтственность и равенность своей природы; и такъ какъ это обще тому и другому, то они подобны. Таково же доказательство и неподобія ихъ: выше было найдено, что между однимъ и прочимъ есть разница; слѣдовательно, имъ принадлежать различныя свойства, и они поэтому не подобны.

теперь относительно того ¹, касается ли одно себя и иных вещей, или не касается,—какъ это будетъ? Наблюдай.—Наблюдаю.—Вѣдь одно оказалось существующимъ въ себѣ, какъ въ цѣломъ.—Правильно.—Но одно не находится ли и въ иныхъ вещахъ?—Да.—Стало быть, поскольку находится оно въ иныхъ вещахъ, постольку касается ихъ; а поскольку Е. заключается въ себѣ, постольку встрѣчаетъ препятствіе касаться иныхъ вещей и, будучи въ себѣ, касается само себя.—Явно.—Такимъ образомъ одно касается и себя, и иныхъ вещей.—Касается.—Что же тутъ-то? все, имѣющее коснуться чего нибудь, не должно ли лечь рядомъ близъ того, чего имѣетъ коснуться, занимая мѣсто, смежное съ другимъ, въ которомъ если бы лежало, касалось бы его?—Необходимо.—Стало быть, одно, если оно имѣетъ коснуться само себя, должно лечь какъ разъ рядомъ за собою и занять мѣсто, смежное съ тѣмъ, въ которомъ само находится ².—Конечно, должно.—И если бы одно было два, то сдѣлало бы это, и въ одно время находилось бы въ 149. двухъ мѣстахъ; но пока оно одно, вѣдь не захочетъ?—Конечно, не захочетъ.—Стало быть, та же необходимость требуетъ, чтобы одно и не было двумя, и не касалось само себя.—Та же.—Да одно не будетъ касаться и иныхъ вещей.—

¹ Надобно вспомнить, что Платонъ, для выраженія силы и природы идей, часто пользовался покровами образовъ, опредѣляемыхъ отношеніями пространства и времени,—къ идеямъ прилагалъ, на примѣръ, числа и фигуры. Это дѣлалъ онъ, конечно, оттого, что приписываемое идеямъ большею частію видѣлъ въ вещахъ, какъ отраженіе идей. Съ такою же цѣлію вводится здѣсь и понятие прикосновенія: имъ означается не иное что, какъ внѣшнее соединеніе или сліяніе, въ которомъ существо мыслимое находится или съ частями самого себя, или съ вещами чувствопостигаемыми.

² Такъ какъ прежде было доказано, что одно содержится и въ себѣ самомъ, и въ прочемъ, то теперь полагается, что оно касается и себя самого, и прочаго. Черезъ привхожденіе къ нему сущности, оно получаетъ такую силу отношенія, что соединяется не только съ собственными частями, но и съ вещами, внѣ его находящимися. Тогда какъ инныя его формы и виды содержатся и какъ бы вклучены въ иномъ, оно прикасается къ самому себѣ; а силою внѣшняго отношенія стремится также къ вещамъ чувствопостигаемымъ, такъ что имъ впечатлѣваются и какъ бы объемяются вещи, находящіяся внѣ его.

- Почему такъ?—Потому, что имѣющее коснуться, представляя нѣчто особое, должно, говоримъ, слѣдовать за тѣмъ, чего имѣеть коснуться, такъ чтобы третьяго между ними ничего не было.—Правда.—Слѣдовательно, должно быть по крайней мѣрѣ два, если имѣеть быть прикосновеніе.—Должно.—Когда же къ двумъ присоединится потомъ третье, вещей будетъ
- В. три, а прикосновеній два.—Да.—И такимъ образомъ, съ присоединеніемъ одного члена, всегда прибавляется и одно прикосновеніе, и выходитъ, что прикосновеній противу числа членовъ будетъ однимъ меньше; ибо насколько два первые члена превысили прикосновенія, будучи числомъ больше послѣднихъ, настолько и все дальнѣйшее число ихъ возвышается надъ всѣми прикосновеніями; такъ какъ далѣе къ тому числу
- С. ихъ прибавляется по единицѣ и къ прикосновеніямъ вмѣстѣ по одному прикосновенію.—Правильно.—И такъ, сколько бъ ни было существенностей,—прикосновеній всегда меньше ихъ единицею.—Правда.—Но если есть только одно-то, а двойцы нѣтъ,—прикосновеніе будетъ невозможно.—Конечно, невозможно.—Но иное, въ разсужденіи одного, говоримъ, и не есть одно, и не причастно его, какъ скоро оно есть иное.—Конечно, нѣтъ.—Если же въ иномъ нѣтъ одного, то въ иномъ, стало быть, нѣтъ и числа.—Какъ быть.—Слѣдовательно, иное не есть ни одно, ни два, и не имѣеть ника-
- Д. каго имени, принадлежащаго другому числу.—Не имѣеть.—Стало быть, только одно есть одно, а двойцы не будетъ.—Явно, что не будетъ.—А когда нѣтъ двойцы,—нѣтъ и прикосновенія.—Нѣтъ.—Если же нѣтъ прикосновенія, то ни одно не касается инаго, ни иное—одного.—Конечно, не касается.—Такъ по всему этому одно и касается инаго и себя, и не касается ¹.—Походитъ.—Не есть ли оно также равно и не равно какъ себѣ, такъ и иному?—Какъ?—

¹ Доказавъ выше, что одно касается и себя, и прочаго, Парменидъ теперь доказываетъ противное,—что оно не касается ни того, ни другаго. Мы видѣли, что мыслимое τὸ ἓν и τὰ ἄλλα Пармениду представлялись совершенно разъединенными и находящимися внѣ всякаго отношенія. Помня это, мы найдемъ правиль-

Если бы одно было больше или меньше, чѣмъ иное, либо, Е. опять, иное больше или меньше, чѣмъ одно, то, — не правда ли, — не тѣмъ, что одно есть одно, а иное — иное по отношенію къ одному, — не этими-то самыми сущностями были бы они больше или меньше другъ друга; но когда бы, кромѣ того, что оба эти члена таковы, присоединилось къ нимъ равенство, они были бы между собою равны, а если бы къ тому — великость, къ этому — малость, — на примѣръ, къ одному великость, къ иному малость, — то къ которому виду подошла бы великость, тотъ былъ бы больше, а къ которому — малость, тотъ меньше? — Необходимо. — Значитъ, такіе какіе-то виды — великость и малость — дѣйствительно есть? Потому что, если бы не было то ихъ, они, вѣроятно, не обнаруживали бы взаимной противности и не находились бы въ сущемъ. — Какъ находится ся бы. — И такъ, когда малость находится въ одномъ, — 150. находится она или въ немъ цѣломъ, или въ его части. — Необходимо. — Что же? если будетъ находится въ цѣломъ, то не такъ ли, что либо распространится, вровень съ однимъ, по всей его цѣлости, либо обойметъ его? — Явно. — Но малость, будучи вровень съ однимъ, не будетъ ли равна ему, а объемля его, не будетъ ли больше? — Какъ не будетъ. — А возможно ли, чтобы малость была равна чему нибудь, или больше чего нибудь, и производила дѣла великости и равенства, а не свои? — Невозможно. — Стало быть, въ цѣломъ в. одномъ не будетъ малости, а развѣ въ части. — Да. — Но даже и въ части-то не будетъ; а иначе она сдѣлаетъ то же, что сдѣлала въ отношеніи къ цѣлому, то есть, будетъ или равна, или больше той части, въ которой всякій разъ находится. — Необходимо. — Слѣдовательно, малость, не находясь ни въ ча-

нымъ заключеніе Парменида, что одно не касается ни себя самого, ни прочаго. Онъ весьма справедливо говорить, что одно, какъ одно, разсматриваемое абсолютно, не можетъ вращаться блезъ себя; ибо положи идею отдѣльно, саму въ себѣ, — она будетъ внѣ всякаго соединенія съ прочимъ. То же выйдетъ, если возьмешь отдѣльно прочее. Для взаимнаго прикосновенія ихъ требуется нѣчто третіе, соприкасающееся тому и другому и соединяющее ихъ въ себѣ.

- сти, ни въ цѣломъ, не будетъ содержаться ни въ чемъ изъ существенностей; такъ что не будетъ ничего малаго, кромѣ самой малости.—Походить, что нѣтъ.—Стало быть, не будетъ въ немъ и великости: ибо тогда было бы нѣчто
- C. иное большее, кромѣ самой великости,—то, въ чемъ содержалась бы великость, и притомъ—при отсутствіи самой малости, которую то, если оно велико, необходимо превышало бы; но это невозможно, такъ какъ малость не находится ни въ чемъ.—Правда.—Между тѣмъ сама великость не инаго чего больше, какъ самой малости, и малость не инаго чего меньше, какъ самой великости.—Конечно, не инаго.—Стало быть, иное, не имѣя ни великости, ни малости, и не больше, и не меньше одного; да и сами эти (идеи) заключаютъ въ себѣ
- D. силу превышать и быть превышаемыми не въ отношеніи къ одному, а въ отношеніи лишь другъ къ другу; и одно опять, не имѣя ни великости, ни малости, не будетъ ни больше, ни меньше какъ ихъ самихъ, такъ и инаго.—По этому-то явно.—Если же одно и не больше, и не меньше инаго, то не необходимо ли, чтобы оно и не превышало послѣдняго, и не было имъ превышаемо?—Необходимо.—А чтò и не превышаетъ-то, и не бываетъ превышаемо, тому крайне необходимо быть вровень; будучи же вровень, быть равнымъ ¹.
- E. —Какъ не быть.—Но вѣдь таково будетъ и само-то одно въ отношеніи къ себѣ: не имѣя въ себѣ ни великости, ни малости, оно не можетъ ни превышать себя, ни превышать-ся собою, но, будучи вровень, будетъ равно себѣ.—Конечно, такъ.—Стало быть, одно будетъ равно ² себѣ и иному.—

¹ Изъ того, что вещи и идеи, разсматриваемыя въ себѣ, не терпятъ сравненія ни по величинѣ, ни по малости, философъ заключаетъ, что великость и малость равны. Но такъ какъ безъ великости и малости нельзя мыслить и равенства, то легко понять, что это заключеніе Парменида не тонко. По ходу его мыслей, естественно было ожидать слѣдствія не о равенствѣ великости и малости, а о несоизмѣримости ихъ. Впрочемъ великость и малость на точкѣ высшаго отвлеченія легко могутъ представить равенство, просто въ абсолютномъ объемѣ отвлеченнаго понятія.

² Сущность Парменидова доказательства, что одно равно прочему, состоитъ въ

Явно.—Однакожь, будучи въ себѣ-то, оно будетъ и около себя, извнѣ: какъ объемлющее, оно больше себя, а какъ объемлемое, меньше. Такимъ образомъ одно будетъ больше 151. и меньше само себя.—Конечно, будетъ.—Впрочемъ и то необходимо, что внѣ одного и инаго нѣтъ ничего.—Какъ не необходимо.—И то, что всегда сущее-то должно быть гдѣ нибудь.—Да.—Но что находится въ чемъ нибудь, то не будетъ ли содержаться въ большемъ, какъ меньшее? Вѣдь одному находиться въ другомъ возможно не иначе.—Конечно.—А такъ какъ ничто другое не существуетъ особо отъ одного и инаго, эти же должны содержаться въ чемъ нибудь; то не необходимо ли уже быть имъ взаимно одному въ другомъ,—иному въ одномъ, а одному въ иномъ, или не быть нигдѣ?—Явно.—Стало быть, если одно находится в. въ иномъ, то иное, объемля одно, будетъ больше его, а одно, объемлемое инымъ,—меньше его. Когда же иное находится въ одномъ, одно, по той же самой причинѣ, будетъ больше инаго, а иное—меньше одного.—Походить.—Стало быть, одно и равно, и больше, и меньше—какъ само себя, такъ и инаго.—Явно.—Но если оно и больше, и меньше, С. и равно себѣ и иному, то, конечно, на известное число равныхъ, бѣльшихъ и меньшихъ мѣръ,—а какъ скоро мѣръ, то и частей.—Какъ же иначе.—Будучи же равныхъ, бѣльшихъ и меньшихъ мѣръ, оно и числомъ будетъ меньше и больше само себя и инаго, а потому будетъ также и равно какъ себѣ, такъ и иному.—Какъ?—Чего оно больше, въ отношеніи къ

слѣдующемъ: Если одно и прочее полагаются такъ, что разсматриваются особо и абсолютно, внѣ всякаго взаимнаго отношенія; то ни первое, ни послѣднее не будетъ доступно для великости и малости, тоже абсолютной. А по удаленіи отъ нихъ великости и малости, по которымъ вещи становятся больше или меньше, выйдетъ, что одно и прочее не бывають ни больше, ни меньше, и что, стало быть, одно какъ самому себѣ равно, такъ, по равности, соответствуетъ и прочему. Излагая это доказательство, Платонъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду ту мысль, что всякая идея, разсматриваемая въ себѣ, имѣетъ равный самой себѣ объемъ, и что сфера вещей чувствопостигаемыхъ, въ которыхъ выразились идеи, въ нѣкоторомъ смыслѣ, равняется самымъ идеямъ; ибо идея, въ обширнѣйшемъ ея значеніи, соответствуетъ понятію пр и р о д ы.

тому будетъ имѣть больше и мѣръ,—а сколько мѣръ, столько и частей; такимъ же образомъ, если чего оно меньше; то же—если чему равно.—Такъ.—Поэтому, будучи больше и меньше D. себя, или равно себѣ, не будетъ ли оно бѣльшихъ, равныхъ или меньшихъ мѣръ сравнительно съ собою? а когда мѣръ, то и частей?—Какъ не будетъ!—Стало быть, имѣя равное съ собою число частей, оно будетъ, по количеству, равно себѣ, при большемъ же числѣ ихъ, больше себя, а при меньшемъ—меньше.—Явно.—Не такъ ли одно будетъ относиться и къ иному? Когда оно оказывается больше инаго, —не необходимо ли ему быть и числомъ больше инаго, а когда меньше,—меньше? Или какъ скоро оно равно иному по величинѣ, не необходимо ли ему быть равнымъ и по количеству?—Необходимо.—Такимъ образомъ одно будетъ E. опять, какъ видно, числомъ и равно, и больше, и меньше какъ само себя, такъ и инаго ¹.—Будетъ.—Одно не причастно ли также и времени ², такъ что есть и бываетъ

¹ Парменидъ доказываетъ неравенство одного и прочаго, чрезъ соединеніе съ ними малости и великости. И не удивительно, что въ этомъ случаѣ одно и прочее должны явиться неравными; потому что теперь они поставляются во взаимное отношеніе, тогда какъ прежде разсматриваемы были отрѣшенно, безъ сравненія одного съ другимъ. Здѣсь, во первыхъ, доказывается, что одно не равно самому себѣ,—и доказывается тѣмъ, что части одного заключены однѣ въ другихъ. Изъ этого, очевидно, слѣдуетъ, что одно и больше, и меньше самого себя. То же слѣдствіе выводится и иначе. Между однимъ и прочимъ есть взаимное отношеніе. Идея какъ бы разлита по вещамъ чувствопостигаемымъ, образовавшимся по подобію ихъ: отсюда—одно находится въ прочемъ. И наоборотъ,—вещи содержатся въ идеѣ, такъ какъ недѣлимые подчинены ея силѣ: отсюда—прочее находится въ одномъ. Если же взаимное отношеніе ихъ таково, то одно либо больше, либо меньше прочаго, но никакъ не равно ему. Къ тому же слѣдствію приходитъ Парменидъ чрезъ приложеніе къ одному и прочему понятій о мѣрѣ и частичности чиселъ.

² Здѣсь могутъ спросить: какъ это Платонъ идеямъ приписалъ различныя отношенія времени? Иной разъ онъ описываетъ ихъ просто какъ вѣчныя, не подлежащія никакимъ временнымъ перемѣнамъ. Напримѣръ, въ Тимеѣ (р. 36 В sq.) идеи почитаются простыми, постоянными, всегда себѣ подобными, хотя прежде видѣли мы въ нихъ и противныя этимъ свойства. Причину этого надобно полагать, конечно, въ неточномъ употребленіи словъ и въ самой природѣ отношенія идей. Философъ въ первой части діалога весьма справедливо судилъ, что безконечная сущность, будучи свободна отъ всѣхъ формъ, законовъ, отно-

моложе и старше какъ само себя, такъ и инаго, и не мо-
 ложе и не старше ни себя, ни инаго, какъ причастное вре-
 мени?—Какъ?—Если одно есть, то, вѣроятно, приходится ему
 быть.—Да.—А *быть* иное ли что выражаетъ, какъ не при-
 частность сущности времени настоящему, какъ *было* есть 152.
 общеніе сущности съ временемъ прошедшимъ, а *будеть*—
 съ временемъ будущимъ?—Конечно, это самое.—Значить,
 если оно причастно бытія, то причастно и времени.—Ко-
 нечно.—Именно, времени идущаго?—Да.—А когда идетъ
 оно впередъ съ временемъ, всегда бываетъ старше себя.—
 Необходимо.—Не помнимъ ли мы, что старшее бываетъ
 старше, когда бываетъ младшее?—Помнимъ.—Поэтому такъ
 какъ одно бываетъ старше себя, то не становится ли оно
 старшимъ въ той мѣрѣ, какъ бываетъ младшимъ?—Необхо- в.
 димо.—Значить, такимъ образомъ бываетъ оно и моложе, и
 старше себя.—Да.—Не старше ли оно тогда, когда бываетъ
 въ теперешнемъ времени, находящемся между *было* и *бу-*
детъ? Вѣдь идя отъ *нѣкогда* къ *потомъ*, оно не минуетъ
теперь.—Конечно, нѣтъ.—И не удерживается ли оно тогда
 отъ стремленія стать старше, какъ только попадаетъ на C.
теперь, такъ что не становится, а уже есть старше? Вѣдь
 въ движеніи впередъ его никогда не нагоняетъ *теперь*;
 ибо идущему впередъ свойственно касаться обоихъ—и *те-*
перь, и *потомъ*, поколику *теперь* оставляетъ, а *потомъ*
 встрѣчаетъ, находясь между тѣмъ и другимъ—между *по-*
томъ и *теперь*.—Правда.—Но если въ самомъ дѣлѣ необхо-
 димость требуетъ, чтобы ничто бывающее не миновало

шеній, условій, не терпитъ также и отношеній времени; напротивъ, природа ко-
 нечная, получивъ другія свойства, нѣкоторымъ образомъ не можетъ быть безъ
 времени и подлежать всѣмъ его отношеніямъ. Здѣсь однако надобно различать
 природу конечную, рассматриваемую въ себѣ, абсолютно, и ту, которая находит-
 ся въ соединеніи или сама съ собою, или съ прочимъ. Поскольку рассматривается
 она сама въ себѣ, ей, конечно, нельзя приписать различныхъ временныхъ отно-
 шеній; но какъ скоро созерцается она по отношенію къ сущности, то не можетъ
 не подлежать временнымъ перемѣнамъ. Поэтому идеи у Платона иногда λέγονται
 ὑπερβαίνουσαι, какъ, напримѣръ, въ девятой книгѣ Государства (р. 585 С, ал.).

D. *теперь*, то, попавъ въ него, оно всегда задерживается въ бытіи и въ тотъ мигъ есть то, чѣмъ случилось ему стать.— Явно.—Стало быть, и одно, когда, становясь старше, попадаетъ оно на *теперь*, задерживается въ бытіи и въ то мгновеніе есть старше.—Конечно, такъ.—Но не того ли оно старше есть, чего старше стало, а стало оно старше не себя ли?—Да.—Старшее же не есть ли старше младшаго?—Есть.—И стало быть, одно, когда, становясь старше, попадаетъ на E. *теперь*, тогда есть моложе себя.—Необходимо.—Однакожь *теперь* всегда присуще одному, въ теченіе всего его бытія; потому что одно всегда есть *теперь*, когда бы оно ни было.—Какъ не есть!—Стало быть, одно всегда есть и бываетъ какъ старше себя, такъ и моложе.—Походить.—Но большее ли, или равное съ собою время есть оно или бываетъ?—Равное.—А если равное-то время и есть и бываетъ, то оно имѣетъ тотъ же возрастъ.—Какъ же иначе.—Имѣющее же тотъ самый возрастъ—ни старше, ни моложе.—Конечно, нѣтъ.—Стало быть, одно, когда оно и бываетъ и есть равное съ самимъ собою время,—не бываетъ и не есть ни моложе, ни старше ¹ себя.—Мнѣ кажется, нѣтъ.—Что же теперь по отношенію къ иному?—Не могу сказать.—Но то-то однакожь можешь сказать, что вещей иныхъ по отношенію къ одному,—если онѣ другія, а не другое,—больше чѣмъ одно; ибо если бы вещи были *другое*, то были бы одно; а такъ какъ онѣ *другія*, то ихъ больше одного.—Больше.—И онѣ имѣютъ количество.—Конечно, имѣютъ.—Будучи же количествомъ, онѣ будутъ причастны большаго числа, нежели одно.—Какъ не будутъ.—Такъ что же? по отношенію къ числу, большее ли, скажемъ, является

¹ Парменидъ учить, что одно должно быть и больше либо меньше себя возрастомъ, и по возрасту равнымъ самому себѣ,—и это свойство его выводитъ изъ сущности, которая съ существомъ конечнымъ соединена всегда и вездѣ. Положеніе, что одно возрастомъ и больше и меньше себя, доказывается тѣмъ, что время непрестанно течетъ; и отсюда выводится, что одно, какъ причастное текущаго времени, непрестанно и растетъ по возрасту, и умалется. Поколику идея

и явилось сначала, или меньшее?—Меньшее.—Значить, самое меньшее—первое; а это—одно. Не такъ ли?—Да.—В. Стало быть, изъ всего, что имѣеть число, одно явилось первымъ. Но и всѣ иныя вещи имѣють число, если онѣ—иныя, а не иное.—Конечно, имѣють.—Явившись первымъ-то, одно явилось, думаю, прежде, а иныя вещи—послѣ. Явившееся же послѣ моложе явившагося прежде. Такимъ образомъ и прочія вещи будутъ моложе одного, а одно—старше иныхъ вещей ¹.—Конечно, будутъ.—Что же это-то? Вопреки ли своей природѣ произошло одно,—или это невозможно?—Невозможно.—Вѣдь одно-то, какъ оказалось, имѣеть С. части; а если имѣеть оно части, то и начало, и конецъ, и средину.—Да.—Но не прежде ли всего является начало,—какъ у самого одного, такъ и у каждой изъ иныхъ вещей, и не послѣ ли начала—все прочее, до самаго конца?—Какъ же.—А все это прочее, скажемъ, суть части цѣлаго и одного; само же то явилось однимъ и цѣлымъ вмѣстѣ съ концомъ.—Да, скажемъ.—Но конецъ-то, думаю, является какъ самое послѣднее, и происходитъ вмѣстѣ съ нимъ ле- D. жить въ природѣ одного; такъ что если само одно необходимо является не вопреки природѣ, то, происшедши вмѣстѣ съ концомъ, оно должно, по природѣ, явиться въ заключеніе всего.—Явно.—Стало быть, одно моложе иныхъ вещей, а иныя вещи

разсматривается сравнительно, надобно согласиться, что она, находясь въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ, чрезъ время идетъ какъ бы далѣе себя, и потому возрастомъ какъ бы не согласна съ собою. Но совсѣмъ иначе надобно думать о ней, когда она разсматривается абсолютно, сама въ себѣ. Въ этомъ случаѣ Парменидъ благоразумно полагаетъ, что одно никакъ не можетъ быть, по возрасту, не равнымъ самому себѣ; потому что его природа, разсматриваемая въ себѣ, совершенно неизмѣнна и единична, и замѣтить въ ней несогласіе времени невозможно.

¹ Парменидъ доказываетъ, что одно явилось прежде прочаго и старше возрастомъ. Что есть одно, говоритъ онъ, то должно быть прежде множества. Вещи, подлежащія чувствамъ, безпредѣльны (*ἄπειρα*), и потому каждая идея въ нихъ какъ бы повторена безконечное число разъ. Но изъ идей должны быть производимы начатки вещей; потому что безъ нихъ вещи не могли бы придти въ порядокъ и сложиться законно. И такъ, идеямъ надлежало быть прежде вещей чувствопостижимыхъ и притомъ конечныхъ. То же самое слѣдуетъ сказать и о всей совокупности вещей, такъ какъ она образована по образцу міра мыслимаго.

старше одного ¹.—Такъ опять представляется мнѣ.—Что же далѣе? Если бы начало, или иная какая бы то ни было часть одного, либо инаго чего нибудь, была часть, а не части, то, будучи частію, не необходимо ли ей быть однимъ?—Необходимо.—Поэтому одно произойдетъ и вмѣстѣ съ появленіемъ первой, и вмѣстѣ съ появленіемъ второй, и не отступить ни отъ одной изъ являющихся частей, какая бы еще ни явилась, пока, дошедши до послѣдней, не сдѣлается цѣлымъ однимъ, не отдѣльнымъ въ своемъ происхожденіи ни отъ средней, ни отъ послѣдней, ни отъ первой, ни отъ какой иной.—Правда.—Стало быть, одно—того же возраста со всѣмъ прочимъ; такъ что если само одно идетъ не вопреки своей природѣ, то оно должно бы произойти и не прежде, и не послѣ иныхъ вещей, а вмѣстѣ съ ними. По той же причинѣ одно будетъ и не старше иныхъ вещей, и не моложе, какъ и иныя вещи въ отношеніи одного ². А на прежнемъ основаніи одно и старше и моложе, равно какъ и иныя вещи относительно его.—Конечно.—Въ такомъ оно положеніи и такъ произошло. Но чтò сказать о томъ, что одно бываетъ старше и моложе иныхъ вещей, а иныя вещи старше и моложе одного, или, опять, что одно не бываетъ ни старше, ни моложе? То же ли имѣетъ силу и относительно быванія, чтò относительно бытія, или иное?—Не

¹ Здѣсь доказывается противоположное прежнему,—что одно—старше прочаго. Если одно мы понимаемъ такъ, что оно, какъ цѣлое, объемлетъ всю совокупность вещей, то надобно согласиться, что ему можно было явиться не иначе, какъ послѣ. Такъ какъ идея въ этомъ случаѣ представляется какъ бы постепенно вырабатываемою, часть за частью, и потомъ уже отпечатлѣвающейся во вѣшнемъ образѣ міра видамаго; то слѣдуетъ, что одно есть послѣднее изъ всѣхъ вещей, своею силою и природою объемлющее цѣлость ихъ.

² Доказавъ сперва, что одно моложе прочаго, потомъ, что оно старше прочаго, Парменидъ доказываетъ теперь, что некоторое изъ нихъ ни моложе, ни старше. Какъ выше было признано, что одно, по различному сродству его съ прочимъ, входитъ въ различныя и многочисленныя условія: такъ теперь то и другое—и одно и прочее—берется въ значеніи абсолютнаго, поколику отдѣльныя вещи, вмѣстѣ съ отдѣльными идеями, полагаются какъ совершенныя и полныя. Если же допустимъ, что одно вмѣстѣ съ прочимъ бываетъ и есть, то надобно согласиться,

могу сказать.—А я скажу по крайней мѣрѣ то, что если что В. нибудь старше другаго, то быть не можетъ, чтобы старшее бывало еще болѣе старымъ, чѣмъ сколько отличалось оно возрастомъ сначала, при самомъ своемъ появленіи, или, наоборотъ, чтобы младшее становилось еще болѣе молодо; ибо когда къ неравнымъ частямъ прибавляются равныя,—по времени, или по чему иному,—разность всегда бываетъ равная,—та же, которою они различались прежде.—Какъ не равная.—Стало быть, если разность возрастовъ всегда равна, то сущее-то сущаго никогда не будетъ ни старше, ни моложе, но старшее есть и явилось старше, а младшее—моложе, не С. бывая такимъ.—Правда.—И стало быть, одно, какъ сущее, никогда не бываетъ ни старше, ни моложе иныхъ сущихъ.—Конечно, не бываетъ.—Смотри же, бывають ли такимъ-то образомъ предметы старшіе и младшіе?—Какимъ, то есть?—Которымъ и одно являлось старше иныхъ вещей, и иныя вещи—старше одного.—Такъ что же?—Когда одно старше иныхъ вещей, оно провело, вѣроятно, больше времени, чѣмъ иныя вещи.—Да.—Наблюдай же опять: если къ большему D. и меньшему времени мы прибавимъ время равное, то равною ли долею будетъ различаться большее отъ меньшаго, или меньшею?—Меньшею.—Стало быть, одно не будетъ потомъ настолько же, какъ и прежде, отличаться возрастомъ отъ иныхъ вещей, но, получивъ равное съ ними время, всегда относительно ихъ будетъ имѣть въ возрастѣ меньшую, чѣмъ прежде, разность. Не такъ ли?—Да.—Но что меньше-то E. отличается возрастомъ отъ чего нибудь, чѣмъ прежде, то не моложе ли будетъ прежняго сравнительно съ тѣмъ, въ отношеніи къ чему сперва было старше?—Моложе.—Если же моложе, то то другое, опять, въ отношеніи къ тому одному, не будетъ ли старше, чѣмъ прежде?—Конечно.—И такъ, младшее по рожденію бываетъ старше по отношенію

что оно имѣтъ съ прочимъ и не больше, и не меньше. Здѣсь идеи съ вещами какъ бы сливаются въ одно, и потому не разногласятъ съ ними возрастомъ.

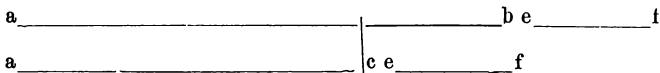
- къ тому, что родилось прежде и есть старше: но это никогда не есть, а всегда бывает старше того; ибо то всегда получает прибавку къ младшинству, а это къ старшинству.
155. Такимъ же образомъ, опять, старшее бываетъ моложе младшаго; ибо, идя по противоположнымъ направлениямъ, они становятся противоположными одно другому, — младшее старшимъ старшаго, старшее младшимъ младшаго. Но сдѣлаться такими они не въ состояніи; потому что если бы сдѣлались, то уже не бывали бы, а были. Напротивъ, теперь они бываютъ старше и моложе одно другаго: одно бываетъ моложе иныхъ вещей, ибо оказалось старшимъ и возникшимъ прежде; а
- В. иныя вещи бываютъ старше одного, потому что родились послѣ. По такой же причинѣ и иныя вещи такъ относятся къ одному, поколику оказались старшими и возникшими прежде его. — Да, представляется такъ. — И такъ, если ничто не бываетъ ни старше, ни моложе одно другаго, поскольку то и другое всегда различаются на равное число; то и одно могло бы бывать ни старше, ни моложе иныхъ вещей, и иныя вещи — ни старше, ни моложе одного. Но поскольку бывающее прежде отъ позднѣйшаго и позднѣйшее отъ бывающаго прежде необходимо различаются всегда иною долею; постольку необходимо также бывать взаимно старше и моложе: одному — противъ иныхъ вещей и инымъ вещамъ — противъ одного. — Конечно, такъ. — По всему же этому, одно какъ есть и бываетъ старше и моложе, и само себя, и иныхъ вещей, такъ и не есть и не бываетъ ни старше, ни моложе, ни себя, ни иныхъ ¹ вещей. — Совершенно такъ. —

¹ Парменидъ изслѣдуетъ, какемъ образомъ одно бываетъ возрастомъ больше и меньше прочаго, и какъ этимъ словомъ можно показать величайшее согласіе между однимъ и прочимъ. Здѣсь доказывается, во первыхъ, то, что ни одно возрастомъ не можетъ уклоняться отъ прочаго, ни прочее отъ одного; потому что если то или другое изъ нихъ и возникло прежде, либо послѣ, то они уравниваются затѣмъ равною прибавкою времени, и эта пропорція не можетъ быть измѣнена никакимъ вѣкомъ. Потомъ Парменидъ учитъ, что одно и прочее, съ другой стороны, по отношенію къ возрасту, постепенно расходятся между собою, такъ что если одно положено будетъ больше другаго, и къ этимъ не рав-

А какъ скоро одно причастно времени и свойства бывать D. и старше и моложе, то не необходимо ли ему, если оно причастно времени, быть причастнымъ и этихъ—*никогда, потомъ и теперь?*—Необходимо.—Стало быть, одно и было, и есть, и будетъ, и бывало, и бываетъ, и будетъ бывать.—Какъ же.—И возможно, что было, есть и будетъ нѣчто такое, чтò относится къ нему и принадлежитъ ему.—Конечно.—Для него можетъ быть и знаніе, и мнѣніе, и чувство, какъ и теперь въ отношеніи къ нему мы проявляемъ все это.—Ты говоришь правильно.—Есть для него и имя и слово,—оно и именуется, и высказывается; и все, что есть E. въ этомъ родѣ возможнаго по отношенію къ инымъ вещамъ, возможно и по отношенію къ одному.—Совершенно такъ.—

Ислѣдуемъ теперь еще третіе ¹. Если «одно есть» при

нымъ продолженіемъ времени придастся какое нибудь равное, то оба протяженія, прежде различавшіяся относительно бѣльшимъ промежуткомъ, будутъ различаться уже меньшимъ. Для большей ясности, возьмемъ двѣ неравныя линіи ab и ac:

и прибавимъ къ обѣмъ линію ef. Если бы линіи ab и ac мы стали разсматривать отрѣшенно одну отъ другой, то надлежало бы сказать, что обѣ онѣ получили равное приращеніе, и потому взаимно не измѣнились. Но какъ скоро ab и ac, вмѣстѣ съ приращеніемъ ef, сравниваются между собою, то выходитъ, что онѣ различаются не прежнимъ неравенствомъ долготы, но обнаруживаютъ такое отношеніе, по которому ab какъ будто уменьшилась, а ac увеличилась.

¹ Отсюда идетъ третья часть Парменидова разсужденія и продолжается до р. 157 А. Мнѣнія древнихъ объ этой части весьма странны. Fluctuant, говоритъ Томсонъ, interpretes Platonis nec in exponendo suppositi huius argumento sibi satis constant. Iamblichus, teste Damascio, agi hic credebat de daemionibus, seu quocunque nomine deos illos medios appelles; alii de animarum inferiori genere tractari autumant.—Но въ этомъ отдѣлѣ объясняется, очевидно, не что иное, какъ переходъ одного конечнаго въ безконечное, и наоборотъ; ибо то и другое одно—таковы, что оба находятся въ самомъ близкомъ сродствѣ. Одно исчезаетъ, какъ скоро, отвергнувъ законъ опредѣленной сущности, становится безконечнымъ; безъ этого закона, оно, какъ выше говорилъ Парменидъ, и не есть, и не достойно своего имени. Напротивъ, то же одно рождается и происходитъ, когда воспринимаетъ законъ конечной сущности, по которому только и приписывается ему истинное бытіе. Посему между началомъ конечнымъ и безконечнымъ поставлено среднее состояніе, посредствомъ

тѣхъ условіяхъ, какъ мы нашли,—есть одно и многое, и ни одно, ни многое, а также причастно времени,—не необходимо ли заключить, что оно, поколику есть одно, приобщается иногда сущности, а поколику не есть, не приобщается иногда сущности?—Необходимо.—И когда приобщается, возможно ли ему въ то время не приобщаться, или, когда не приобщается,—приобщаться?—Невозможно.—Стало быть, въ иное время оно приобщается, а въ иное не приобщается; ибо такъ только могло бы оно того же самаго и приобщаться, и не приобщаться.—Правильно.—Посему есть и такое время, когда оно воспринимаетъ бытіе, и когда оставляетъ его. Иначе какъ будетъ возможно то имѣть то же самое, то не имѣть, если оно въ извѣстный моментъ не приметъ бытія, и не оставитъ?—Никакъ.—А воспринимать сущность—не рожденіемъ ли ты называешь это?—Да.—Оставлять же сущность—не разрушеніемъ ли?—Конечно.—Такъ одно, принимая и оставляя сущность, какъ видно, рождается и разрушается.—Необходимо.—Но, будучи однимъ и многимъ, рождающимся и разрушающимся, не разрушается ли оно въ значеніи многаго, когда рождается однимъ, и не разрушается ли въ значеніи одного, когда рождается многимъ?—Конечно.—Бывая же однимъ и многимъ, не необходимо ли ему раздѣляться и соединяться?—И очень.—Да тоже, когда оно подобно-то и не подобно,—уподобляться и лишаться подобія?—Да.—И опять, когда оно больше, меньше и равно,—увеличиваться, умаляться и равняться?—Такъ.—А когда оно, движась, останавливается, и стоя, переходитъ къ движенію, тогда само-то, вѣроятно, должно быть внѣ всякаго времени.—Какъ такъ?—Прежде стоявшему потомъ двигаться, и прежде двигавшемуся потомъ стоять,—испытывать это, не подвергаясь перемѣнѣ, невозможно.—Какъ возможно!—А

котораго совершается переходъ отъ одного къ другому, и въ этомъ только переходѣ надобно искать рожденія и уничтоженія того, что почитается существующимъ (Phaedon. p. 71 A sqq).

нѣтъ такого (малаго) времени, когда что либо могло бы вмѣстѣ и не двигаться, и не стоять.—Конечно, нѣтъ.—Однако вѣдь не будетъ же перемѣны безъ перемѣны.—Естественно, нѣтъ.—Когда же оно перемѣнится? Вѣдь оно D. не можетъ перемѣниться ни стоя, ни двигаясь, ни находясь во времени.—Конечно, не можетъ.—Не страннымъ ли выходитъ то, въ чемъ оно должно находиться, когда перемѣняется?—Что же это такое?—Мгновенность ¹. Вѣдь мгновенность, по видимому, означаетъ нѣчто такое, что изъ нея происходитъ перемѣна на обѣ стороны; ибо изъ стоянiя-то стоящаго еще не выходитъ перемѣны, и изъ движенiя движущагося еще не выходитъ перемѣны; но эта странная какая-то природа мгновенности лежитъ между движенiемъ и стоянiемъ, не находясь ни въ какомъ времени, и (только) E. въ ней и изъ нея движущееся переходитъ къ стоянiю и стоящее къ движенiю.—Должно быть.—Такъ одно, если оно и стоитъ, и движется, должно подвергаться перемѣнѣ въ томъ и другомъ отношенiи; ибо только такъ осуществляетъ оба состоянiя. Подвергаясь же перемѣнѣ, оно подвергается ей мгновенно; и когда перемѣняется, оно не бываетъ ни въ какомъ времени, и не движется тогда, и не стоитъ.—Конечно, нѣтъ.—Такъ ли относится одно и къ инымъ перемѣнамъ? Когда изъ бытiя происходитъ въ немъ перемѣна къ уничтоженiю, или изъ небытiя къ рожденiю, не бываетъ ли оно и тогда между нѣкоторыми движенiями и 157. стоянiями, такъ что оно и есть тогда и не есть, и не рождается и не уничтожается?—Въ самомъ дѣлѣ, походить.—По той же причинѣ, когда переходитъ и изъ одного ко многому, и изъ многого къ одному, одно не есть ни одно, ни

¹ Мысль Парменида, заключающуюся въ словѣ мгновенность, τὸ ἐξαίρωνες, Дамасцiй объясняетъ такъ: τοῦτο μὲν τὸ ἐξαίρωνες ἀμερές ἐστι τῇ ἰδιότητι, καὶ διὰ τοῦτο ἄχρονον· ἐκεῖνο δὲ (τὸ νῦν) χρόνου μέτρον ἢ καὶ διάστημα. То есть, мгновенность не измѣряется частями времени, такъ какъ она короче всякаго представляемаго временнаго момента. Это мѣсто имѣлъ предъ глазами Плотинъ, Ennead. 3, libг VII, cap. 7.

многое, не раздѣляется и не соединяется; и идя изъ подобнаго къ не подобному, и изъ не подобнаго къ подобному, оно ни подобно, ни не подобно, и не уподобляется, и не дѣлается не подобнымъ; и идя изъ малаго къ великому и равному, либо наоборотъ, оно ни мало, ни велико, ни равно, и не увеличивается, и не уменьшается, и не равняется.—Походить, что нѣтъ.—Такія-то все свойства получаетъ одно, если оно есть.—Какъ не такія.

В. Не разсмотрѣтъ ли теперь, что приходится испытывать инымъ вещамъ, если одно есть ¹?—Надобно разсмотрѣтъ.—Скажемъ ли же, что должно испытать иное относительно одного, если одно есть?—Скажемъ.—И такъ, если иное относительно одного есть, то одно не есть иное; потому что иначе не было бы инаго относительно одного.—Правильно.—Однакожь иное не совсѣмъ лишено одного, а какимъ-то образомъ причастно его.—Какимъ же образомъ?—Иное относительно одного есть иное, поколику имѣетъ части; ибо если бы не имѣло оно частей, то было бы совершенно одно.—Правильно.—А части-то, говоримъ, свойственно имѣть тому, что есть цѣлое.—Да, говоримъ.—Цѣлому же одному, котораго части будутъ частями, необходимо состоять изъ многаго; потому что каждая изъ частей должна быть частію не многаго, а цѣлаго.—Какъ это?—Если бы что нибудь было частію многаго, къ которому и само принадлежало, то составляло бы, конечно, часть какъ себя, что невозможно, такъ и каждой изъ иныхъ относительно одного вещей, если ужъ оно есть часть всего; ибо, не будучи частію одного, оно будетъ частію инаго кромѣ этого, и такимъ образомъ не будетъ частію чего либо единичнаго, а коли такъ, не будетъ частію ничего во многомъ; не будучи же частію

¹ Парменидъ помнитъ свое правило, по которому надобно изслѣдывать не только какую нибудь полагаемую вещь, но и противное этой вещи. Разсмотрѣвъ одно, онъ теперь приступаетъ къ разсмотрѣнію отличнаго отъ одного, πρὸς τὸ ἕτερον, — что, то есть, случится съ нимъ, если предположить, что одно или соединено съ сущностію, или отрѣшено отъ нея.

ничего, невозможно ему быть чѣмъ либо во всемъ томъ, въ чемъ оно есть ничто ничему,—ни часть, ни что бы то ни было иное.—Явно, что такъ.—Стало быть, часть есть часть не многого, и не всего, а нѣкоторой одной идеи и чего-то одного, что мы называемъ цѣлымъ, которое изъ всего стало **Е.** совершеннымъ однимъ; этого-то частию должна быть часть.—Безъ сомнѣнія, такъ.—Слѣдовательно, если иное имѣетъ части, то оно будетъ также причастно цѣлаго и одного.—Конечно.—Стало быть, иное относительно одного необходимо есть одно совершенное, цѣлое, имѣющее части.—Необходимо.—Да и для каждой части-то тотъ же законъ; вѣдь и ей необходимо быть причастною одного: если, то есть, каждая изъ нихъ—часть, то каждое-то означаетъ, конечно, нѣчто одно, отдѣленное отъ инаго и существующее по се- 158. бѣ, какъ скоро ужъ будетъ каждое.—Правильно.—Но если оно будетъ причастно одного, то явно, что будетъ причастно какъ иное, а не одно; ибо иначе не приобщалось бы, а было бы самымъ однимъ; быть же чему одному, кромѣ самого одного, вѣроятно, невозможно ¹.—Невозможно.—Но приобщаться-то одного необходимо и цѣлому, и части: первое будетъ оттого однимъ цѣлымъ, котораго частями будутъ части; а каждая часть—опять одной частью цѣлаго, которое будетъ цѣлымъ части.—Такъ.—То, что причастно одного, не будетъ ли приобщаться какъ отличное отъ него?—Какъ же иначе.—Отличное же отъ одного, будетъ, вѣроятно, многое; **В.**

¹ Надобно замѣтить, что τὰ ἅλλα, хотя выходятъ конечными по силѣ одного, однакожъ этимъ именемъ никакъ не равняются съ однимъ; ибо то одно имѣетъ такую особенность, что есть одно въ совершенствѣ, а τὰ ἅλλα, будучи по природѣ πλῆθη, —многими до безконечности,—хотя и оставляютъ безконечность, однакожъ не имѣютъ самаго существа идеи: они только принимаютъ въ ней участіе и такимъ образомъ становятся μόρια, —частицами, причастными единства. Если же такъ, то Платонъ, очевидно, приближался къ мнѣнію тѣхъ физиковъ, которые допускали многое; ибо матерію тѣлъ отъ высшаго начала истинной сущности отличалъ особенно тѣмъ, что она не имѣетъ единства и заключаетъ въ себѣ множество. Матерія тѣлъ, разсматриваемая сама по себѣ, не имѣетъ истинной сущности, но приходитъ въ общеніе съ нею только такъ, что развивается и располагается по образцу идей.

потому что если бы иное относительно одного было и не одно, и не больше одного, то оно было бы ничто. — Конечно, такъ. — А когда того, что причастно одной части и одного цѣлаго, больше одного, то не необходимо ли уже тому-то самому, принимающему одно, быть, по количеству, безпредѣльнымъ? — Какъ? — Посмотримъ вотъ съ какой стороны: не правда ли, что, тогда какъ вещь принимаетъ одно, она принимаетъ его еще не будучи ни однимъ, ни причастнымъ одному? — Явно. — Но будучи многимъ, въ чемъ нѣтъ одного? — Конечно, многимъ. — Такъ что же? если бы мы захотѣли мысленно отдѣлить отъ этого самое, сколько возможно, малое, то не необходимо ли, чтобы и это отдѣленное, такъ какъ оно не причастно одному, было многимъ, а не однимъ? — Необходимо. — И для того, кто всегда такъ наблюдаетъ отличную природу вида ¹, самую по себѣ, сколько можемъ мы всякій разъ ее видѣть, не будетъ ли она, по множеству, безпредѣльна? — Безъ сомнѣнія, такъ. — А когда каждая часть становится одною частію ², тогда части имѣютъ уже предѣлъ и одна въ отношеніи къ другой и въ отношеніи къ цѣлому, равно какъ цѣлое — въ отношеніи къ частямъ. — Совершенно такъ. — Значитъ, иному относительно одного, когда произойдетъ общеніе самого его съ однимъ, приходится ³, какъ видно, проявлять нѣчто отличное въ самомъ себѣ, что даетъ предѣлъ одному въ отношеніи къ другому, тогда какъ природа инаго сама по себѣ даетъ безпредѣльность. —

¹ Τῆν ἐτέραυ φύσιν τοῦ εἶδους, т. е., τὸ εἶδος τῶν ἐτέρων, весь тотъ родъ ихъ, который мы понимаемъ какъ отличный отъ одного. Въмѣсто этого, Парменидъ не безъ причины говоритъ: отличную природу того вида; ибо держится такой мысли, что даже самоалѣйшія частицы τῶν ἄλλωνъ будутъ опять безконечны, такъ какъ τὰ ἄλλα сами по себѣ не имѣютъ никакого единства.

² То есть, когда каждая частица, бывшая, сама по себѣ, безконечною и какъ бы расплывавшаяся на безчисленныя части, становится частію, какъ часть цѣлаго, и выходитъ конечною.

³ Изъ того, что одно и иное соединены нѣкоторою общностію, Парменидъ выводитъ то, что иному, по природѣ безконечному, становится присущъ предѣлъ. И такъ, τὰ ἄλλα, или вещи чувствопостигаемыя, по словамъ Парменида, ограничиваются силою и природою τοῦ ἐνὸς οὐτος.

Явно.—Такимъ образомъ иныя вещи относительно одного, и какъ цѣлое, и какъ частичное, и безпредѣльны, и причастны предѣла.—Конечно.—Не подобны ли также и не неподобны—Е. какъ одна другой, такъ и самимъ себѣ?—Какимъ же образомъ?—Поскольку онѣ, по своей природѣ, вѣроятно, безпредѣльны, постольку всѣ будутъ имѣть тѣ же свойства.—Конечно.—И поскольку всѣ-то причастны предѣла, постольку, равнымъ образомъ, будутъ имѣть тѣ же свойства.—Какъ не будутъ.—Но если приходится имъ быть въ состояніи опредѣленности и безпредѣльности, то, имѣя тѣ свойства, онѣ, по своимъ свойствамъ, будутъ взаимно противны.—Да.—Противное 159. же всего болѣе не подобно.—Какъ же.—Стало быть, по каждому изъ обоихъ этихъ состояній, онѣ будутъ подобны и самимъ себѣ, и одна другой, и по обоимъ, въ томъ и другомъ отношеніи, окажутся также самыми противными и самыми неподобными.—Должно быть.—Такимъ образомъ иныя вещи и сами себѣ, и одна другой, и по обоимъ, въ томъ и другомъ отношеніи, окажутся также самыми противными и самыми неподобными.—Должно быть.—Такимъ образомъ иныя вещи и сами себѣ, и одна другой, и по обоимъ, въ томъ и другомъ отношеніи, окажутся также самыми противными и самыми неподобными.—Такъ.—И будутъ тѣ же, и взаимно различны, находиться и въ движеніи, и въ покоѣ, и уже не трудно В. найти, что иныя вещи относительно одного обнаружатъ всѣ противныя свойства, если ужъ оказалось, что онѣ испытываютъ эти.—Ты правильно говоришь.

Но оставимъ это, какъ дѣло уже ясное, и рассмотримъ ¹ опять,—если есть одно, не иначе ли еще представится намъ иное относительно одного, или только такъ?—Конечно, рассмотримъ.—Скажемъ же сначала, что,—если есть одно,—должно испытывать иное относительно одного.—Да, скажемъ.—Одно не есть ли особое отъ инаго, и иное не есть ли

¹ Здѣсь Парменидъ снова беретъ прежнее предположеніе, но такъ, что одно разумѣетъ какъ безконечное, въ которомъ нѣтъ уже природы сущности; потому что *ἐν εἰ ἔστιν* теперь есть то же, что *ἐν εἰ ἐν ἔστιν*, такъ что глаголь *ἔστιν* имѣетъ значеніе только связи. А по велику *τὸ ἐν* безъ сущности становится внѣ всякой формы, предѣла, закона, отношенія и условія, то слѣдуетъ, что и *τοῖς ἄλλοις* не принадлежатъ болѣе свойства природы конечной. Отсюда видно, почему у инаго отнимается теперь все, что прежде ему приписывалось.

- особое отъ одного?—Почему такъ?—Потому что, кромѣ этого, нѣтъ ничего другаго, что было бы иное относительно
- С. одного, и иное—относительно иныхъ вещей: вѣдь когда сказано: *одно* и *иное*,—сказано все.—Конечно, все.—Стало быть, нѣтъ болѣе ничего, отличнаго отъ этихъ, въ чемъ, какъ томъ же, было бы одно и иное.—Конечно, нѣтъ.—Слѣдовательно, одно и иное никогда не находятся въ томъ же.—Походитъ, что нѣтъ.—Стало быть, особо?—Да.—А истинное одно, сказали мы, частей-то не имѣеть.—Какъ имѣть?—Слѣдовательно, одно не будетъ въ иномъ ни какъ цѣлое, ни частями, если оно есть особое отъ инаго и не имѣеть частей.—Какъ быть!
- D. —Поэтому иное никакимъ образомъ не причастно одного, коль скоро не причастно ни какой нибудь части его, ни цѣлаго.—Походитъ, что нѣтъ.—Стало быть, иное никакимъ образомъ не есть одно и не имѣеть въ себѣ никакого единства.—Конечно, не имѣеть.—Слѣдовательно, иное не есть и многое ¹: ибо каждая часть его была бы одною частью цѣлаго, если бы ихъ было много. Значитъ, иное, такъ какъ оно никакимъ образомъ не причастно одного, не есть ни одно, ни многое, ни цѣлое, ни частичное.—Правильно.—Стало быть,
- E. иное, если оно вездѣ лишено одного, не есть ни два, ни три,—ни само по себѣ, ни содержитъ ихъ.—Такъ.—Посему иное, какъ само ни подобно, ни не подобно одному, такъ и въ немъ не заключается ни подобія, ни неподобія; потому что если бы иное относительно одного было подобно и не подобно, или имѣло въ себѣ подобіе и неподобіе, то заключало бы въ себѣ, вѣроятно, два взаимно противныхъ вида.—Явно.—Но быть не можетъ, чтобы иное причастно было чего нибудь двоичнаго, когда оно не причастно ничего.—Невозможно.—Стало быть, иное не есть ни по-
160. добное, ни не подобное, ни то и другое вмѣстѣ; потому

¹ Потому что понятие τῶν πολλῶν вытекаетъ изъ сравненія съ единицею или съ цѣлымъ, и чуждо природы безконечной, какъ объясняетъ это потомъ и самъ Парменидъ.

что, будучи подобнымъ или не подобнымъ, оно было бы причастно одного котораго нибудь вида, а будучи тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, было бы причастно двухъ противныхъ, — что оказалось невозможнымъ.—Правда.—Поэтому оно не то же и не различно, не движется и не стоитъ, не рождается и не погибаетъ, не есть ни больше, ни меньше, ни равно, и не имѣетъ иныхъ подобныхъ свойствъ; ибо если бы иное было въ состояніи испытывать что нибудь такое, то пріобщалось бы и одного, и двухъ, и трехъ, и нечетя и чета,—чего иному, какъ скоро оно совершенно и всячески лишено одного-то, быть причастнымъ оказалось дѣломъ невозможнымъ.—Суцая правда.—Такимъ-то обра- В. зомъ, если есть одно, то оно и есть все, и не есть одно—ни для себя, ни также для инаго.—Совершенно справедливо.—

Пусть. Но что должно произойти, если одного нѣтъ ¹? не разсмотрѣть ли теперь и этого?—Да, надобно разсмотрѣть.—Такъ что же это будетъ за предположеніе: если одного нѣтъ? отличается ли оно отъ этого: если не одного нѣтъ? —Конечно, отличается.—Различны ли только, или совершен- C. но противны будутъ положенія: *если не одного нѣтъ, и если одного нѣтъ?*—Совершенно противны ².—Что же, когда

¹ Еще прежде установленія этого изслѣдованія, Парменидъ умно училъ, что желающій разсмотрѣть что нибудь въ точности и въ полнотѣ, не только долженъ видѣть, что произойдетъ, если положено будетъ то или то, но и замѣчать, какія произтекутъ слѣдствія въ случаѣ отрицанія чего либо. Это самое прилагаетъ онъ теперь къ вопросу объ одномъ,—старается, то есть, испытать, что произойдетъ относительно всего предмета изслѣдованія, если предположеніе—*ἐν εἰ ἔστιν*, подвергнется отрицанію. Такъ какъ отрицаніе можетъ быть двойное,—или абсолютное, когда сила и природа предмета отвергаются совершенно, или относительное, когда отрицаніемъ что нибудь только ограничивается; то Парменидъ сперва спрашиваетъ, что случится съ однимъ, если оно будетъ отрицаемо относительно. Поэтому не быть теперь значить не иное что, какъ отличаться отъ чего и ибудъ. Съ этимъ мѣстомъ Платонова Парменида хорошо сравнить Sophist. p. 257 B sqq.

² Мысль здѣсь та, что идея, только ограниченная отрицательными свойствами, очень отлична отъ той идеи, которая и сама отвергается, и обозначена отрицательными признаками.

кто скажетъ: если великости нѣтъ ¹, или малости нѣтъ, или что нибудь иное подобное,—не покажетъ ли онъ каждамы такимъ положеніемъ, что подъ не существующимъ разумѣетъ нѣчто отличное ²?—Конечно.—Не покажетъ ли онъ и теперь, что подъ не существующимъ разумѣетъ нѣчто отличное отъ другаго, когда полагаетъ: если одного нѣтъ? И знаемъ ли мы, что говоритъ онъ?—Знаемъ.—Стало быть, онъ говоритъ, во первыхъ, о чемъ-то подлежащемъ знанію ³, потомъ, объ отличномъ отъ иныхъ вещей, если ужъ полагаетъ одно,—бытіе ли приложить къ этому, или небытіе: D. вѣдь что полагается не существующимъ, познается оттого ничуть не менѣе, какъ нѣчто, и притомъ отличное отъ иныхъ вещей. Или нѣтъ?—Необходимо.—И такъ, уже на первыхъ порахъ надобно сказать вотъ что: если одного нѣтъ,

¹ Если, то есть, великость не есть то или это, если великость означается не тѣмъ или этимъ предикатомъ, если она отлична отъ того или этого. Посему Парменидъ прибавляетъ: *δηλοῖ ὅτι ἕτερόν τι λέγει τὸ μὴ ὄν*, но выражается нѣсколько темно, потому что употребляетъ ту же формулу отрицанія, какая употребляется и при отрицаніи абсолютномъ. Мы должны поэтому войти ближе въ смыслъ его выраженія и уяснить себѣ подлинное значеніе этой отрицательной формы. Кто говоритъ: *εἰ μέγεθος μὴ ἔστιν, ἢ σμικρότης μὴ ἔστι, ἢ τι ἄλλο τῶν τοιοῦτων*, тотъ выражаетъ не что иное, какъ слѣдующее: то, чего нѣтъ, отлично отъ этого инаго. А смыслъ этого мнѣнія, конечно, таковъ: кто великости или малости придаетъ свойства отрицательныя, тотъ полагаетъ, что великость и малость отличны отъ чего-то, чему то самое, что у этихъ отрицается, приписать можно по справедливости. Это самое Парменидъ переноситъ на формулу *ἔν εἰ μὴ ἔστιν*, которою, во первыхъ, означается то, что отлично отъ прочаго, во вторыхъ, указывается, что *τὸ ἔν* подлежитъ познанію человѣческаго ума; ибо такъ какъ одно, ограниченное свойствами отрицательными, отличается здѣсь отъ противнаго, то совершенно необходимо, чтобы оно, хотя и отрицается въ своемъ бытіи, было однакожъ познаваемо. Это необходимо потому, что здѣсь надобно мыслить объ одномъ не безконечномъ, которое не терпитъ никакого условія и отношенія, а скорѣе о конечномъ, поколику оно имѣетъ *τὴν πατέρου φύσιν*, приписываемую въ Сопистѣ, какъ извѣстно, идеямъ.

² Если, т. е., какую нибудь идею мы описываемъ признаками отрицательными, то хотимъ, чтобы она отличалась отъ прочихъ, ограниченныхъ положительно. Вѣдь когда, наприимѣръ, судимъ, что великость или малость не есть то или это,—этимъ означается у насъ не болѣе какъ то, что она отъ того или другаго отлична.

³ Это потому, что идея, ограничиваемая чрезъ отрицаніе, этимъ самымъ формуется и становится предметомъ познанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ отличается и отъ другихъ идей.

то что (оно) должно быть? Во первыхъ, ему, какъ видно, надобно приписать то, что относительно его есть познаніе, а иначе и не знали бы, о чемъ говорится, когда бы кто полагалъ «если одного нѣтъ». — Правда. — Потомъ, не то ли, что отъ него отлично прочее? — а иначе и оно не можетъ быть называемо отличнымъ отъ прочихъ вещей. — Конечно. — Стало быть, кромѣ познанія, приложимо къ нему и отличіе. Вѣдь Е. тотъ говоритъ объ отличіи не въ иныхъ вещахъ, когда одно называетъ отличнымъ отъ иныхъ вещей, а объ отличіи именно его. — Явно. — Да это не существующее одно причастно и *того*, и *чего нибудь*, и *этого*, и *этому*, и *этимъ*, и всего подобнаго; потому что иначе не могло бы быть и рѣчи объ одномъ и отъ одного отличномъ; иначе и въ немъ ничего не было бы, и ему ничто не принадлежало бы, и оно не выдавалось бы за нѣчто, — если бы не причастно было ни *чего нибудь*, ни инаго подобнаго ¹. — Правильно. — Быть то одному нельзя ², если дѣйствительно его нѣтъ: но одному быть причастнымъ многого ничто не мѣшаетъ, и да- 161. же необходимо, какъ скоро нѣтъ именно того одного, а не инаго. Конечно, если не будетъ ни одного, ни того ³, но будетъ

¹ Изъ того, что идея, ограниченная чрезъ отрицаніе, отлична отъ прочихъ идей, Парменидъ заключаетъ, что такимъ образомъ становятся приличными ей разныя отношенія и сближенія. Идея, ограниченная отрицательно, имѣетъ въ самой себѣ различіе, какъ скоро признается отличною отъ того рода идей, который принимается положительно. Это самое различіе выражаетъ философъ разными мѣстоименіями, полагаемыми въ разныхъ числахъ и падежахъ.

² Если формула $\epsilon\acute{\iota} \mu\eta\ \epsilon\sigma\tau\iota$ значитъ имѣть отрицательные предикаты, то не трудно понять, что $\epsilon\acute{\iota}\nu\alpha\iota$ тутъ будетъ означать предикаты положительные. Посему, смыслъ рѣчи такой: когда $\tau\acute{o}\ \epsilon\acute{\iota}\nu$ возьмемъ какъ ограниченное только отрицательными признаками, — положительныхъ оно имѣть не будетъ. А что Парменидъ прибавляетъ: $\mu\epsilon\tau\acute{\epsilon}\chi\epsilon\iota\nu\ \delta\grave{\epsilon}\ \kappa\omicron\lambda\lambda\omega\acute{\nu}$ — $\acute{\alpha}\nu\acute{\alpha}\gamma\eta\eta$, то этими словами показывается, что идея, ограниченная чрезъ отрицаніе, должна имѣть нѣкоторое общеніе съ идеями положительными ужъ потому, что ими опредѣляется, хотя бы и отрицательно.

³ Это мѣсто истолкователями понимается невѣрно. Нѣкоторые изъ нихъ рѣшались дѣлать измѣненія въ самомъ текстѣ; но выходило какъ-то неудачно и мысль не прояснялась. Смыслъ рѣчи такой: если, кромѣ одного, отрицательно ограничивается и прочее, то ясно, что, по уничто-

рѣчь (также) объ иномъ, то не слѣдуетъ ничего и произносить. Напротивъ, когда предполагается не существующимъ тѣ одно, а не иное,—необходимо быть ему причастнымъ и *того*, и инаго многаго.—Конечно.—Принадлежитъ ему, стало быть, и неподобіе ¹ въ отношеніи къ иному; потому что иное, какъ чуждое одному, будетъ отъ него отлично.—Да.—А отличное не инокродно ли?—Какъ не инокродно!—Инокродное же не не подобно ли?—Конечно, не подобно.—Но если

B. оно не подобно одному, то явно, что не подобное-то будетъ не подобно не подобному.—Явно.—Значить, и въ одномъ будетъ неподобіе, въ силу котораго иное ему не подобно.—Походить.—А если есть въ немъ неподобіе въ отношеніи къ иному, то не необходимо ли быть въ немъ подобію по отношенію къ себѣ?—Какъ?—Если есть въ одномъ неподобіе одному, то не могло бы быть и рѣчи о такомъ предметѣ какъ объ одномъ ², и предположеніе касалось бы не одного, а

C. (чего либо) инаго вразсужденіи одного.—Конечно.—А вѣдь не должно бы.—Конечно, нѣтъ.—Стало быть, одному надобно

женіи всѣхъ утвердительныхъ признаковъ, произойдетъ то, что нельзя будетъ вымолвить и слова; потому что тогда нельзя будетъ сказать ничего ни о чемъ, стало быть и тѣ одно не приметъ многоразличныхъ соединеній *οὐν τῶς ἄλλοις*. И такъ, мы приходимъ къ той мысли, что надобно писать: *εἰ μέντοι μὴ τὸ ἐν μόνον μὴ ἔσται, ἀλλὰ περὶ ἄλλου τοῦ ὁ λόγος κ. τ. λ.*—если будетъ такое предположеніе, что не одному только припишемъ мы отрицательные предикаты, но будетъ рѣчь и объ иномъ чемъ либо, то не должно произносить о немъ ни слова; потому что нельзя сказать о немъ что нибудь. Это хорошо будетъ вязаться и съ слѣдующими дагѣ словами: если же полагается, что отрицательными признаками опредѣляется одно, а не что нибудь иное, то ему необходимо быть причастнымъ и *ἐκείνου* и *τιούδε* и *τούτου* и прочихъ всѣхъ отношеній.

¹ Въ томъ самомъ соединеніи опредѣленныхъ отрицаніями идей съ понятіями утвердительными, которое сейчасъ было указано, лежитъ уже причина, почему *τῷ ἐνὶ μὴ ὄντι* слѣдуетъ приписывать противное. Это *ἐν* можетъ уже теперь либо разсматриваться само по себѣ, либо сравниваться съ другимъ родомъ идей. А отсюда открывается возможность усвоить ему подобіе и неподобіе, равенство и неравенство, величину и малость, сущность и отсутствіе сущности, движеніе и стояніе, происхожденіе и исчезаніе.

² Потому что идея, ограниченная отрицательно, должна быть всегда себѣ вѣрна и сообразна.

имѣть подобіе самому съ собою ¹.—Надобно.—Да оно опять и не равно иному; потому что если бы было равно, то уже было бы ² и, по равности, было бы и подобно иному; а оба эти положенія, какъ скоро одного нѣтъ, невозможны.—Невозможны.—Но такъ какъ оно не равно иному, то не необходимо ли, чтобы и иное было не равно ему?—Необходимо.—А то, что не равно, не есть ли не равное?—Да.—Не равное же не есть ли не равное не равному?—Какъ же иначе.—Такъ что одно причастно и неравности, въ силу которой D. иное ему не равно?—Причастно.—Но вѣдь неравность то есть великость и малость.—Да.—Стало быть, великость и малость тоже есть въ такомъ одномъ.—Должно быть.—Однакожь великость и малость всегда далеки одна отъ другой.—Конечно.—Стало быть, между ними всегда есть что нибудь.—Есть.—Такъ можешь ли указать между ними что нибудь иное, кромѣ равности?—Нѣтъ, только это.—Слѣдовательно, въ чемъ есть великость и малость, въ томъ есть и находящаяся между ними равность.—Явно.— E. Такъ въ одномъ не существующемъ имѣются, какъ видно, и равность, и великость, и малость ³.—Походить.—Но, конеч-

¹ Мысль этого изслѣдованія можетъ быть выражена такъ: Идеѣ, описываемой отрицательными признаками, можетъ быть приписываемо подобіе и неподобіе. Она не подобна по условіямъ того соединенія, въ которомъ находится съ прочимъ; ибо τὰ ἄλλα сὺν τοῦ ἐνὸς ἕτερα, слѣдовательно, могутъ быть названы ἕτεραῖα καὶ ἄλλοια; а изъ этого видно, что τὰ ἄλλα не подобны, τῷ ἐν ἀνομοία. Если же такъ, то и само ἐν, по необходимости, не подобно. Но съ другой стороны, идея, разсматриваемая въ самой себѣ, непременно должна быть проста, слѣдовательно, совершенно подобна самой себѣ; потому что если бы была не подобна, то не была бы уже одна и не соотвѣтствовала бы своей природѣ. А это противно тому закону или правилу мышленія, по которому всякое понятіе, хотя бы оно ограничивалось и отрицательными свойствами, само по себѣ должно быть одно и абсолютно, чтобы не являлось въ противорѣчій съ самимъ собою.

² То есть, имѣло бы уже предикатъ положительный; ибо ему приписывалось бы подобіе и равенство, чего, по самой природѣ τοῦ ἐνὸς μὴ ὄντος, быть никакъ не можетъ.

³ Это разсужденіе мы объясняемъ слѣдующимъ образомъ: Идея, ограниченная свойствами отрицательными, равна и неравна. Если мы назовемъ ее равною прочему, то она будетъ имѣть нѣкоторое положительное свойство, и потому, въ отношеніи равности, окажется подобною ему. Напротивъ, по отнятій отъ

но, оно должно нѣкоторымъ образомъ быть причастно и сущности¹.—Какъ же это?—Надо, чтобъ это было такъ, какъ говоримъ: вѣдь еслибъ оно было не такъ, мы говорили бы неправду, полагая, что одного нѣтъ ($\mu\eta\ \epsilon\iota\nu\alpha\iota$); а когда правду,—явно, что говоримъ о сущемъ. Или не такъ?—Конечно, такъ.—Если мы полагаемъ, что говоримъ правду, то
 162. необходимо намъ полагать, что говоримъ и о сущемъ².—Необходимо.—Есть, стало быть, какъ видно, одно не существующее; потому что если не существующаго не будетъ,—если, то есть, оно потеряетъ³ что нибудь изъ бытія въ пользу небытія,—то вдругъ станетъ существующимъ.—Безъ сомнѣнія, такъ.—Слѣдовательно, чтобы не быть, оно должно связываться въ небытіи—бытіемъ небытія⁴,

нея свойствъ положительныхъ, не можетъ имѣть мѣста ни то, ни другое. Это значитъ, что ни идеи отрицательной нельзя почитать равною понятіямъ утвердительнымъ, ни, наоборотъ, этихъ идей—отрицательно ограниченными. Стало быть, идея, отрицательно ограниченная, поколику идеи, ограниченныя признаками утвердительными, не равны ей, и сама приходитъ къ нѣкоторому общенію съ неравностію. Между тѣмъ Парменидъ изъ самой природы неравности, которая свойственна идеѣ отрицательной, искусно выводитъ равность. Чтò не равно чему либо другому, говоритъ онъ, то по необходимости способно принимать великость и малость; ибо непремѣнно будетъ или больше или меньше другаго. Но въ срединѣ между великостью и малостью,—такъ какъ онѣ относительны,—всегда есть равность, которою, безъ сомнѣнія, овначается разсматриваемая въ себѣ идея; ибо объемъ всякаго разсматриваемаго въ себѣ понятія долженъ быть равенъ самому себѣ.

¹ При чтеніи этого мѣста, надобно имѣть въ виду, чтò говорится о томъ же въ Софистъ, р. 256 sqq.: сравненіе этихъ мѣстъ для полнаго уразумѣнія мысли Платона необходимо.

² Философъ выражаетъ свою мысль очень тонко, особенно выставляя на видъ свое $\alpha\lambda\lambda\eta\theta\eta$, къ которому относить $\delta\upsilon\tau\alpha\ \alpha\iota\theta\acute{\alpha}$. Всматриваясь въ его мысль пристальнѣе, мы поймемъ, что $\tau\acute{o}\ \epsilon\upsilon\ \mu\eta\ \delta\upsilon$ у него причастно сущности, поколику полагается не советъ не существующимъ, но существующимъ такъ, что отличается отъ прочаго, и потому сущность-то имѣетъ, но лишено при этомъ положительныхъ предикатовъ.

³ Если оно не будетъ ограничено отрицательными предикатами, и переведетъ нѣсколько сущности въ $\tau\acute{o}\ \mu\eta\ \epsilon\iota\nu\alpha\iota$, то чрезъ это начнетъ быть; какъ скоро, то есть, къ отрицаніямъ получить хоть одинъ предикатъ положительный,—точасъ сдѣлается идеею утвердительною.

⁴ Я понимаю это такъ: бытіе, для связи съ небытіемъ, должно имѣть въ себѣ нѣчто не существующее, равно какъ небытіе, для связи съ бытіемъ,—нѣчто существующее; ибо первое-то $\mu\eta\ \delta\upsilon$ есть то же, что $\mu\eta\ \delta\upsilon\ \delta\upsilon$, а послѣднее зна-

подобно тому, какъ существующее, чтобы совершенно быть, должно связываться въ бытіи—небытіемъ небытія; ибо такъ-то особенно и существующее будетъ, и не существующаго не будетъ,—когда, то есть, существующее будетъ причастно бытности быть существующимъ и небытности быть не существующимъ,—если ужъ имѣетъ быть совершенно,—и когда не существующее будетъ причастно небытности не быть не существующимъ и бытности быть не В. существующимъ,—иначе и не существующаго въ собственномъ смыслѣ опять не будетъ.—Весьма справедливо.—Поэтому, когда существующее причастно небытія, а не существующее—бытія, то необходимо и одному, если его нѣтъ, быть причастнымъ бытія, чтобы не быть.—Необходимо.—Такъ и для одного открывается сущность, если его нѣтъ.—Открывается.—Стало быть, и несущность, если его нѣтъ.—Какъ же.—Возможно ли же, чтобы что нибудь, будучи какимъ либо, было не такимъ, не переходя изъ этого состоянія?—Невозможно.—Слѣдовательно, все указываетъ на С. такой переходъ, что является такимъ и не такимъ.—Какъ же.—Переходъ же назовемъ движеніемъ, или чѣмъ?—Движеніемъ.—Но не явилось ли намъ одно существующимъ и не существующимъ?—Да.—Стало быть, оно является такимъ и не такимъ.—Походить.—Значить, одно не существующее оказалось и движущимся, если совершаетъ переходъ изъ бытія въ небытіе.—Должно быть.—Однакожь если въ ряду-то существъ оно нигдѣ не существуетъ ¹, какъ не существующее,—поколику его нѣтъ,—то не можетъ оно и переходить

читать $\delta\upsilon\ \mu\eta\ \delta\upsilon$,—какъ это видно изъ самаго расположенія словъ. Это истолкованіе подтверждается и ближайшими словами Парменида: $\sigma\upsilon\tau\omega\varsigma\ \gamma\alpha\rho\ \delta\upsilon\ \tau\acute{o}\ \tau\epsilon\ \delta\upsilon\ \mu\acute{\alpha}\lambda\iota\sigma\tau'\ \delta\upsilon\ \epsilon\iota\eta\ \chi.\ \tau.\ \lambda.$, которые мы перевели по русски съ буквальнойю точностію. И такъ, Парменидъ хочетъ сказать, что то, что полагается какъ отличное отъ инаго, тѣснѣйшимъ образомъ соединяется съ тѣмъ, что полагается просто; такъ что одно отъ другаго отдѣлено быть не можетъ.

¹ Идея, ограниченная отрицательно, будучи совершенно удалена отъ идей утвердительныхъ (которыя здѣсь— $\tau\acute{\alpha}\ \delta\upsilon\tau\alpha$), поколику разсматривается сама по себѣ, не можетъ испытывать никакой перемены.

куда бы ни было.—Какъ можетъ!—Стало быть, подь обра-
 D. зомъ перехода, и двигаться.—Не можетъ.—Да нельзя ему и
 вращаться въ томъ же мѣстѣ; ибо оно нигдѣ не соприка-
 сается съ тождественнымъ ¹: тождественное вѣдь есть суще-
 ствующее; не существующему же быть въ чемъ суще-
 ствующемъ невозможно.—Конечно.—Такъ что одно не суще-
 ствующее не можетъ вращаться въ томъ, въ чемъ его нѣтъ.
 —Не можетъ.—Да одно, вѣроятно, и не переиначиваетъ се-
 бя, ни какъ существующее, ни какъ не существующее; по-
 тому что если бы оно переиначивалось, то рѣчь была бы
 уже не объ одномъ, а о чемъ нибудь иномъ.—Правильно.
 Если же одно и не переиначивается, и не вращается въ томъ
 же мѣстѣ, и не переходитъ, то движется ли еще какъ нибудь?
 E. —Какъ двигаться!—Но не движущемуся-то необходимо быть
 въ покоѣ, а покоящемуся—стоять.—Необходимо.—Стало
 быть, одно не существующее, какъ видно, и стоять, и дви-
 жется.—Походить.—Но если оно движется-то, то крайне
 необходимо ему переиначиваться ²; ибо насколько что ни-
 будь двигалось, настолько бываетъ уже не такимъ, какимъ
 163. было, а инымъ ³. —Такъ.—Значить, одно, какъ движи-

¹ Признакъ тождественности, какъ утвердительный, къ τὸ ἐν μὴ οὐ нейдетъ. По-
 этому Парменидъ справедливо прибавляетъ: οὐ γάρ ἐστι τὸ ταύτῳ, то есть, τὸ
 ταύτῳ есть вѣдь существованіе положительное.

² Идея, ограниченная отрицаніями, поколику относится къ другимъ идеямъ—
 утвердительнымъ, необходимо должна и сама принять иную природу, и потому
 переиначивается. Изъ этого видно, почему τὴ ἀλλοίωσις прямо выводится здѣсь
 изъ движенія.

³ Сущность этой перикопы о движеніи и покоѣ одного такова: Такъ какъ
 найдено, что идея отрицательно конечная можетъ быть причастна предикатовъ
 утвердительныхъ, если только, по отнятіи отрицанія, могла она обратиться въ
 противную; то необходимо допустить какой либо переходъ отъ отрицательнаго огра-
 ниченія къ тому, которое чуждо отрицанія. А отсюда слѣдуетъ, что идея, огра-
 ниченной отрицательно, надобно приписать движеніе или измѣненіе. Но и наобо-
 ротъ, ту же идею надобно лишить всякаго движенія. Такъ какъ она изъята изъ
 числа вещей, имѣющихъ утвердительные признаки; то ни свойства ея не могутъ
 быть перенесены на что либо, ни въ себѣ самой она не въ состояніи измѣниться. По-
 сему эти два рода движенія ей не принадлежать. Но не принадлежитъ ей так-
 же и третій родъ движенія, состоящій въ переиначеніи, ἀλλοίωσις; потому что,
 рассматриваемая въ себѣ, безъ отношенія къ роду идей утвердительныхъ, она

мое, и переименовывается.—Да.—А какъ вовсе не движимое-то, вовсе и не переименовывалось бы.—Конечно, нѣтъ.—Стало быть, одно не существующее, поколику движется, переименовывается, а поколику не движется, не переименовывается.—Конечно, нѣтъ.—Слѣдовательно, одно не существующее и переименовывается, и не переименовывается.—Явно.—Переименовывающемуся же не необходимо ли бывать отличнымъ отъ того, чѣмъ оно было прежде, и погибать для состоянія прежняго ¹, а не переименовывающемуся—и не раждаться, и не погибать? В.—Необходимо.—И одно не существующее, будучи переименовываемо, стало быть, рождается и погибаетъ, а не переименовываемое, ни рождается, ни погибаетъ. Такимъ образомъ одно не существующее и рождается и погибаетъ, и не рождается и не погибаетъ.—Конечно, такъ.

Обратимся же опять къ началу, и посмотримъ, то же ли представится намъ, что теперь, или другое.—Да, надобно.—И такъ, если одного нѣтъ ², что должно, говоримъ, по отно- С. шенію къ нему оказаться?—Да.—Но когда мы говоримъ это *нѣтъ*, то иное ли что означается имъ, какъ не отсутствіе сущности въ томъ, чему мы отказываемъ въ бытіи?—Не иное.—Такъ, полагая, что чего либо нѣтъ, полагаемъ ли мы нѣкоторымъ образомъ его небытіе и нѣкоторымъ—бытіе? Или это выраженіе *нѣтъ* означаетъ просто, что не существующее-то вовсе нигдѣ не есть, и никакъ не причастно сущности?—Да, совершенно просто.—Стало быть, не суще- D. ствующее не можетъ ни быть, ни какъ нибудь иначе приобщаться сущности.—Конечно, нѣтъ.—Но раждаться и погибать иное ли что было, какъ не воспринимать сущность и не

не можетъ отказаться отъ своей природы, или перемѣниться въ противное. Изъ всего этого ясно, что идея, ограниченная отрицательно, не имѣетъ никакого движенія, а потому покоится и какъ бы замкнута въ самой себѣ. Но прежде было доказано, что она также и движется; слѣдовательно, ей, по справедливости, надобно приписать какъ покой, такъ и движеніе.

¹ То есть, погибать въ своихъ прежнихъ свойствахъ.

² Теперь Парменидъ полагаетъ, что у одного совершенно отнято τὸ εἶναι. Въ такомъ случаѣ оно, очевидно, становится безконечнымъ.

терять ее?—Не иное.—А что ничему этому не причастно, то и не воспринимаетъ, и не теряетъ сущности.—Какъ же.— Стало быть, одному, поколику оно вовсе не существуетъ, ни имѣть сущность, ни оставить ее, ни перемѣнить никакъ нельзя.—Естественно.—Слѣдовательно, одно не существующее, поколику никакимъ образомъ не причастно сущности, Е. и не погибаетъ, и не раждается.—Явно, что нѣтъ.—Стало быть, и никакъ не переименовывается; потому что, испытывая это, раждалось бы уже и погибало.—Правда.—Если же оно не переименовывается, не необходимо ли ему и не двигаться?—Необходимо.—Однакожь, нигдѣ не существуя, оно, скажемъ, и не стоитъ; ибо стоящее должно всегда быть въ чемъ нибудь томъ же.—Въ томъ же, не иначе.—Такимъ-то образомъ не существующее, скажемъ опять, и никогда не стоитъ, и не движется.—Конечно, нѣтъ.—Да и нѣтъ-таки въ немъ чего либо существующаго; ибо, причастное существующаго, оно было бы уже причастно и сущности.—Явно. 164. —Стало быть нѣтъ въ немъ ни великости, ни малости, ни равенности.—Конечно, нѣтъ.—Да не будетъ въ немъ и подобія-то и инородности, ни въ отношеніи къ себѣ, ни въ отношеніи къ иному.—Явно, что не будетъ.—Что же? будетъ ли для него какъ нибудь иное, если для него не должно быть ничего?—Невозможно.—Стало быть, иное для него ни подобно, ни не подобно, ни тождественно, ни отлично?—Конечно.—Что же? въ отношеніи къ не существующему будетъ ли имѣть мѣсто *того*, или *тому*, или *что*, или *это*, или *этого*, В. или *иного*, или *иному*, или *нѣкогда*, или *потомъ*, или *теперь*, или познаніе, или мнѣніе, или чувство, или слово, или имя, или иное что нибудь изъ существенностей?—Не будетъ.—Но такъ-то одно не существующее становится никакимъ.—Да, походить-таки, что оно —никакое¹.—

¹ Формула $\epsilon\nu \epsilon\acute{\iota} \mu\eta \acute{\epsilon}\sigma\tau\iota\nu$ можетъ имѣть и такое значеніе: одно—сохраняющее коренную свою природу, не теряющее никакого свойства и ограниченія, но совершенно чуждое сущности, то есть, формы, условія, закона, отношенія. Отсюда всякій заключить, что съ единствомъ, при такомъ его значеніи, произой-

Разсудимъ еще: если одного нѣтъ, — что должно испытать иное¹. — Разсудимъ. — Иное, вѣроятно, должно быть²; потому что если и инаго нѣтъ, то не говорили бы объ иномъ. — Такъ. — Если же рѣчь идетъ объ иномъ, то иное-то есть отличное. Или *иное* и *отличное*³ не прилагаешь ты къ тому же самому? — Прилагаю. — Отличнымъ-то мы называемъ, вѣ- С. роятно, отличное отъ другаго, а инымъ — иное въ отноше- нии инаго? — Да. — Стало быть, у инаго, — чтобы быть ему инымъ, — есть нѣчто, въ отношеніи чего оно будетъ инымъ. — Необходимо. — Что же будетъ оно? Вѣдь въ отношеніи одно-

детъ почти то же, что случилось съ нимъ въ первой части Парменидова рассу- дения; ибо одно, котораго вовсе нѣтъ, ничѣмъ не отличается отъ того, которое полагаемо было выше, какъ отдѣльное, само по себѣ, до соединенія своего съ сущностію. Это самое одно беретъ теперь Парменидъ какъ не существующее, и изъ своего положенія выводитъ слѣдующія заключенія: τὸ ἐν, совершенно отрѣшаемое отъ понятія бытія, никакъ не бываетъ, а потому и не рождается и не погибаетъ, и движется и не движется, и не стоитъ и покоится, — вообще, не имѣетъ въ себѣ ничего, что можно приписать вещамъ, причастнымъ сущности, напри- мѣръ: великости и малости, подобія и неподобія, формы и отношенія къ чему либо. Поэтому оно не можетъ быть ни понято умомъ, ни постигнуто чувствами, ни назва- но словомъ.

¹ Наконецъ философъ спрашиваетъ: если одно опредѣляется только отрица- тельно, и потому имѣетъ лишь общую сущность, а признаковъ утвердитель- ныхъ не имѣетъ, то что должно статься съ τοῖς ἄλλοις, или съ вещами тѣлес- ными? — Отвѣчая на этотъ вопросъ, онъ учитъ, что въ такомъ случаѣ вещамъ надобно приписать только нѣкоторый видъ и тѣнь сущности; ибо, по уничтоже- нии частныхъ идей, въ матеріи тѣль не можетъ остаться ничего, кромѣ нѣко- торой общей сущности, которая, безъ примѣтъ, характеризующихъ отдѣльныя формы, есть нѣчто среднее между тѣмъ, что дѣйствительно существуетъ, и тѣмъ, чего не существуетъ. Это-то среднее у Платона, по видимому, есть то, что озна- чаетъ онъ словомъ *ἰαίνεσθαι*, или, иначе, словомъ *μὴ εἶναι*, δόξα, подъ которымъ разумѣется понятіе неопредѣленное, въ которомъ отдѣль- ныхъ признаковъ вещи мы не замѣчаемъ. Проклъ (Theol. Platon. cap. 1) говоритъ: πάντες πληθὸς μετέχει πῆ τοῦ ἐνός· εἰ γὰρ μηδαμῆ μετέχει, οὐτὲ τὸ ὅλον ἐν ἔσται, οὐδ' ἕκαστον τῶν πολλῶν, ἐξ ὧν τὸ πληθὸς ἄλλ' ἔσται καὶ τι ἐκ τούτων πληθὸς, καὶ τῷ τὸ εἰς ἄπειρον, καὶ τῶν ἀπέριων τούτων ἕκαστον ἔσται πάλιν πληθὸς ἄπειρον. Эти слова мы приводимъ здѣсь въ той мысли, что τὴν πληθὴν, хотя бы и присоеди- нилась къ нимъ общая сущность, остаются неизмѣнными и принимаютъ лишь нѣкоторый видъ сущности.

² Потому что и τὸ ἐν μὴ ὄν не лишено сущности.

³ Ἄλλο и ἕτερον у Платона употребляются безразлично, какъ замѣчено къ р. 143 В. Впрочемъ, τὸ ἕτερον рѣвче выражаетъ понятіе различія, чѣмъ ἄλλο.

го-то, если его нѣтъ, оно инымъ не будетъ ¹. — Конечно, не будетъ. — Стало быть, подь условіемъ взаимнаго отношенія вещей; ибо это только остается еще иному, — или ужъ быть инымъ въ отношеніи къ ничему. — Правильно. — Взятая, стало быть, во множествѣ вещи суть «иное», — каждая въ отношеніи къ другой ²; ибо въ единствѣ, какъ скоро одного нѣтъ, это D. для нихъ невозможно: за то по множеству, каждая масса ихъ, какъ видно, безпредѣльна ³, хотя бы кто взялъ, по видимому, самое малое. Такъ во снѣ вдругъ вмѣсто кажущагося одного представляется многое, и вмѣсто самома́лѣйшаго — чрезвычайно большое, по сравненію съ тѣмъ, что изъ него выдѣляется. — Весьма справедливо. — Такъ иное будетъ иное во взаимномъ отношеніи такихъ-то массъ, — если есть иное при несуществованіи одного. — Совершенно такъ. — Но когда много массъ, не явится ли каждая одною, — хотя въ дѣйствительности и не будетъ ⁴, если нѣтъ одного? — Такъ. — И покажется, что онѣ имѣютъ число, — если ихъ много, и каждая составляетъ одно? — Конечно. — И однѣ изъ нихъ явятся

¹ Между той общей природой сущности, не отмѣченной никакими положительными признаками, и матеріей тѣлъ, хотя бы за ней признавалось бытіе, нельзя проводить различіе; такъ какъ отъ не имѣющаго никакихъ признаковъ сущности отличать что либо иное не мыслимо. Идея, ограниченная отрицательными признаками, не смотря на то, что ей приписывается бытіе, не имѣетъ въ себѣ никакого содержанія, есть ничто. Поэтому формы и образы чувственности не могутъ быть мыслимы какъ нѣчто имѣющее къ ней отношенія, какъ о т л и ч н о е: ея бытію недостаетъ именно опредѣленныхъ признаковъ, тогда какъ чувственная матерія, по коренному ея свойству, является множествомъ. И такъ, остается только одно: чтобы эти множества и массы тѣлесной матеріи, приобщаясь лишь общаго бытія, лишеннаго всѣхъ опредѣленныхъ признаковъ, сравнивались исключительно сами съ собою и различались сами отъ себя.

² Ибо тѣлесной матеріи, по ея природѣ, свойственно именно то, что она не имѣетъ единства и какъ бы раздѣлена на безконечныя массы. — К а к ъ с к о р о о д н о не существуетъ, — то есть, поколику одному недостаетъ положительныхъ признаковъ, которыми достигается то, что матерію тѣлъ мы вносимъ въ опредѣленныя нѣкоторыя представленія и чрезъ то получаемъ понятіе о вещахъ.

³ Такъ какъ тѣ́лѣ, присущее вещамъ, не имѣетъ въ настоящемъ случаѣ тѣхъ опредѣленныхъ формъ понятія, посредствомъ которыхъ отдѣльности какъ бы сводятся въ одно, то виды тѣлъ первобытной своей безконечности не теряютъ.

⁴ Такъ какъ, то есть, не схвачена никакою опредѣленною идеею.

четными, другія нечетными,—но опять ложно, если одного не будетъ.—Конечно, ложно.—Притомъ покажется, говоримъ, что въ нихъ есть и самомалѣйшее-то; но оно представится многимъ и великимъ, въ сравненіи съ каждымъ изъ многихъ и малыхъ существъ.—Какъ не представиться!—И каждая масса покажется также равною многому 165. малому; потому что являющееся не перейдетъ отъ бѣльшаго къ меньшему, прежде чѣмъ представится въ срединѣ между ними; а это будетъ представленіе равности.—Естественно.—Но, и въ отношеніи къ иной массѣ, и въ отношеніи къ самой себѣ имѣя предѣлъ, не покажется ли каждая масса вмѣстѣ и не имѣющею ни начала, ни конца, ни середины?—Какимъ же образомъ?—Вѣдь когда мысленно допустишь въ нихъ какое нибудь изъ тѣхъ свойствъ, — всегда прежде начала является иное начало, послѣ конца—другой, остающійся конецъ ¹, а въ срединѣ—иная, еще болѣе средняя середина, но меньшая—потому, что, за несуществованіемъ одного, невозможно схватить каждую изъ нихъ, какъ одну.—Весьма справедливо.—И такъ необходимо, думаю, дробится въ дѣленіи все сущее, какое кто беретъ мысленно; потому что берется, вѣроятно, масса, безъ одного.—Конечно, такъ.—Такое-то сущее—тому, кто смотритъ издали ² и тупо, не необходимо ли является однимъ, но мыслящему вблизи и остро—безпре- С. дѣльнымъ въ каждой изъ отдѣльностей,—поколикую онѣ лишены одного, какъ въ существующаго?—Весьма необходимо.—Такимъ образомъ иное, въ своихъ отдѣльностяхъ,—какъ скоро одного нѣтъ, а есть иное въ отношеніи одного,—должно являться безпредѣльнымъ и имѣющимъ предѣлъ, однимъ и многимъ.—Должно.—Не покажется ли оно также подобнымъ и не подобнымъ?—Почему же?—Напримѣръ, фигуры на картинѣ

¹ Потому что тѣла нѣкоторымъ образомъ пребываютъ безконечными и безпредѣльно дѣлимыми, *οὐκ ὄντος τοῦ ἐνός*.

² Тѣ массы вещей, имѣя нѣкоторую сущность, хотя и кажутся существующими, однако на самомъ дѣлѣ лишены единства идей. Если одно чуждо признаковь утвердительныхъ, то *οὐσία μετὰ τοῦ ἐνός* не получаетъ мѣста и въ *τά ἄλλα*.

для стоящаго вдали, сливаясь всё въ одно, являются съ одними и тѣми же свойствами и становятся подобными.—

- D. Конечно.—А кто подошелъ-то, тотъ видитъ многое и различное; по представленію же различнаго, видимо признаетъ инороднымъ и не подобнымъ одно другому.—Такъ.—Значить, и самыя массы необходимо должны являться и подобными, и не подобными, какъ самимъ себѣ, такъ и однѣмъ другимъ.—Конечно.—А потому, и тѣми же и взаимно различными, и соприкасающимися и обособленными, и имѣющими всё виды движенія и совершенно неподвижными, и рождающимися и погибающими, и ничего такого не обнаруживающими и обнаруживающими все такое,—что раскрыть было бы намъ уже не трудно, если, при несуществованіи одного, мы положимъ многое.—Весьма справедливо.
- E. в. вающими и обнаруживающими все такое,—что раскрыть было бы намъ уже не трудно, если, при несуществованіи одного, мы положимъ многое.—Весьма справедливо.

Взойдемъ еще однажды къ началу, и скажемъ: если одного нѣтъ, то чѣмъ должно быть иное въ отношеніи одного¹?—Да, скажемъ.—Вѣдь иное не будетъ однимъ.—Какъ быть.—Да не будетъ и многимъ-то; потому что во многомъ находилось бы и одно: а когда ви въ чемъ этомъ нѣтъ одного,—все вмѣстѣ оно ничто; такъ что не будетъ и многого.—Правда.—Если нѣтъ одного въ иномъ, иное не
166. есть ни многое, ни одно.—Конечно, такъ.—Да и не является ни однимъ, ни многимъ.—Почему же?—Потому что иное ни съ чѣмъ изъ не существующаго нигдѣ, никакимъ образомъ и никакого не имѣетъ общенія², и ничто изъ не суще-

¹ Объяснивъ, что станется съ прочимъ, какъ скоро одно взято будетъ въ смыслъ бытія отрицательнаго, философъ теперь учитъ, что вещи, разсматриваемыя въ отрѣшенномъ своемъ состояніи, когда τὸ ἓν не приписывается никакой сущности, окажутся такими вещами, которыя сами по себѣ не имѣютъ никакой сущности. Парменидъ, очевидно, хочетъ опровергнуть тѣхъ, которые за матерію тѣль, самую по себѣ, старались удержать силу и природу сущности. Онъ приходитъ къ заключенію, что, безъ познанія идей, нельзя приписать тѣламъ ничего въ родѣ извѣстнаго, опредѣленнаго состоянія или свойствъ, чѣмъ только и условливается сущность.

² Парменидъ приводитъ два доказательства на то, что τὰλλα не могутъ представляться какъ ἓν καὶ πολλά. Во первыхъ, τὰλλα, говорить, не имѣютъ никакого общенія съ тѣмъ, чего вовсе нѣтъ; во вторыхъ, и τὶ τῶν μὴ οὐτῶν не можетъ быть

ствующаго не содержитсяъ въ чемъ нибудь иномъ, такъ какъ у не существующаго нѣтъ и частей.—Правда.—Стало быть, въ иномъ нѣтъ и мнѣнія о не существующемъ или представленія, и не существующее вовсе никакъ не мнится для инаго.—Конечно, нѣтъ.—Слѣдовательно, если одного нѣтъ, то и не мнится что либо иное, ни какъ одно, ни какъ многое; потому В. что безъ одного мнить многое невозможно.—Невозможно.—Стало быть, если нѣтъ одного,—иное и не есть, и не мнится—ни какъ одно, ни какъ многое.—Походить, что нѣтъ.—То же и какъ подобное и не подобное.—Конечно, нѣтъ.—Да и какъ тождественное и различное, соприкасающееся и обособленное, или въ связи съ другими свойствами, въ которыхъ мы прослѣдили выше его явленія: этихъ свойствъ иное не имѣетъ и въ нихъ не является, если одного нѣтъ.— С. Правда.—И такъ, сказавъ кратко: если одного нѣтъ, то нѣтъ ничего,—не правильно ли мы скажемъ?—Безъ сомнѣнія, правильно.—Скажемъ же и это, и, какъ видно, то, что если одно есть, или одного нѣтъ, то какъ само оно, такъ и иное, и въ отношеніи къ себѣ, и въ отношеніи одно къ другому, совершенно все есть и не есть, всѣмъ является и не является.—Весьма справедливо.

присуще τῷ τῶν ἄλλων. Для объясненія же послѣдняго положенія, прибавляетъ:
οὐδὲν γὰρ μέρος ἐστὶ τοῖς μὴ οὖσιν.

